

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2017 Том 17 № 3

В номере: АСЕАН и трансрегиональное сотрудничество в Азии

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

А.В. Шабана, доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия
ir@rudn.university

Заместитель главного редактора

Д.А. Дегтерев, кандидат экономических наук, доцент, РУДН, Россия
degtereve_da@rudn.university

Заместитель главного редактора

К.П. Курyleв, доктор исторических наук, доцент, РУДН, Россия
kurylev_kp@rudn.university

Ответственный секретарь

Е.В. Журавлева, кандидат исторических наук, РУДН, Россия
zhuravleva_ev@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, ректор Дипломатической академии МИД России
Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Протопопов Анатолий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры ТИМО РУДН
Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович, кандидат политических наук, проректор Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин, профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Ван Гуанчжэнь, доктор исторических наук, профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китай

Моханти Арун Кумар, кандидат исторических наук, профессор, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Института международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Индия

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза, профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс, профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Моргунова Оксана, доктор философии, Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, Япония

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям «История», «Политические науки», «Экономика».

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Журнал является международным по проблематике, составу редколлегии и составу авторов. Будучи включенным в международный академический дискурс, журнал регулярно публикует статьи признанных экспертов-международников из РФ, Европы, Азии и США. Вместе с тем, издание дает возможность перспективным исследователям из Азии, Африки и Латинской Америки представить на страницах журнала свое локальное (национальное, региональное) видение мироустройства, что позволяет выработать более сбалансированные подходы к решению глобальных проблем современности.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в особенности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политические портреты», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2017—2018 гг. следующий:

№ 4 2017	Терроризм как глобальный проект и угроза международной безопасности	до 15 сентября 2017 г.
№ 1 2018	Психологическое восприятие великих держав в мире. Истоки антиамериканизма, русо- и синофобии	до 1 декабря 2017 г.
№ 2 2018	Большая Центральная Азия: «геополитический плюрализм» и поиск региональной идентичности	до 1 марта 2018 г.
№ 3 2018	Перспективы сотрудничества Юг-Юг. К 40-летию Буэнос-Айресского плана действий	до 1 июня 2018 г.
№ 4 2018	Большая стратегия (Grand Strategy) и сирийский кризис: коалиционные войны великих и восходящих держав	до 1 сентября 2018 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Редактор Т.К. Будовская

Компьютерная верстка Е.П. Довголевская

Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Подписано в печать 01.09.2017. Выход в свет 08.09.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл.-печ. л. 23,02. Тираж 500 экз. Заказ № 810. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2017 VOLUME 17 No. 3

In this issue: ASEAN and Inter-Regional Cooperation in Asia

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Andrey Shabaga
RUDN University, Russia
ir@rudn.university

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev
RUDN University, Russia
degterev_da@rudn.university

DEPUTY EDITOR

Doctor Konstantin Kurylev
RUDN University, Russia
kurylev_kp@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Evgeniya Zhuravleva
RUDN University, Russia
zhuravleva_ev@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Bazhanov Eugene Petrovich, Doctor, Rector of the Diplomatic Academy, MFA of Russia

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor, Deputy Director of the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

Protopopov Anatoly Sergeevich, Doctor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkhanovich, PhD, Prorector of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich, PhD, Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin, Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Wang Guangzhen, Doctor, Professor of the School of History and Culture in Shandong University, China

Mohanty Arun Kumar, PhD, professor, Head of the Centre for Russian and Central Asian Studies School of International Studies of Jawaharlal Nehru University, India

Gutierrez Del Cid Ana Teresa, Professor of International Relations at Metropolitan Autonomous University, Mexico

Kochler Hans, Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova Oksana, PhD, Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portraits", "International academic cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN* for 2017—2018 will deal with the following issues:

# 4 2017	Terrorism as a global project and a threat to international security	till 15 September 2017
# 1 2018	Psychological perception of the great powers in the world. The origins of anti-Americanism, Russo- and Sinophobia	till 1 December 2017
# 2 2018	Greater Central Asia: «geopolitical pluralism» and the quest for regional identity	till 1 March 2018
# 3 2018	Prospects for South-South cooperation. 40th anniversary of the Buenos Aires Plan of Action	till 1 June 2018
# 4 2018	Grand Strategy and the Syrian crisis: coalition wars of the great and rising powers	till 1 September 2018

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor T.K. Budovskaya

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Tel. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

АСЕАН и трансрегиональное сотрудничество в Азии

Костюнина Г.М. Интеграционная модель АСЕАН+1: основные положения соглашений и влияние на внешнеэкономические связи	441
Канаев Е.А., Шумкова В.А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности	458
Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции	469
Бектимирова Н.Н. Влияние «китайского фактора» на развитие российско-камбоджийских отношений	483
Федоров Н.В. Российско-вьетнамское военно-техническое сотрудничество: вызовы и возможности для России	496
Харина О.А. Стратегические интересы Индии в ШОС: энергетика и безопасность	508

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Понька Т.И., Бельченко А.С., Трусова А.А. Двухвекторный подход КНР к разрешению споров в Южно-Китайском море	518
Лычагин А.И., Комаров И.Д. Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты	530

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Шалденкова Т.Ю. Догоняющее развитие: опыт стран АСЕАН и российская политика импортозамещения	539
Данилин И.В. Конвергентные (НБИК) технологии: проблемы развития и трансформационный потенциал	555

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Pérez Benitez S., Eremin A.A. US-Cuba Relations: A New Wave of Confrontation? (Перес Бенитес С., Еремин А.А. Отношения США и Кубы: новый виток конфронтации?)	568
--	-----

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Юго-Восточная Азия: формирующаяся региональная идентичность. Интервью с проф. Д.В. Мосяковым (Институт востоковедения РАН)	575
---	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Panarina D.S. Rodrigo Duterte — who is he? (Панарина Д.С. Родриго Дутерте — кто он?)	588
---	-----

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Стрельцов Д.В.** Проблема возвращения Окинавы в японо-американских отношениях послевоенного периода 598

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Бурангулов Э.Р.** Особенности сотрудничества России и Казахстана в сфере высшего образования на современном этапе 612

РЕЦЕНЗИИ

- Шпаковская М.А.** Рецензия на монографию: *Мосяков Д.В.* Новая и новейшая история: модернизация и глобализация восточных обществ. М.: НОЧУВПО «Институт стран Востока», Институт востоковедения РАН, 2016. — 560 с. 620

- Кассае Ныгусие В. Микаель, Цвык А.В., Чикризова О.С.** Рецензия на монографию: *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by Alexei D. Voskressenski.* Singapore: World Scientific, 2017. — 738 p. 623

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

ASEAN and Inter-Regional Cooperation in Asia

- Kostyunina G.M.** The Integration Model ASEAN+1: the Main Norms of Agreements and Effect on Foreign Economic Ties 441
- Kanaev E.A., Shumkova V.A.** ASEAN-Led Multilateral Security Dialogue: Eurasian Priorities 458
- Yurtaev V.I., Rogov A.S.** BRICS and SCO: Particular Qualities of Formation and Activities 469
- Bektimirova N.N.** The Influence of the ‘Chinese Factor’ on the Development of Russian-Cambodian Relations 483
- Fedorov N.V.** Russian-Vietnamese Military-Technical Cooperation: Challenges and Opportunities for Russia 496
- Kharina O.A.** Strategic Interests of India in SCO: Energy and Security 508

PEACE AND SECURITY

- Ponka T.I., Belchenko A.S., Trusova A.A.** The Dual-track Approach of the PRC to the Resolution of Disputes in the South China Sea 518
- Lychagin A.I., Komarov I.D.** The Taiwan Question: External and Internal Determinants 530

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Shaldenkova T.Y.** The Catching-up Development: the ASEAN Experience and Import Substitution Policy of Russia 539
- Danilin I.V.** Convergent (NBIC) Technologies: Problems of Development and Transformational Potential 555

BILATERIAL RELATIONS

- Pérez Benítez Santiago, Eremin A.A.** US-Cuba Relations: A New Wave of Confrontation? 568

SCIENTIFIC SCHOOL

- South-East Asia: Emerging Regional Identity. Interview with prof. **Dmitry Mosyakov** (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences) ... 575

POLITICAL PORTRAITS

- Panarina D.S.** Rodrigo Duterte — Who is He? 588

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

- Streltsov D.V.** The Problem of Reversion of Okinawa in the US — Japan Postwar Relations 598

INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

- Burangulov E.R.** Contemporary Features of Cooperation between Russia and Kazakhstan in Higher Education 612

REVIEWS

- Shpakovskaya M.A.** Review of the book: Mosyakov, D.V. (2016). New and Recent History: Modernization and Globalization of Eastern Societies. Moscow: NOChUVPO «Institut stran Vostoka», IOS of RAS. (in Russ.) 620
- Kassae Nigusie W. Michael, Tsvyk A.V., Chikrizova O.S.** Review of the book: Voskressenski, A.D. (Ed.) Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Singapore: World Scientific, 2017. — 738 p. 623

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: АСЕАН и трансрегиональное сотрудничество в Азии

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-441-457

ИНТЕГРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ АСЕАН+1: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СОГЛАШЕНИЙ И ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Г.М. Костюнина

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Целью предлагаемого исследования выступает сравнительный анализ положений соглашений о зоне свободной торговли, подписанных АСЕАН со странами-партнерами по диалогу и по Восточноазиатскому саммиту — с Китаем, Японией, Республикой Корея, Индией, Австралией и Новой Зеландией.

Авторский тезис заключается в том, что на эффект от участия в интеграционном объединении влияет совокупность факторов: объем взаимного товарооборота, степень экономической взаимозависимости, уровень ставок таможенных пошлин на дату подписания соглашения, объем взаимного рынка, географическая близость. Чем выше роль перечисленных факторов, тем больший эффект создания торговли получают участвующие государства.

Основу методологии исследования составляет понимание региональных интеграционных соглашений как многофакторного инструмента торговой политики стран, который содействует либерализации взаимной торговли в целом и международной торговли в частности и стимулирует экономическое развитие участвующих государств. В статье проанализированы нормы регулирования торговли товарами и услугами, инвестиций, отличающие практически все соглашения, а также прав интеллектуальной собственности, перемещения физических лиц и экономического сотрудничества в рамках некоторых соглашений.

В статье рассматривается состояние торгового и инвестиционного сотрудничества между АСЕАН и странами-партнерами по зонам свободной торговли, и делается вывод об эффекте создания торговли для государств ассоциации с Китаем и Индией, который выражается в более быстрых темпах прироста взаимной торговли и увеличении ее доли в совокупном товарообороте. Наибольший экономический эффект для АСЕАН приносит зона свободной торговли с Китаем.

Опыт функционирования зон свободной торговли в рамках интеграционной модели АСЕАН+1 показывает важность более широкого охвата сфер экономических связей при проведении либерализации.

Ключевые слова: АСЕАН+1, зона свободной торговли, АСЕАН, Китай, Япония, Республика Корея, Австралия и Новая Зеландия, Индия

Важной тенденцией современного мирового экономического развития выступает формирование интеграционных объединений с преобладанием зон свободной торговли. Последние не связывают участвующие страны взаимными обязательствами по торговой политике в отношении третьих стран и создаются в основном на двусторонней основе. В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) наблюдаются наиболее динамичные интеграционные процессы, как в рамках традиционной институциональной модели, так и в рамках мягкой интеграции.

Основная цель предлагаемого исследования заключается в выявлении специфических черт членства АСЕАН в интеграционных соглашениях, сравнительном анализе основных положений таких соглашений и определении их влияния на внешнеторговые и инвестиционные связи АСЕАН. В исследовании использован анализ развития взаимных экономических связей между АСЕАН и странами-партнерами в динамике с учетом количественных, качественных, географических и временных характеристик двустороннего сотрудничества.

Еще в 1950-е гг. Дж. Вайнер (Viner) выделил два эффекта влияния на торговлю стран — партнеров по интеграционному объединению: эффект создания торговли (trade creation) и эффект отклонения торговли (trade diversion). Эффект создания торговли проявляется на основе замещения малоэффективного производства более конкурентоспособным импортом из стран-партнеров. Эффект отклонения торговли достигается в рамках замещения более конкурентоспособного импорта из третьих государств импортом менее конкурентоспособной продукции из участвующих стран. Дж. Мид [Meade 1955], Р. Липси [Lipsey 1970] и Л. Саммерс [Summers 1991] склоняются в пользу эффекта создания торговли, а Г. Гроссман и Е. Хелпман [Grossman, Helpman 1995], Дж. Бхагвати [Bhagwati 1991] и А. Панагария [Panagariya 1999] — эффекта отклонения торговли в рамках интеграционного объединения.

Авторский тезис состоит в том, что эффект на внешнеэкономические связи участвующей страны зависит от величины ставок таможенных пошлин на дату подписания соглашения, уровня экономической взаимозависимости и взаимодополняемости между партнерами. Несомненно влияние и прочих факторов, таких как географическая близость и объем совокупного ВВП.

Основу *методологии исследования* составляет осознание интеграционных объединений в качестве многофакторного инструмента торговой политики, стимулирующего проведение торговой либерализации как в рамках интеграционного объединения в целом, так и международной торговли в частности. В рамках данного исследования использованы метод сравнительного анализа для определения особенностей членства АСЕАН в соглашениях АСЕАН+1; метод статистического анализа и политического прогнозирования, что позволило охарактеризовать нормы соглашений, подписанных в рамках модели АСЕАН+1; а также логический концептуальный анализ, выявляющий целостную картину интеграционной политики АСЕАН.

В предлагаемом исследовании по сравнению с иными работами анализируются основные положения пяти интеграционных соглашений по модели АСЕАН+1. В работе оценены эффекты создания торговли и создания инвестиций для экономики АСЕАН.

Созданная в 1967 г. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) прошла эволюцию от зоны преференциальной торговли (с середины 1980-х гг.) до зоны свободной торговли (в 2000 г. для шести наиболее экономически развитых стран — Сингапура, Малайзии, Таиланда, Филиппин, Индонезии и Брунея) [Костюнина 2006] и Экономического сообщества (в 2016 г.) [Костюнина 2015].

В конце 2015 г. на очередном саммите ассоциации было объявлено о завершении формирования Экономического сообщества как единого рынка товаров, ус-

луг, капитала и лиц квалифицированного труда. Окончательное завершение создания Экономического сообщества намечено на 2025 г. [ASEAN Economic Community... 2016]. Но достигнутая форма экономической интеграции не равнозначна общему рынку, так как АСЕАН не прошел стадию таможенного союза, т.е. не проводится общая торговая политика, главным инструментом которой является общий таможенный тариф.

АСЕАН имеет пять региональных торговых соглашений о зоне свободной торговли (ЗСТ) с основными торговыми контрагентами и партнерами по Восточноазиатскому саммиту (ВАС): с Китаем, Республикой Корея, Японией, Индией, Австралией и Новой Зеландией (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Соглашения АСЕАН+1: основные показатели /
Free Trade Agreements ASEAN+1: the main indicators**

Показатели / Indicators	Соглашения АСЕАН+1 / Free Trade Agreements ASEAN+1				
	АСЕАН— Китай / FTA ASEAN—China	АСЕАН— Республика Корея / FTA ASEAN— Republic of Korea	АСЕАН— Япония / FTA ASEAN—Japan	АСЕАН— Индия / FTA ASEAN— India	АСЕАН—Авст- ралия—Новая Зеландия / FTA ASEAN— Australia & New Zealand
Дата вступления соглашения в силу / The date of entry into force	2005	2007	2008	2010	2010
Численность насе- ления, млн чел. / Population, mln	1939	647	726	1814	625
Совокупный ВВП, трлн долл. / Total GDP, trln USD	7,7	2,9	7,3	3,4	3,2
Охват/ Coverage	Товары, услуги, инвестиции / Goods, Ser- vices, Invest- ment	Товары, услуги, инвестиции / Goods, Ser- vices, Invest- ment	Товары, сотрудниче- ство / Goods, Economic co- operation	Товары, услуги, инвестиции / Goods, Ser- vices, Invest- ment	Товары, услуги, инвестиции, ИПС, конку- рентная поли- тика / Goods, Services, Invest- ment, IPRs, competitive policy
Дата ликвидации пошлин / Limitation of customs duties	2012	2012	2026	2019	2020
Правила происхо- ждения товаров — доля местного компонента, не менее/ Country of origin, %	40%	40%	40%	35%	40%
Совокупный това- рооборот, млрд долл. / Total trade volume, bln USD	3893,8	1224,3	2014,8	632,8	653,5

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author

Опыт АСЕАН подтверждает риск высокой зависимости экономического роста от динамики экспорта. Для сохранения экспортоориентированного развития следует расширить экономические связи. С этой точки зрения важным представляется факт подписания соглашений о зоне свободной торговли с шестью странами Восточной Азии, юга Тихоокеанского бассейна и Южной Азии. Следует заметить, что модель экспортоориентированного развития имеет пределы и государства ассоциации начинают постепенный переход к политике стимулирования внутреннего спроса, что, например, уже применяет Китай.

АСЕАН является центром экономической интеграции в Восточной Азии, о чем не раз заявлялось на восточноазиатских саммитах (ВАС). В течение 2004—2010 гг. были подписаны соглашения с основными диалоговыми и торговыми партнерами по модели АСЕАН+1. Подобная модель признается в качестве первого этапа формирования Восточноазиатского сообщества, стратегическая цель которого была поставлена в 2005 г. в рамках Восточноазиатского саммита. Переговорный процесс по достижению этой цели в рамках концепции Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) с участием 16 государств ВАС продолжается¹.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМ СОГЛАШЕНИЙ АСЕАН+1

Из пяти соглашений о свободной торговле в рамках интеграционной модели АСЕАН+1 только одно — с Австралией и Новой Зеландией — носит комплексный характер и охватывает товары, услуги, перемещение физических лиц, инвестиции, конкурентную политику и защиту прав интеллектуальной собственности. Другие соглашения (за исключением соглашения с Японией) имеют нормы по товарам, услугам и инвестициям с подробным описанием обязательств договаривающихся сторон [ASEAN+1 FTAS... 2010].

Все соглашения включают разделы по *торговле товарами*, в которых определена ликвидация таможенных пошлин. Так, их постепенное устранение в торговле с Китаем установлено в отношении 90% товаров взаимной торговли к 2010 г. для Китая и шести экономически более развитых стран АСЕАН² и для стран Индокитая к 2015 г.³; с Австралией и Новой Зеландией — к 2010 г. для этих государств Океании, к 2013 г. для более развитых стран АСЕАН и до 2025 г. — для менее развитых⁴; с Республикой Корея — к 2010 г., на чувствительные и высоко-

¹ В переговорах по РВЭП (Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement, RCEP) участвуют страны АСЕАН, Япония, Китай, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия, между которыми в двустороннем формате действуют зоны свободной торговли в рамках модели АСЕАН+1.

² Экономически более развитые страны АСЕАН — Сингапур, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия и Бруней, или АСЕАН-6.

³ Agreement on Trade in Goods of the Framework Agreement on comprehensive economic cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the People's Republic of China. URL: <http://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2013/economic/afta/ACFTA/3-%20Agreement%20ACFTA%20TIG%20Agreement%20%28Body%20Agreement%29> (accessed: 17.03.2017).

⁴ Agreement Establishing the ASEAN-Australia-New Zealand Free Trade Area, Cha-am, Thailand, 27 February 2009. URL: <http://www.asean.org/storage/images/2013/economic/afta/AANZFTA/Agreement%20Establishing%20the%20AANZFTA> (accessed: 17.03.2017).

чувствительные товары были снижены до 0—5% к 2016 г.¹; с Японией — с даты вступления в силу соглашения в 2009 г.²; с Индией — в отношении 80% товаров взаимной торговли к 2013—2016 гг. (для Филиппин — к 2018 г.)³. Таким образом, с учетом правил ВТО, требующих либерализации не менее 90% взаимной торговли, зоны свободной торговли по модели АСЕАН+1 сформированы.

Уровень либерализации тарифных позиций в отдельных государствах АСЕАН различен в зависимости от взятых обязательств в рамках той или иной зоны свободной торговли (см. табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Уровень либерализации тарифных позиций
в странах АСЕАН с учетом взятых обязательств, % /
Level of liberalization of tariff lines in ASEAN states in accordance with norms of FTAs, %**

Страна / Country	Полностью либерализовано / Full liberalized	Либерализовано в зависимости от норм соответствующей ЗСТ / Partly liberalized in accordance with FTA	Не либерализовано по всем ЗСТ / Non-liberalized in all FTAs
Бруней / Brunei	84,1	15,9	0
Вьетнам / Vietnam	78,1	19,1	2,8
Индонезия / Indonesia	46,0	52,8	1,2
Камбоджа / Cambodia	64,3	35,3	0,4
Лаос / Laos	68,0	31,6	0,4
Малайзия / Malaysia	76,0	22,9	1,1
Мьянма / Myanmar	66,6	31,8	1,6
Сингапур / Singapore	100,0	0	0
Таиланд / Thailand	75,6	24,3	0,1
Филиппины / Philippines	74,6	24,4	1,0
АСЕАН, average	73,3	25,8	0,9

Источник / Source: [Fukunaga, Isono 2013: 10]

Как можно заметить, наибольший (100%) уровень либерализации достигнут в Сингапуре, отличающемся либеральной таможенно-тарифной практикой. В меньшей степени (менее $\frac{2}{3}$ тарифных позиций) полностью либерализовали доступ товаров из стран-партнеров по зонам свободной торговли АСЕАН+1 Индонезия (46,0%), Камбоджа (64,3%) и Мьянма (66,6%).

Все соглашения предусматривают устранение количественных ограничений (квот), а также определяют намерение либерализовать нетарифные ограничения (НТО) после проведения дополнительных переговоров. Вместе с тем воз-

¹ Agreement on Trade in Goods under the Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation Among the Governments of the Member Countries of the Association of Southeast Asian Nations and the Republic of Korea. URL: <http://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/06/AK-TIG-Agreement-August-2006> (accessed: 17.03.2017).

² Agreement on Comprehensive Economic Partnership among Member States of the Association of Southeast Asian Nations and Japan. URL: <http://www.asean.org/storage/images/archive/agreements/AJCEP/Agreement> (accessed: 17.03.2017).

³ Agreement on Trade in Goods Under the Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation between the Association of Southeast Asian Nations and the Republic of India. URL: <http://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2013/economic/afta/ASEAN%20India%20TIG%20-%20CTC%20scan%20> (accessed: 17.03.2017).

можно сохранение НТО с учетом принципа прозрачности и не создания дополнительных барьеров на пути взаимной торговли. Аналогично могут применяться автоматические и неавтоматические импортные лицензии, но на прозрачной основе и с предварительным уведомлением партнера в течение максимум 60 дней с даты их введения.

Все соглашения в рамках интеграционной модели АСЕАН+1 содержат нормы о правилах определения страны происхождения товаров (см. табл. 1). В частности, в соглашении с Австралией и Новой Зеландией под страной происхождения товара понимается страна, где товар был произведен или существенно переработан. В последнем случае стоимость товара должна содержать не менее 40% регионального компонента. Аналогичный показатель установлен в соглашениях АСЕАН с Японией, Китаем и Республикой Корея, а в отношениях с Индией — 35%.

Еще одна распространенная черта рассматриваемых соглашений АСЕАН+1 — включение санитарных и фитосанитарных норм, а также технических правил и стандартов. Их применение во взаимной торговле исходит из учета подхода ВТО в соответствующих соглашениях, развития сотрудничества и формирования контактных пунктов для обмена информацией по упомянутым видам НТО и процедурам их осуществления.

Есть положения по применению защитных мер, которые отличаются единообразием. Они вводятся в соответствии со ст. XIX ГАТТ-1994, Соглашением по защитным мерам, ст. У Соглашения по сельскому хозяйству.

Основная причина их применения связана с ущербом или угрозой его причинения национальной отрасли страны-импортера. В качестве ответной меры пострадавшая сторона вправе приостановить процесс снижения таможенных пошлин во взаимной торговле, или повысить ставку пошлины, или применить ставку пошлины по режиму наибольшего благоприятствования (РНБ) в рамках национального таможенного тарифа. Применение одной из перечисленных мер возможно лишь по результатам расследования, проведенного уполномоченным органом пострадавшей стороны, и если доля такой продукции не превышает 3% совокупного импорта. О введении защитных мер сторона обязана письменно уведомить другую сторону соглашения.

Только в одном соглашении с Австралией и Новой Зеландией есть положение об устранении субсидий на аграрный экспорт во взаимной торговле, что, несомненно, является важной мерой либерализационного характера.

Отдельные соглашения содержат положения по таможенному сотрудничеству, в том числе с учетом принципов прозрачности, предсказуемости и стабильности таможенных процедур во взаимных отношениях, их осуществления на основе обмена информацией о специфике национального законодательства, обмена передовой практикой, упрощения и гармонизации таможенных процедур, использования автоматизированных систем при проведении таможенной очистки грузов.

Вопросы *торговли услугами* включены в общее соглашение о зоне свободной торговли (например, с Австралией и Новой Зеландией) или оформлены отдельным соглашением (с Китаем или Республикой Корея). Во взаимной торговле услугами установлен национальный режим как режим не менее благоприятный в отношении

услуг и их поставщиков страны-партнера, что и в отношении национальных услуг и их поставщиков. Что касается обязательного в рамках Генерального соглашения ВТО по торговле услугами (ГАТС) РНБ, то записана возможность проведения консультаций между партнерами по его введению.

Правила доступа поставщиков на рынок услуг определены в соответствии с нормами ГАТС. Они включают режим не менее благоприятный, чем режим, который установлен с учетом специфических обязательств каждой страны и ограничений, как, в частности, ограничение количества поставщиков услуг, стоимостного объема сделки по услугам, количества сделок, ограничение количества физических лиц, оказывающих услуги и ограничение зарубежного участия в уставном капитале компании.

Некоторые рассматриваемые соглашения о зоне свободной торговли АСЕАН+1 в положениях по торговле услугами предусматривают принцип признания в отношении документов об образовании, лицензий и сертификатов для физических лиц — поставщиков услуг.

С учетом более низкого уровня экономического развития Лаоса, Мьянмы, Вьетнама и Камбоджи практически все соглашения включают нормы по содействию в создании производственных мощностей национальной сферы услуг, упрощению их доступа к каналам распределения, расширению торговли услугами, роста ее эффективности и конкурентоспособности на основе специального и дифференцированного режима.

Инвестиционные вопросы чаще определены в отдельных соглашениях, например, с Республикой Корея, Индией и Китаем. Исключение составляет соглашение о комплексном экономическом партнерстве между странами АСЕАН и Японией. В последнем содержится краткий раздел по инвестициям с обязательством сторон по формированию благоприятного и прозрачного предпринимательского климата во взаимных инвестициях, а остальные инвестиционные вопросы оставлены на будущие переговоры.

Предусмотрены стандартные для международной практики инвестиционные режимы — национальный, справедливый и равноправный, режим безопасности и полной защиты. Во взаимных инвестициях запрещено выдвигание производственных требований с учетом положений Соглашения ВТО по торговым аспектам инвестиционных мер, связанных с торговлей (ТРИМС), таких как: регулирование ассортимента продукции на предприятиях с зарубежным капиталом, объема экспорта продукции, объема сбыта продукции на внутреннем рынке, требование передачи технологии, определение нормы содержания местного компонента и т.д.

Инвестиционные положения исходят из запрета национализации иностранной собственности и определяют причины ее возможного осуществления, которые включают: общественные интересы, недискриминационную основу и соответствие национальному законодательству принимающей страны. В случае проведения национализации собственности иностранный инвестор получает компенсацию, которая должна быть быстрой, эффективной и адекватной, как и установлено в международном праве. Ее сумма рассчитывается с учетом рыночной стоимости национализируемой собственности и осуществляется в конвертируемой валюте.

Соглашения определяют свободный перевод прибыли и других инвестиционных доходов (как, например, дивиденды, платежи роялти, банковские проценты, платежи по контракту, лицензионные сборы). Есть ограничения в отношении свободы такого перевода в случае банкротства компании с зарубежным капиталом, необходимости защиты прав кредиторов или уголовного наказания инвестора.

В ряде соглашений можно встретить вопросы возмещения убытков от вооруженных конфликтов, гражданских беспорядков, чрезвычайных мер на территории принимающей страны. В таких случаях пострадавшей стороне предоставляется не менее благоприятный режим, чем национальным инвесторам и их инвестициям, инвесторам любого третьего государства и их инвестициям.

Инвестиционное соглашение с Республикой Корея включает положение, которое отсутствует в соглашениях с другими партнерами АСЕАН. Оно касается национальности топ-менеджеров и членов совета директоров компании. Принимающая сторона не вправе предъявлять требования к национальности перечисленных лиц, вместе с тем, это возможно только, если такое требование не препятствует осуществлению контроля инвестора над вложенными инвестициями.

Только соглашение о свободной торговле между АСЕАН и Австралией и Новой Зеландией регулирует *перемещение физических лиц*. Последним предоставляется право временного пребывания на территории другого договаривающегося государства при условии соблюдения требуемых миграционных процедур и соответствия критериям режима въезда/выезда. Обязательства временного пребывания физических лиц определены каждой стороной в приложении к соглашению.

Соглашение о зоне свободной торговли между АСЕАН и Австралией и Новой Зеландией включает раздел по *защите прав интеллектуальной собственности (ИПС)*, таких как копирайт, товарные знаки и географические названия, программное обеспечение, генетические ресурсы и др. В отношении перечисленных объектов прав интеллектуальной собственности применяется национальный режим с учетом Соглашения ВТО по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Вместе с тем, ЗСТ не регулирует наиболее распространенный объект ИПС как промышленная собственность.

Другое соглашение — о комплексном экономическом партнерстве между АСЕАН и Японией содержит главу по *экономическому сотрудничеству*, в которой определены следующие его направления: регулирование процедур, связанных с торговлей; предпринимательский климат; защита ИПС; энергетика; информационно-коммуникационные технологии; развитие человеческих ресурсов; малое и среднее предпринимательство; туризм; транспорт и логистика; сельское, рыболовное и лесное хозяйство; экология; конкурентная политика. Для развития сотрудничества стороны разрабатывают программы, формируют подкомитеты и контактные пункты по обмену информацией и развитию экономического сотрудничества.

Все соглашения включают положения о *разрешении споров* с подробным описанием их процедуры. Основной способ разрешения — проведение консультаций, но, если в течение 180 дней стороны не смогли прийти к обоюдному согласию, то они вправе обратиться в судебный орган. Для разрешения спора создается ар-

битражная группа ad-hoc из трех судей. Ее решение носит обязательный характер и связывает спорящие стороны взаимными обязательствами. В случае спорного вопроса между инвестором и принимающим государством стороны вправе обратиться в Международный центр по разрешению инвестиционных споров (МЦРИС) в рамках Всемирного банка.

ВЛИЯНИЕ ЗОН СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ НА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АСЕАН

Ниже приведена таблица по динамике экспорта и импорта между странами АСЕАН и государствами, подписавшими соглашения АСЕАН+1.

Таблица 3 / Table 3

**Динамика взаимной торговли
между АСЕАН и партнерами по зонам свободной торговли, млрд долл. /
Trade between ASEAN and FTA partners, bln USD**

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Торговля АСЕАН с Китаем / Trade with China										
Экспорт / Export	65,0	77,9	87,6	81,6	112,9	122,7	141,9	152,5	150,5	133,9
Импорт / Import	75,0	93,2	109,2	96,6	118,9	152,6	177,6	194,9	216,1	211,5
Торговля с Австралией и Новой Зеландией / Trade with Australia and New Zealand										
Экспорт / Export	26,1	31,0	39,0	32,1	39,4	42,1	51,3	51,2	51,7	37,8
Импорт / Import	14,8	16,7	21,5	17,0	23,3	25,9	27,5	26,6	29,3	22,2
Торговля с Республикой Корея / Trade with Republic of Korea										
Экспорт / Export	27,2	29,4	36,6	34,3	44,9	54,3	55,0	52,8	51,6	45,8
Импорт / Import	28,8	31,7	41,7	40,5	53,6	70,1	76,0	82,1	79,8	76,7
Торговля с Японией / Trade with Japan										
Экспорт / Export	81,3	85,1	105,9	78,1	102,9	145,7	126,5	122,9	120,2	113,6
Импорт / Import	80,5	87,9	108,5	82,8	103,7	128,2	136,4	117,9	108,8	124,4
Торговля с Индией / Trade with India										
Экспорт / Export	18,9	24,8	30,9	26,5	35,9	42,5	44,1	41,9	43,3	39,0
Импорт / Import	9,8	12,4	17,9	12,6	19,4	25,7	27,8	25,9	24,4	19,4

Источник / Source: составлено автором на основе данных ASEAN Yearbook on International Merchandise Trade in Goods (IMTS) 2015; ASEAN Community in Figures (ACIF) 2016¹.

На долю КНР приходится 15,2% совокупного товарооборота АСЕАН в 2015 г.; по сравнению с 2000 г. (4,3%) этот показатель вырос. На втором месте — Япония с удельным весом 10,5%, на третьем — Республика Корея — 5,4%. Далее следуют Австралия и Новая Зеландия — 2,7% и Индия — 2,6% по итогам 2015 г. Для всех стран-партнеров удельный вес в совокупном товарообороте АСЕАН вырос, начиная с 2006 г.

¹ ASEAN Yearbook on International Merchandise Trade in Goods (IMTS) 2015. Jakarta, 2016, 16—17. ASEAN Community in Figures (ACIF) 2016. Jakarta, 2017, 32—33.

Как видно из табл. 3, наиболее динамичный рост отличает торговлю с Китаем. При увеличении совокупного экспорта АСЕАН в 1,84 раза за 2006—2015 гг. экспорт в Китай повысился в 2,3 раза. Более быстрые темпы роста отличают экспорт ассоциации в Индию по сравнению с показателем для совокупного экспорта — в 2,1 раза. Что касается других партнеров по ЗСТ, то динамика отличалась более медленными темпами. Так, асеановский экспорт в Республику Корея вырос в 1,64 раза, Австралию и Новую Зеландию — в 1,4 раза и Японию — в 1,25 раза.

Товарная структура экспорта АСЕАН в КНР представлена электрическими машинами и оборудованием, минеральным топливом и ядерными реакторами; в Австралию и Новую Зеландию — минеральным топливом, средствами транспорта, за исключением железнодорожного подвижного состава; в Республику Корея — электрическими машинами и оборудованием, и минеральным топливом; в Японию — основная доля приходится на электрические машины и оборудование и минеральное топливо; в Индию — минеральное топливо, масла животного и растительного происхождения, электрические машины и оборудование [Hong 2015].

Импорт АСЕАН из стран — партнеров по зонам свободной торговли отличается более динамичными темпами роста. За 2006—2015 гг. импорт АСЕАН из Китая возрос в 3,1 раза, из Австралии и Новой Зеландии — в 1,5 раза, из Республики Корея — в 2,29 раза, из Японии — в 1,2 раза и Индии — в 2,1 раза.

В структуре импорта из КНР преобладают: железнодорожные локомотивы, игрушки, зонты, искусственные цветы, переработанные овощи; из Австралии и Новой Зеландии преобладают цинковые трубы, рожь, мясо свежее и замороженное, урановые руды, шерсть; из Японии — продукция базовой металлургии; из Индии — органические химические товары и злаки.

Вступление в силу соглашений по модели АСЕАН+1 стимулировало прямые иностранные инвестиции (ПИИ) во взаимных рамках и соответственно рост удельного веса в совокупных ПИИ, привлеченных в асеановскую экономику.

Основным инвестором в страны АСЕАН выступает Япония. Объем японских ПИИ в экономику стран ассоциации возрос с 551 млн долл. до 17 395,2 млн долл. за 2000—2015 гг., или в 31,6 раза. Удельный вес Японии в совокупных капиталовложениях в АСЕАН увеличился с 2,5% до 14,5%.

Вторым инвестором из числа партнеров по ЗСТ выступает Китай, на долю которого приходится 6,8%. Объем китайских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику АСЕАН возрос с 1958 млн долл. до 8155,3 млн долл. за 2006—2015 гг., или в 4,2 раза.

Объем южнокорейских прямых инвестиций в АСЕАН увеличился с 49 млн долл. до 5680,2 млн долл., или в 115,9 раза, а доля с 0,2% до 4,7% за 2000—2015 гг., что соответствует 3-му месту среди партнеров по ЗСТ и 6-му месту из числа всех внешних инвесторов.

Объем ПИИ из Австралии и Новой Зеландии увеличился в экономику стран АСЕАН с 322 млн долл. до 7434 млн долл., или в 23 раза за 2000—2015 гг., а их

доля в совокупных ПИИ, вложенных в асеановскую экономику — соответственно с 1,5% до 6,2%. Обе страны Океании опережают Индию по итогам 2015 г.

Индийские ПИИ в экономику АСЕАН увеличились с 81 млн долл. до 1254,4 млн долл. или в 15,5 раза за 2000—2015 гг., при этом доля Индии в совокупных ПИИ, вложенных в экономику АСЕАН, увеличилась с 0,4% до 1,1%¹.

Отраслевой разрез ПИИ государств — партнеров по ЗСТ представлен как сферой услуг, так и обрабатывающей промышленностью. ПИИ из Китая, Австралии, Новой Зеландии и Индии преобладают в финансовой и страховой отраслях, а также в оптовой и розничной торговле. Инвестиции из Японии и Республики Корея предпочитают вложения в обрабатывающую промышленность государств ассоциации.

Таким образом, соглашения о ЗСТ стимулировали взаимные экономические связи между партнерами. На совокупную долю партнеров приходится 39,1% торговли и 33,3% ПИИ, вложенных в экономику АСЕАН в 2015 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ОТ ЗОН СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ АСЕАН+1

Проведенный выше анализ положений соглашений о ЗСТ позволяет сделать вывод, что в интеграционной практике АСЕАН действуют 3 формата зон свободной торговли в соответствии с методологией ВТО: умеренные ЗСТ (АСЕАН—Австралия и Новая Зеландия), ограниченные (АСЕАН—Китай, АСЕАН—Республика Корея и АСЕАН—Индия) или теньевые ЗСТ (АСЕАН—Япония)².

Согласно теории интеграции, чем больше совокупный ВВП интеграционного объединения, тем больший объем преимуществ получают страны-участницы. По совокупному объему ВВП выделяется зона свободной торговли АСЕАН—КНР. Существенную роль играют ЗСТ АСЕАН—Япония (2-е место) и ЗСТ АСЕАН—Индия (3-е место).

Еще один важный фактор, определяющий преимущества создания того или иного объединения, — объем взаимной торговли на момент формирования зоны свободной торговли. Как показывают данные табл. 3, наиболее высокий объем взаимного экспорта наблюдался в зонах свободной торговли АСЕАН—Япония и АСЕАН—Китай. Если сравнить рост совокупного экспорта из АСЕАН (рост в 1,84 раза за 2006—2015 гг.) с соответствующим показателем для экспорта в страны-партнеры, то он выше для Китая (2,3 раза) и Индии (2,1 раза). В рамках данных ЗСТ достигается эффект создания торговли для АСЕАН.

Другой важный фактор — экономическая взаимозависимость и взаимодополняемость, что определяет долю взаимного экспорта в совокупном экспорте инте-

¹ ASEAN Investment Report 2016. ASEAN Secretariat, 2016.

² По методологии ВТО с учетом включения четырех сингапурских вопросов (инвестиции, конкурентная политика, содействие торговле и госзакупки) различают зоны высокого стандарта (все 4 вопроса), умеренные зоны (2—3 вопроса), ограниченные (1 вопрос), теньевые — только либерализация торговли.

грационного объединения. Наиболее высока доля взаимной торговли в ЗСТ АСЕАН—Китай — 15,2% и ЗСТ АСЕАН—Япония — 10,5%.

Еще один показатель, определяющий эффективность ЗСТ для государств АСЕАН, — индекс интенсивности торговли¹. Со всеми партнерами АСЕАН по зонам свободной торговли данный показатель выше 1, но его динамика неравномерная. Если в отношениях с Китаем индекс вырос с 1,27 до 1,51, с Республикой Корея — с 1,63 до 1,77, то в отношениях с Японией снизился с 2,27 до 2,17, с Австралией — с 2,71 до 2,03, с Новой Зеландией — с 1,82 до 1,77 и с Индией — с 1,75 до 1,39 за 2006—2015 гг.

Преимущества от функционирования ЗСТ тем выше, чем более высокие ставки пошлин были в странах-партнерах на момент подписания соглашения. Так, более высокие средневзвешенные ставки таможенных пошлин по РНБ действуют в Индии (13,4%), Республике Корея (13,9%) и Китае (9,9%).

Важность географической близости связана с более низкими транспортными издержками при развитии торговли. К АСЕАН наиболее близко расположена КНР в отличие от других стран-партнеров, что предоставляет данной зоне свободной торговли большие конкурентные преимущества перед другими зонами. Из числа прочих партнеров ближе расположены Япония и Республика Корея.

Японский аналитик М. Окабе для анализа эффекта функционирования ЗСТ АСЕАН+1 на экспорт стран Ассоциации использовал гравитационную модель на основе статистических данных за 2002—2013 гг. [Okabe 2014]. Основными экспортными товарами АСЕАН в страны-партнеры являются топливо и транспортное оборудование. Удельный вес Китая, Японии, Республики Корея, Индии, Австралии и Новой Зеландии равнялся 79% в совокупном асеановском экспорте топлива. Главная причина связана с географической близостью и соответственно меньшими транспортными издержками. Эффект создания торговли по данной товарной группе достигнут для Таиланда, Вьетнама, Филиппин, Таиланда и Малайзии (см. табл. 4).

По заключению М. Окабе, на основе гравитационной модели выявлен эффект создания торговли по практически всем товарным группам асеановского экспорта [Okabe 2014: 54—55], за исключением топлива в рамках ЗСТ АСЕАН—Китай. Главная причина большего объема преимуществ связана с более ранней датой подписания и соответственно вступления в силу этого соглашения. Другие соглашения подписаны позже, что ведет к меньшему эффекту создания торговли для экспорта стран ассоциации. Из их числа наименьший объем эффекта достигается в ЗСТ АСЕАН—Япония, что вызвано действием семи двусторонних соглашений Японии с отдельными странами ассоциации, которые и предоставляют большие преимущества в отношении сбыта продукции на японском рынке. Исключение составляет транспортное оборудование, экспорт которого растет по причине региональной цепочки поставок.

¹ Индекс торговой интенсивности определяет долю внешней торговли страны в удельном весе совокупного товарооборота страны-партнера. Если значение больше 1, то это значит, что взаимная торговля между странами больше, чем ожидалось.

Таблица 4 / Table 4

**Эффект создания торговли для экспорта стран АСЕАН
в рамках ЗСТ АСЕАН+1 в отраслевом разрезе /
Trade creation effect for export of ASEAN states
under the framework of ASEAN+1**

Товарные группы / Tariff lines	АСЕАН—Китай / ASEAN—China	АСЕАН—Республика Корея / ASEAN—Republic of Korea	АСЕАН— Япония / ASEAN— Japan	АСЕАН—Австралия и Новая Зеландия / ASEAN—Australia & New Zealand	АСЕАН—Индия / ASEAN—India
Топливо / Fuels	Филиппины Таиланд Вьетнам / Philippines Thailand Vietnam	Индонезия Малайзия Филиппины Сингапур Таиланд Вьетнам Бруней / Indonesia Malaysia Philippines Singapore Thailand Vietnam	Малайзия Бруней / Malaysia Brunei	Индонезия Малайзия Вьетнам Бруней / Indonesia Malaysia Vietnam Brunei	Филиппины Таиланд / Philippines Thailand
Продоволь- ствие и напитки / Food & beverages	Малайзия Сингапур / Malaysia Singapore	Сингапур Вьетнам / Singapore Vietnam	Бруней Мьянма / Brunei Myanmar	Малайзия Сингапур Вьетнам Мьянма / Malaysia Singapore Vietnam Myanmar	Сингапур Мьянма / Singapore Myanmar
Полуфабри- каты / Industrial goods	Камбоджа Малайзия Сингапур Таиланд Лаос Мьянма / Cambodia Malaysia Singapore Thailand Laos Myanmar	Индонезия Малайзия Филиппины Вьетнам Лаос / Indonesia Malaysia Philippines Vietnam Laos	Филиппины Вьетнам Бруней / Philippines Vietnam Brunei	Индонезия Малайзия Лаос / Indonesia Malaysia Laos	Камбоджа Индонезия Малайзия Лаос Мьянма / Cambodia Indonesia Malaysia Laos Myanmar
Капиталоём- кие товары / Capital goods	Малайзия Филиппины Сингапур / Malaysia Philippines Singapore	Сингапур/ Singapore	Сингапур Мьянма / Singapore Myanmar	Индонезия Лаос / Indonesia Laos	Индонезия Лаос Филиппины Мьянма/ Indonesia Laos Philippines Myanmar
Транспортное оборудова- ние / Transport equipment		Малайзия Вьетнам Сингапур / Malaysia Vietnam Singapore	Вьетнам / Vietnam	Малайзия Индонезия / Malaysia Indonesia	Мьянма Вьетнам / Myanmar Vietnam
Потребитель- ские товары / Consumer goods	Камбоджа Сингапур Бруней Мьянма / Cambodia Singapore Brunei Myanmar	Камбоджа Филиппины Вьетнам Мьянма / Cambodia Philippines Vietnam Myanmar	Филиппины Малайзия Таиланд Мьянма / Philippines Malaysia Thailand Myanmar	Индонезия Малайзия Филиппины Таиланд / Indonesia Malaysia Philippines Thailand	Камбоджа Малайзия Бруней / Cambodia Malaysia Brunei

Источник / Source: составлено на основе / compiled by the author in accordance with [Okabe 2014: 54—55]

Следовательно, формирование зон свободной торговли в рамках интеграционной модели АСЕАН+1 стимулировало рост регионального экспорта в Восточной Азии на основе создания торговли практически по всем товарным группам. Особые преимущества достигнуты в ЗСТ АСЕАН с Китаем, Республикой Корея и Индией (особенно по полуфабрикатам и капиталоемким товарам).

Формирование зон свободной торговли между АСЕАН и партнерами содействовало повышению инвестиционной привлекательности участвующих государств и соответственно более динамичному росту притока ПИИ во взаимных отношениях. Так, ПИИ Китая возросли в 4,2 раза, Индии — в 2,1 раза, Республики Корея в 115,9 раза, Японии — в 21,6 раза, Австралии и Новой Зеландии — в 23 раза (для сравнения совокупные ПИИ в асеановскую экономику возросли в 1,88 раза за 2006—2015 гг.).

С учетом вышеобозначенных факторов для АСЕАН зона свободной торговли с Китаем предоставляет больший объем экономических преимуществ по сравнению с другими ЗСТ, что выражается в эффектах создания торговли и создания инвестиций. Немалый экономический эффект предоставляет ЗСТ с Индией, а также с Республикой Корея.

Вместе с тем, уровень использования преимуществ функционирующих зон свободной торговли низкий, что связано с действием иных преференциальных торговых схем, таких как Общая система невзаимных и недискриминационных торговых преференций, соглашение о продукции информационных технологий в рамках ВТО, возврат пошлин при экспорте, а также инвестиционные льготы. Есть и субъективная причина — незнание основных условий подписанных соглашений о ЗСТ, особенно в малых и средних компаниях. По данным опроса JETRO, из 670 японских филиалов, осуществляющих экспортные операции в страны АСЕАН, 154 или 23% получают преимущества от функционирования зоны свободной торговли Япония—АСЕАН. Наибольший объем преимуществ достигается в Сингапуре (43,2%), Индонезии (35,9%) и Таиланде (22,5%), тогда как во Вьетнаме и на Филиппинах преимущества более скромные — менее 10%. Что касается импортных операций, то их ведут 653 японских компании, из них 131 компания получает преимущества, что составляет 20,6% опрошенных компаний. Наибольшие преимущества получают компании, функционирующие в Индонезии (17%), Малайзии (12,6%) и Таиланде (12,3%) [Urata 2010].

Интеграционная политика АСЕАН нацелена на либерализацию торговли товарами со всеми партнерами, а также торговли услугами и движения инвестиций за исключением соглашения с Японией (что вызвано позицией японской стороны по либерализации только торговли товарами практически со всеми партнерами по интеграционным соглашениям). Для АСЕАН эффект создания торговли достигается в рамках практически всех соглашений с партнерами по диалогу по многим товарным позициям, вместе с тем по отдельным позициям налицо эффект отклонения торговли. Наибольший эффект для АСЕАН представляют соглашения с Китаем и Индией. Эффект создания инвестиций достигается в рамках всех пяти соглашений, подписанных АСЕАН.

Соглашения АСЕАН с партнерами по Восточноазиатскому саммиту на практике доказали свою важность, предоставляя больший или меньший эффект создания торговли и инвестиций. Их функционирование расценивается в качестве первого этапа будущего Восточноазиатского экономического сообщества в рамках Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП), концепция которого активно продвигается Китаем, стремящегося укрепить экономические и политические позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Sanchita Basu Das, Rahul Sen, Sadhana Srivastava 2016].

Следует заметить, что для успешного завершения переговорного процесса по РВЭП необходимо решить ряд проблем в рамках соглашений АСЕАН+1, а именно: 1) повысить уровень таможенно-тарифной либерализации хотя бы до 95%; 2) в большей степени либерализовать взаимную торговлю услугами; 3) перейти на одинаковые правила определения страны происхождения товара; 4) решить задачу устранения эффекта «спагетти», который обостряет ситуацию с получением преимуществ от функционирования ЗСТ для бизнес-сообщества, и снизить издержки по соответствию критериям, как например, по стандартам и сертификатам качества для благоприятного сбыта продукции, что требует гармонизации правил торговли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Костюнина Г.М.* Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) // Международная экономическая интеграция / Под ред. Н.Н. Ливенцева. М.: Экономистъ, 2006. С. 226—260.
- Костюнина Г.М.* Экономическое сообщество АСЕАН: направления и перспективы формирования // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 12. С. 14—31.
- ASEAN +1 FTAs and Global Value Chains in East Asia. / Ed. by Ch. Findlay. ERIA Research Project Report, 2010.
- ASEAN Economic Community: A Model for Asia-wide Regional Integration? / Ed. by M. Mikic, B. Jetin. Palgrave MacMillan, 2016.
- Bhagwati J.* The World Trading System at Risk. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Fukunaga J. & Isono B.* Taking ASEAN+1 FTAs towards the RCEP: A Mapping Study. ERIA Discussion Paper Series. 2013.
- Grossman G. & Helpman E.* The politics of free trade agreements // American Economic Review. 1995. Vol. 85. N 4. P. 667—690.
- Hong Zh.* China and ASEAN: Energy Security, Cooperation and Competition. Singapore: ISEAS, 2015.
- Lipsey R.G.* The Theory of Customs Union: A General Equilibrium Analysis. London: Westfield and Nicolson, 1970.
- Meade J.* The Theory of Customs Unions. Amsterdam: North Holland Co., 1955.
- Okabe M.* The Impact of ASEAN+1 on ASEAN's Trade. ERIA Research Project Report. Jakarta: ERIA, 2014.
- Panagariya A.* Regionalism in Trade Policy: Essays on Preferential Trading. Singapore: World Scientific, 1999.
- Sanchita Basu Das, Rahul Sen & Sadhana Srivastava.* Can ASEAN+1 FTAs Be a Pathway towards Negotiating and Designing the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) Agreement? // Journal of World Trade. 2016. Iss. 2. P. 253—288.
- Summers L.* Regionalism and the world trading system // Policy Implications of Trade and Currency Zones. Federal Reserve Bank of Kansas City, 1991. P. 295—303.

Urata Sh. Japan's New Trade Policy from GATT and the WTO to FTAs. 2010. URL: http://www.waseda-giari.jp/sysimg/imgs/wp2010_e8.pdf (accessed: 13.04.2017).

Viner J. The customs union issue // *Economic Analysis of Regional Trading Arrangements.* / Ed. by R. Pomfret. Cheltenham: Edward Elgar, 2003.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: *Костюнина Г.М.* Интеграционная модель АСЕАН+1: основные положения соглашений и влияние на внешнеэкономические связи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 441—457. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-441-457.

Сведения об авторе: *Костюнина Галина Михайловна* — д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры МЭО и ВЭС им. Н.Н. Ливенцева Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: galina_kostyunina@yahoo.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-441-457

THE INTEGRATION MODEL ASEAN+1: THE MAIN NORMS OF AGREEMENTS AND EFFECT ON FOREIGN ECONOMIC TIES

G.M. Kostyunina

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The aim of this research is a comparative analysis of the provisions of free trade agreements signed by ASEAN with dialogue countries and the East Asia Summit partners — China, Japan, the Republic of Korea, India, Australia and New Zealand.

The author's thesis is that, in our opinion, the final effect of participation in the free trade zone for the national economy depends on such factors as the volume of mutual trade, the degree of economic interdependence, the level of customs duties rates at the date of signing the agreement, the volume of the mutual market, geographical proximity. The higher the role of these factors, the greater the effect of trade creation is received by the participating states.

The basis of the research methodology is the understanding of regional integration agreements as a multifactor instrument of trade policy in various countries of the world that facilitates the liberalization of international trade in general and the regional trade in particular, enhancing the participation of partner states in the international division of labor and stimulating the dynamics of their economic development. Such agreements are considered as a system that includes a set of elements that interact with elements of other systems. Such interaction is considered taking into account the specific purpose of each of the elements, and also taking into account the factors of the stability of the development of each system. In carrying out this study, the author has used such methods as the method of comparative analysis, which makes it possible to identify the specifics of the participation of ASEAN countries in free trade zones; methods of statistical analysis and political forecasting that provide an opportunity to identify legal norms of integration agreements on the ASEAN + 1 model; as well as a logical conceptual analysis that allows to present a full picture of the ASEAN integration policy.

The author analyses norms for regulating the trade in goods and services, investment, distinguishing almost all agreements, as well as intellectual property rights, mobility of individuals and economic cooperation in the framework of some agreements. The article examines the state of trade and investment cooperation

between partners in the free trade areas, and comes to the main conclusion about the effect of trade creation, which is expressed in a faster rate of growth in mutual trade and a growth of its share. The greatest economic benefit for ASEAN is the free trade area with China due to such factors as the population size and GDP volume, geographical proximity, the volume of trade at the time of formation of the free trade area, the complementarity of economic structures, and the size of duty rates at the time of signing the agreement.

Experience of the functioning of free trade zones within the framework of the ASEAN + 1 shows the importance of wider coverage of economic relations in the liberalization.

Key words: ASEAN+1, free trade area, ASEAN, China, Japan, Republic of Korea, Australia and New Zealand, India

REFERENCES

- Bhagwati, J. (1991). *The World Trading System at Risk*. Princeton: Princeton University Press.
- Fukunaga, J. & Isono, B. (2013). *Taking ASEAN+1 FTAs towards the RCEP: A Mapping Study*. ERIA Discussion Paper Series.
- Grossman, G. & Helpman, E. (1995). The politics of free trade agreements. *American Economic Review*, 85(4), 667—690.
- Hong, Zh. (2015). *China and ASEAN: Energy Security, Cooperation and Competition*. Singapore: ISEAS.
- Kostyunina, G.M. (2006). The Association of South East Asian Nations (ASEAN). In: *Mejdunarodnaya Ekonomicheskaya Integratsiya [The International Economic Integration]*. Ed. by N.N. Liventsev. Moscow: Ekonomist, p. 226—260. (in Russ.).
- Kostyunina, G.M. (2015). The ASEAN Economic Community: directions and perspectives of formation. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Review]*, 12, 14—31.
- Lipsey, R.G. (1970). *The Theory of Customs Union: A General Equilibrium Analysis*. London: Westfield and Nicolson.
- Meade, J. (1955). *The Theory of Customs Unions*. Amsterdam: North Holland Co.
- Okabe, M. (2014). *The Impact of ASEAN+1 on ASEAN's Trade*. ERIA Research Project Report. Jakarta: ERIA.
- Panagariya, A. (1999). *Regionalism in Trade Policy: Essays on Preferential Trading*. Singapore: World Scientific.
- Sanchita, Basu Das, Rahul, Sen & Sadhana, Srivastava (2016). Can ASEAN+1 FTAs Be a Pathway towards Negotiating and Designing the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) Agreement? *Journal of World Trade*, 2, 253—288.
- Summers, L. (1991). Regionalism and the world trading system. *Policy Implications of Trade and Currency Zones*. Federal Reserve Bank of Kansas City, 295—303.
- Urata, Sh. (2010). *Japan's New Trade Policy from GATT and the WTO to FTAs*. URL: http://www.waseda-giari.jp/sysimg/imgs/wp2010_e8.pdf (accessed: 13.04.2017).
- Viner, J. (2003). The customs union issue. In: *Economic Analysis of Regional Trading Arrangements*. Ed. by R. Pomfret. Cheltenham: Edward Elgar.

Received: 14.06.2017

For citations: Kostyunina, G.M. (2017). The Integration Model ASEAN+1: the Main Norms of Agreements and Effect on Foreign Economic Ties. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 441—457. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-441-457.

About the author: Kostyunina Galina Mikhailovna — Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of International Economic Relations and Foreign Economic Relations of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (e-mail: galina_kostynina@yahoo.com).

© Костюнина Г.М., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468

ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ АСЕАНОЦЕНТРИЧНЫХ ДИАЛОГОВЫХ ФОРМАТОВ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ

Е.А. Канаев, В.А. Шумкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

В статье проанализированы новые акценты в приоритетах АСЕАН по повышению эффективности системы безопасности на основе сотрудничества, представленной многосторонними диалоговыми форматами: Региональный форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит (ВАС), повестку заседаний которых определяет ассоциация. Констатируя концептуальное противоречие между ростом глобальной составляющей угроз азиатско-тихоокеанской безопасности и ограниченностью потенциала асеаноцентричных структур многосторонней дипломатии, авторы рассматривают интеллектуальное и практическое измерения ответа АСЕАН.

Представляя обзор основных направлений дискуссий асеановских экспертов-международников, авторы фиксируют их качественно новый компонент — интеграцию идей о необходимости обновления условий сотрудничества АСЕАН в контексте его расширения на евразийское пространство. Основным результатом и одновременно элементом новизны данного исследования являются выявление факторов адаптации АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС к формирующейся связке АСЕАН, ШОС и ЕАЭС и выдвижение практических предложений о перспективных направлениях такого расширенного формата.

Актуальность и научная значимость исследования определяются необходимостью ответа на ряд вопросов, важных для ассоциации и ее евразийских партнеров. Разработка каких направлений позволит АСЕАН обрести новые возможности для укрепления своей позиции координатора многостороннего диалога по вопросам безопасности в АТР? Каким образом АСЕАН и асеаноцентричные диалоговые форматы могут быть интегрированы в процессы формирования Большой Евразии с максимальной выгодой для ассоциации и ее евразийских партнеров? Как опыт АСЕАН может быть использован для создания эффективной системы уже не региональной, а континентальной безопасности?

Ключевые слова: АСЕАН, безопасность, многосторонний диалог, Евразия, ЕАЭС-ШОС-АСЕАН

Пятидесятилетний юбилей ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) дает повод оценить ее «историю успеха» не только в ЮВА, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в целом. Один из проектов ассоциации — формирование системы безопасности на основе сотрудничества в АТР, представленной многосторонними диалоговыми площадками: Региональный форум АСЕАН (АРФ), Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит (ВАС). Подготовка и проведение заседаний этих структур многосторонней дипломатии, определение их повестки и выстраивание многоуровневой и нюансированной системы связей между ними — обязанность и одновременно привилегия ассоциации.

Несмотря на существующие проблемы, АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС выполняют свое основное предназначение. Регулярные каналы коммуникации по актуальным вопросам азиатско-тихоокеанской политики и безопасности с участием большого количества акторов налажены и исправно функционируют. Однако в современных условиях ассоциации важно адаптировать деятельность этих структур к новым международным реалиям — к становлению Большой Евразии в качестве второго глобального полюса.

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ АТР И ПОЛИТИКА АСЕАН: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Сформированные после окончания холодной войны, АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС были и остаются ориентированными на мониторинг региональной среды усилиями представителей внешнеполитических и оборонных ведомств, а также глав государств и правительств, на подчеркнута нейтральной основе, информировании партнеров о собственном видении угроз безопасности, и в идеале — выработку консенсусных подходов к снижению их остроты. Эта задача оказалась непростой — достаточно вспомнить отказ Китая от обсуждения вопроса о Южно-Китайском море на брунейской сессии АРФ в 1995 г., всего год спустя после образования форума. В настоящее время ситуация усугубляется нарастающим разрывом между глобализацией угроз азиатско-тихоокеанской безопасности и региональным потенциалом диалоговых площадок, призванных купировать их остроту. Примерами служат проблема Южно-Китайского моря (ЮКМ) и освоения ресурсов реки Меконг, а также новая волна угрозы международного терроризма в ЮВА.

Глобальная составляющая этих проблем имеет тенденцию к усилению. Если до конца 2000-х гг. противоречия из-за Южно-Китайского моря концентрировались в основном на вопросе о принадлежности участков суши спорных архипелагов Парасельский и Спратли, то по мере осуществления Вашингтоном политики «перебалансировки» в АТР проблема все отчетливее стала приобретать китайско-американское измерение. Его суть — диаметрально противоположные взгляды Пекина и Вашингтона на политику США в отношении спора в ЮКМ, прежде всего на вопрос о свободе судоходства, одновременно с ростом значимости этой акватории для мировой торговли [Дисбалансы... 2014: 71]. Возможности Комиссии по развитию реки Меконг выработать консолидирующую повестку сотрудничества между своими участниками, и без того ограниченные, могут снизиться еще больше по мере реализации Китаем проекта «Один пояс — один путь», имеющего отчетливое глобальное измерение. Активизация контактов между религиозными экстремистами ЮВА и ИГИЛ привела к серии террористических актов в государствах азиатского юго-востока в 2014—2017 гг.

Такая эволюция угроз азиатско-тихоокеанской безопасности обуславливает растущую востребованность их купирования усилиями асеаноцентричных переговорных форматов. Фундаментальное противоречие, однако, состоит в разрыве между ростом глобального измерения проблем и региональными по своей направленности переговорными структурами, ревизию концептуальной основы которых

ассоциация не проводила со времени их формирования. Отсюда — отсутствие их заметного вклада в урегулирование основных угроз.

Мотивацию АСЕАН создать АРФ определяло ее стремление не допустить активизации политики КНР в отношении проблемы Южно-Китайского моря после принятия Китаем Закона о территориальном море и прилежащей зоне и строительства военной инфраструктуры на архипелагах Парасельский и Спратли в 1992—1993 гг. Однако попытки ассоциации вынести проблему ЮКМ на обсуждение АРФ, а впоследствии СМО АСЕАН+8 и ВАС, не только оказывались безуспешными, но и, фактически, усугубляли ее состояние [Thayer 2013: 78]. Выступление Х. Клинтон на ханойской сессии АРФ в 2010 г. по вопросу о свободе судоходства через ЮКМ привела к эскалации китайско-американских противоречий, кульминацией которых стал отказ участников СМО АСЕАН+8 принять итоговую декларацию по итогам его третьего заседания в 2015 г. Что касается угрозы международного терроризма и проблемы освоения ресурсов реки Меконг, то в первом случае вклад АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС ограничился принятием заявлений, осуждающих это явление и призывающих бороться с ним, во втором же — этот вопрос не был предметом специальных обсуждений.

Неспособность АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС снизить остроту рассматриваемых проблем объясняется просто: параметры деятельности этих диалоговых площадок не пересматривались с тех пор, когда ассоциация не помышляла ни о глобализации угроз азиатско-тихоокеанской безопасности, ни о необходимости дать на нее убедительный ответ. Принципы, положенные в основу сотрудничества, — консенсусный подход к совместным мероприятиям, их реализация со скоростью «последнего готового» и невмешательство во внутренние дела суверенных государств — остались неизменными. В своей совокупности это подрывает возможности АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС проводить практико-ориентированные мероприятия по снижению остроты угроз региональной безопасности [Caballero-Anthony 2014: 569]. Попытки ассоциации уточнить вопросы концептуального характера, например, о границе между мерами по укреплению доверия и превентивной дипломатией, прояснили меньше, чем ожидали ее партнеры [Михневич 2016: 115]. Помимо отсутствия результатов, которые могли бы занести себе в актив АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, это вызвало обоснованные сомнения партнеров АСЕАН в ее способности выполнять функцию координатора этих переговорных форматов.

Взаимосвязь рассмотренных факторов побуждает ассоциацию провести апгрейд деятельности АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, выработав конкурентоспособные идеи и новые практико-ориентированные направления сотрудничества. И то и другое должно быть встроено в основные тенденции развития международной обстановки и учитывать потребности партнеров ассоциации.

ЭКСПЕРТНЫЕ ДИСКУССИИ АСЕАН: НОВЫЕ АКЦЕНТЫ

Эксперты АСЕАН, причастные к разработке и формированию ее политики, не остаются безучастными к судьбе АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. Тем более, что ЮВА становится ареной повышенной конкуренции крупных региональных игро-

ков, а, следовательно, усиливаются предпосылки конфликта между ними. Отсюда повышенное внимание экспертов АСЕАН к выстраиванию отношений ассоциации с США и КНР. Превалирующие настроения выразил исполнительный директор Центра стратегических и международных исследований (Индонезия) Р. Сукма, подчеркнув, что китайско-американское соперничество в ЮВА уже не столько гипотетическая возможность, сколько свершившийся факт, что ведет к маргинализации АСЕАН [Sukma 2016]. Отмечают эксперты АСЕАН и снижение внимания США к ЮВА, модификацию американоцентричных альянсов в сторону повышения в них роли Японии и активизацию политики КНР [Kausikan 2016: 3]. По их мнению, это ведет к маргинализации позиций АСЕАН как координатора заседаний АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС.

Большое влияние на эти дискуссии оказал Брекзит. Эксперты отмечают необходимость прописать процедуру выхода из состава ассоциации, на сегодняшний день отсутствующую в хартии АСЕАН [Hoang, Thuzar, Basu, Chalermprapanurap 2016: 19]. Есть необходимость уточнить характер подобной процедуры и в асеаноцентричных многосторонних диалоговых форматах.

На фоне неопределенных перспектив ТПП аналитики стран АСЕАН задаются вопросом о целесообразности адаптировать его основные компоненты к проекту «Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство» (РВЭП), тем самым повысив его конкурентоспособность [Pambagyo 2017: 26].

В таком контексте темы экспертных дискуссий АСЕАН концентрируются вокруг обновления параметров сотрудничества асеаноцентричных диалоговых площадок как залога повышения их эффективности. Уже упоминавшийся Р. Сукма ставит вопрос о необходимости укрепить их институциональную составляющую. По его мнению, в результате не только укрепятся позиции АСЕАН как координатора связки АРФ—СМО АСЕАН+8—ВАС, но и расширятся возможности партнеров ассоциации координировать собственные перспективные планы в АТР с позитивным эффектом для региональной безопасности [Sukma 2016].

Также указывается на целесообразность большей координации действий между ВАС и СМО АСЕАН+8, опять же, за счет укрепления институциональных связей. Согласно распространенной точке зрения, центральная роль ассоциации в многосторонних диалоговых структурах должна не столько сводиться к функциям «эффективного менеджера», сколько заключаться в повышении востребованности АСЕАН для ее партнеров [Hoang 2016: 5].

В контексте реформирования институтов многосторонней дипломатии организации в экспертном поле АСЕАН обсуждается отход от принципа консенсуса в сторону формулы «АСЕАН-Х» в сфере не только экономики, но и политики и безопасности [Hoang 2017: 3].

Все эти мысли в той или иной форме звучали и раньше. Принципиально новым моментом в современных дискуссиях является то, что эти предложения интегрируются в контекст евразийского сотрудничества. Отмечается необходимость не только адаптироваться к проекту «Один пояс — один путь», но и максимально эффективно встроить его в перспективные планы ассоциации¹. В публикациях

¹ Satu Sabuk Satu Jalan China Terhadap ASEAN. Lautindo. 7 June 2016. URL: <http://lautindo.com/satu-sabuk-satu-jalan-china-terhadap-asean> (accessed: 15.06.2017).

ученых-международников евразийское направление политики АСЕАН подается как двусторонний процесс, способный принести выгоду не только ассоциации, но и ее партнерам, смягчив трения с Китаем, неизбежные при реализации его проекта¹.

В будущем евразийская тема имеет все шансы стать центральным интеллектуальным направлением усилий асеановских аналитиков. Во-первых, явно просматривается ее связь с приоритетами АСЕАН, отраженными в Дорожной карте формирования Сообщества АСЕАН до 2025 г.² Участие АСЕАН в формировании Большой Евразии напрямую отвечает ее нацеленности на усиление своего влияния на глобальное развитие. Во-вторых, и это главное, евразийское сотрудничество может внести заметный вклад в решение стоящих перед ассоциацией задач. В экономическом плане АСЕАН сможет привлечь финансирование евразийских партнеров в инфраструктурные проекты ЮВА, снизив зависимость от китайских инвестиций. В политическом — развивая трансевразийские транспортные коридоры, снизить остроту проблемы Южно-Китайского моря, а также наладить эффективное сотрудничество по борьбе с ИГИЛ (запрещена в России). Как показала практика, реальные мотивы ведомой США антитеррористической коалиции имеют мало общего с противодействием международному терроризму.

Обращение к этим темам в дискуссиях экспертов АСЕАН, определяющих интеллектуальный контекст и идейную основу ее политики, отражает два момента. Первый из них — осознание исчерпанности прежней модели развития и необходимости ее обновления. Второй момент, и это главное, таков: осуществление назревших преобразований требует от ассоциации не внутреннего, а внешнего ресурса. Особенность современной ситуации такова, что запрос АСЕАН на укрепление своих глобальных позиций хронологически совпал с формированием Большой Евразии.

Констатируя актуальность евразийского направления для ассоциации, можно обоснованно ожидать роста ее интереса к сотрудничеству в формате АСЕАН-ШОС-ЕАЭС и обретению полномочий координатора этих переговоров. Это потребует от организации адаптации асеаноцентричных диалоговых площадок к АСЕАН-ШОС-ЕАЭС.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АРФ — СМО АСЕАН+8 — ВАС

Суммируя факторы, обуславливающие целесообразность интеграции АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС в формат АСЕАН-ШОС-ЕАЭС, можно выделить три основных момента — функциональный, институциональный и практический.

В функциональном плане важно то, что эти диалоговые площадки сформировали понимание реальных возможностей и объективных ограничителей сотруд-

¹ Pang J. ASEAN and Global Change. RSIS Commentary, 20 November 2015. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2015/11/CO15253.pdf> (accessed: 15.06.2017).

² ASEAN 2025: Forging Ahead Together. Jakarta: ASEAN Secretariat, November 2015. URL: <http://www.asean.org/storage/2015/12/ASEAN-2025-Forging-Ahead-Together-final.pdf> (accessed: 15.06.2017).

ничества. Уже понятно, с чего нужно начинать работу, — с обсуждения возможностей наладить так называемое функциональное взаимодействие. В числе его направлений: совместные действия по ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф, восстановление жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности пострадавших стран и пр. Как показала практика заседаний асеаноцентричных диалоговых форматов, это может послужить плацдармом для более сложных и нюансированных дискуссий. Вопросы, так или иначе затрагивающие суверенитет участников обсуждений, даже руководствуясь наилучшими мотивами, поднимать нецелесообразно.

Институциональная составляющая опыта асеаноцентричных переговорных форматов такова, что отлажено разделение их функционала на заседания представителей внешнеполитических кругов (АРФ), высокопоставленных военных (СМО АСЕАН+8) и руководителей государств и правительств (ВАС) [Dang 2016]. Хотя в реальности так происходит не всегда, в идеале АРФ и СМО АСЕАН+8 должны прорабатывать подходы к угрозам региональной безопасности как в автономном режиме, так и совместными усилиями. Функционирует механизм вертикальной (внутри каждой из этих площадок) и горизонтальной (между ними) коммуникации. Это — многолетний опыт сотрудничества АСЕАН с крупными игроками и между собой, который может и должен быть адаптирован к формату АСЕАН-ШОС-ЕАЭС.

Третье — практическое — измерение вопроса близко к функциональному, но имеет самостоятельное значение. Формат АСЕАН-ШОС-ЕАЭС важен не как очередная диалоговая площадка, запускаемая «в тестовом режиме», а как один из ключевых факторов формирования уже не региональной, а континентальной — трансевразийской — системы безопасности. Создавая контекст развития Евразии, она должна охватывать максимальное количество расположенных там государств. Страны Северо-Восточной Азии, не входящие в АСЕАН, ШОС и ЕАЭС, являются участниками АРФ—СМО АСЕАН+8—ВАС. Учитывая, что ракетно-ядерную проблему КНДР решать необходимо, постоянный канал коммуникации с Пхеньяном, участвующим в заседаниях АРФ, будет явно нелишним.

Отдельный вопрос — выстраивание связей АСЕАН-ШОС-ЕАЭС с США. Необходимость этого очевидна. Худшее, что может произойти при реализации евразийского проекта, — институциональное оформление нынешней глобальной конфронтации по образцу холодной войны [Караганов 2014]. Вашингтон входит в АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, а следовательно, есть отлаженные каналы коммуникации с ним по всем направлениям — дипломатическому, военному и на уровне глав государств и правительств. Тем самым формат АСЕАН-ШОС-ЕАЭС снимет нарекания, с которыми традиционно сталкивается система американских альянсов в АТР, — в отсутствие обратной связи с регионом и в нацеленности на обретение односторонних выгод¹.

Определяя в первом приближении практические направления сотрудничества между участниками АСЕАН, ШОС и ЕАЭС при подключении к ним АРФ, СМО

¹ Wang Yiwei. Rebalancing Won't Boost US Role in E. Asia. 29 December 2013. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/834803.shtml> (accessed: 16.06.2017).

АСЕАН+8 и ВАС, можно выделить противодействие международному терроризму. Ответ евразийских государств на политику так называемой ИГИЛ (запрещена в России) должен носить не локальный характер, а охватывать весь континент. Комплексные антитеррористические меры, выработанные совместными усилиями, — давно назревший шаг.

Интеграция АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС в формат АСЕАН-ШОС-ЕАЭС позволит отчасти компенсировать отсутствие России в РВЭП, в повестке которого укрепляется запрос на наращивание региональной взаимосвязанности. Это придаст дополнительный импульс сотрудничеству между Россией и ее евразийскими партнерами с позитивным эффектом для всех его участников.

Евразийский вектор политики АСЕАН и АРФ—СМО АСЕАН+8—ВАС благоприятно скажется на решении проблемы Южно-Китайского моря. Нацеленность АСЕАН и ее партнеров на наращивание взаимосвязанности органично впишется в приоритеты ШОС и ЕАЭС по развитию транспортно-логистических коридоров, частично перенаправив товаропоток между Азией и Европой с морских коммуникаций на сухопутные и снизив остроту противоречий о свободе судоходства. В связке АСЕАН-ШОС-ЕАЭС ассоциация не будет поставлена ни перед необходимостью взаимодействовать «один на один» с КНР, ни лавировать между Китаем и США, что препятствует разрешению конфликта [Локшин 2013: 22].

Адаптация АРФ—СМО АСЕАН+8—ВАС к формату АСЕАН-ШОС-ЕАЭС потребует корректировки асеановских принципов сотрудничества. Возможен отход от принципа консенсуса в пользу формулы «АСЕАН минус X», т.е., консенсус между не всеми участниками переговоров, а большинством из них. Еще один вариант — формула «Y минус X», где «Y» — это количество государств — участников обсуждений, а «X» — те страны, которые напрямую не вовлечены в конфликт, относительно которого принимается решение. Это позволило бы, например, Китаю не чувствовать себя окруженным проамериканскими государствами, а следовательно — снять его озабоченности по поводу обсуждений проблемы Южно-Китайского моря на заседаниях АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. С другой стороны, этот шаг потребует от АСЕАН отказаться от привычной модальности сотрудничества, что само по себе является для ассоциации вызовом [Heng 2014: 3]. Чтобы его принять, АСЕАН необходим сильный внешний стимул, которым могло бы стать обретение полномочий координатора переговоров АСЕАН-ШОС-ЕАЭС.

Есть основания считать, что подключение АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС к сотрудничеству в формате АСЕАН-ШОС-ЕАЭС вызовет позитивный отклик партнеров ассоциации. Причина будет заключаться в их стремлении создать такой контекст развития Большой Евразии, в котором его участники смогут сконцентрироваться на экономическом сотрудничестве без необходимости постоянно реагировать на эскалацию угроз безопасности. Асеаноцентричные форматы либо имеют практический опыт обращения с такими угрозами, либо, как в случае с северокорейской ракетно-ядерной проблемой, установили каналы постоянной коммуникации с их источником. Эти моменты, а также наличие отлаженной системы сотрудничества АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС с США, на диалог с которыми настроена как ШОС, так и ЕАЭС, не могут не учитываться партнерами ассоциации по связке АСЕАН-ШОС-ЕАЭС.

В общем и целом, целесообразность интеграции АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС в формирование Большой Евразии, основой институционального формата которой может стать АСЕАН-ШОС-ЕАЭС, представляется очевидной. Это приведет к участию АСЕАН в создании системы трансконтинентальной безопасности и выправлению дисбалансов, характерных для асеаноцентричных диалоговых площадок по вопросам безопасности и сотрудничества на современном этапе их развития. Вместе с тем, учитывая реалии современной международной обстановки, даже при самом оптимистичном сценарии ни то, ни другое не будет происходить быстро и бесконфликтно.

Отмечая полувековой юбилей, ассоциация вынуждена вносить коррективы в свою стратегию развития, частью которой является деятельность ведомых ее усилиями форматов многосторонней дипломатии. Разрабатывая конкурентоспособные идеи, АСЕАН усматривает залог решения накопившихся проблем посредством выхода за прежние рамки сотрудничества с точки зрения его принципов и географического охвата.

Идея активизации евразийского вектора политики АСЕАН, включающей апретид АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, является привлекательной и выигрышной как для самой ассоциации, так и для ее евразийских партнеров. В практическом плане адаптация опыта АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС к потребностям евразийского сотрудничества способна значительно облегчить его перевод в практическое русло. Тем самым есть основания считать, что при непосредственном участии АСЕАН будет выстроена эффективно работающая система континентальной безопасности, в деятельности которой АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС будут играть одну из ключевых ролей.

В годы холодной войны страны АСЕАН были участниками «восточноазиатского экономического чуда». После окончания холодной войны ассоциация сделала заявку на создание «азиатско-тихоокеанского геополитического чуда», понимаемого как функционирование эффективной системы многостороннего мониторинга и предупреждения угроз региональной безопасности. Добившись определенных результатов, но не осуществив задуманное в полной мере, в обозримом будущем ассоциация имеет хорошие шансы стать одним из архитекторов евразийского геополитического чуда, участвуя в формировании евразийской системы безопасности и адаптируя к ней диалоговые площадки АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС. Опыт и потенциал последних создает предпосылки для успешного создания такой системы и ее функционирования на устойчивой и долгосрочной основе.

Благодарность: Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда. Грант № 17-18-01577 «Формирование сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дисбалансы транстихоокеанского пространства / Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко; ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2014.
- Караганов С.А. Россия—США: долгое противостояние // Россия в глобальной политике. 2014. № 4. С. 76—85.

- Локиин Г.М.* АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 20. С. 17—39.
- Михневич С.В.* Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. Вып. 1. С. 92—125.
- Caballero-Anthony M.* Understanding ASEAN's centrality: bases and prospects in an evolving regional architecture // *The Pacific Review*. 2014. Vol. 27. Iss. 4. P. 563—584. DOI: 10.1080/09512748.2014.924227.
- Chalermपालанурар T.* ASEAN Defence Diplomacy and the ADMM-Plus // *ISEAS Perspective*. 2013. N 49. P. 1—6.
- Chen X., Stone C.* China and Southeast Asia: Unbalanced Development in the Greater Mekong Sub-region // Trinity College Digital Repository. 2013. URL: <http://digitalrepository.trincoll.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1084&context=facpub> (accessed: 14.06.2017).
- Dang C.T.* Regional strategic challenges and East Asia Summit // PacNet, Center for Strategic and International Studies. 2016. N 42.
- Heng P.K.* The “ASEAN Way” and Regional Security Cooperation in the South China Sea // European University Institute Working Papers. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/33878/RSCAS_2014_121.pdf;sequence=1 (accessed: 14.06.2017).
- Hoang T.H.* Reconciling Consensus with New Realities // *ASEAN Focus*. 2017. Iss. 1. P. 2—7.
- Hoang T.H.* The Politics and Processes of the East Asia Summit // *ASEAN Focus*. 2016. N 10. P. 4—5.
- Hoang T.H., Thuzar M., Basu Das S., Chalermपालанурар T.* ASEAN's Reflections from Brexit // *ASEAN Focus*. 2016. N. 6. P. 19—21.
- Kausikan B.* What Will the Trump Presidency Mean for ASEAN? // *ASEAN Focus*. 2016. N 8. P. 2—7.
- Pambagyo I.* RCEP is the Only Game in Town // *ISEAS Focus*. 2017. Vol. 2. P. 26—27.
- Sukma R.* A post-ASEAN regional order in East Asia? // Centre for Strategic and International Studies, 2016. URL: https://www.csis.or.id/publications/page/a_post-asean_regional_order_in_east_asia_.html (accessed: 15.06.2017).
- Thayer C.A.* ASEAN, China and the Code of Conduct in the South China Sea // *SAIS Review of International Affairs*. 2013. Vol. 33. N 2. P. 75—84.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: Канаев Е.А., Шумкова В.А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 458—468. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468.

Сведения об авторах: Канаев Евгений Александрович — д-р ист. наук, профессор, заведующий Азиатско-Тихоокеанским сектором Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики Национального-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: E.a.kanaev@gmail.com)

Шумкова Вероника Антоновна — стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики Национального-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: vshumkova@hse.ru)

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468

ASEAN-LED MULTILATERAL SECURITY DIALOGUE: EURASIAN PRIORITIES

E.A. Kanaev, V.A. Shumkova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses upon new aspects in ASEAN priorities relevant to the rise of efficiency of ASEAN-led multilateral dialogues platforms — ASEAN Regional Forum (ARF), ASEAN Defense Ministers Meeting Plus Eight (ADMM+8) and East Asia Summit (EAS). Having outlined the conceptual contradiction between the rise of the global component in Asia-Pacific security challenges, the authors trace the intellectual and practical dimensions of ASEAN response. On reviewing the key directions of intra-ASEAN expert discussions, the authors reveal their qualitatively new component — to link the modification of ASEAN modality of cooperation and its expansion to the Eurasian area. The trace of factors responsible for the possibility and necessity to adopt ARF, ADMM+8 and EAS to the impeding format ASEAN-SCO-EAEU and practically-oriented proposals about the promising directions of cooperation within this format are the key academic value-added of the study.

The actuality and academic significance of the study stem from the necessity to analyze issues important for ASEAN and its Eurasian partners. Among these issues, the key are: which directions of cooperation can be of help for ASEAN in order to strengthen its positions as the driving force of Asia-Pacific multilateral dialogue frameworks? By what means can ASEAN and ASEAN-led formats be integrated in the establishment of Greater Eurasia with the maximum outcomes for both ASEAN and its Eurasian partners? How can ASEAN experience be used for the establishment of an efficient trans-continental rather than regional multilateral security dialogue? Findings on these issues make the article academically unique.

Key words: ASEAN, security, multilateral dialogue, Eurasia, EAEU-SCO-ASEAN

Acknowledgements: The article was prepared at the expense of a grant from the Russian Science Foundation. Grant No. 17-18-01577 “Formation of the Community of Greater Eurasia and the strategy of bilateral cooperation between Russia and the countries of the region”.

REFERENCES

- Caballero-Anthony, M. (2014). Understanding ASEAN's centrality: bases and prospects in an evolving regional architecture. *The Pacific Review*, 27, 563—584. DOI: 10.1080/09512748.2014.924227.
- Chalermpanupap, T. (2013). ASEAN Defence Diplomacy and the ADMM-Plus. *ISEAS Perspective*, 49, 1—6.
- Chen, X. & Stone, C. (2013). China and Southeast Asia: Unbalanced Development in the Greater Mekong Subregion. *Trinity College Digital Repository*. URL: <http://digitalrepository.trincoll.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1084&context=facpub> (accessed: 14.06.2017).
- Dang, C.T. (2016). Regional strategic challenges and East Asia Summit. *PacNet, Center for Strategic and International Studies*, N 42.
- Heng, P.K. (2014). *The “ASEAN Way” and Regional Security Cooperation in the South China Sea*. European University Institute Working Papers. URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/33878/RSCAS_2014_121.pdf;sequence=1 (accessed: 14.06.2017).
- Hoang, T.H. (2017). Reconciling Consensus with New Realities. *ASEAN Focus*, 1, 2—7.
- Hoang, T.H. (2016). The Politics and Processes of the East Asia Summit. *ASEAN Focus*, 10, 4—5.
- Hoang, T.H., Thuzar, M., Basu Das, S. & Chalermpanupap, T. (2016) ASEAN's Reflections from Brexit. *ASEAN Focus*, 6, 19—21.

- Karaganov, S. (2014). The Watershed Year: Interim Results. *Russia in Global Affairs*, 4, 8—19.
- Kausikan, B. (2016). What Will the Trump Presidency Mean for ASEAN? *ASEAN Focus*, 8, 2—7.
- Lokshin, G.M. (2013). ASEAN and Territorial Disputes in South China Sea. *Southeast Asia: topical problems of development*, 20, 17—39. (In Russ.).
- Mikheev, V.V. & Shvydko, V.G. (Eds.). (2014). *Imbalances of the trans-Pacific space*. Moscow: Magistr. (in Russ.).
- Mikhnevich, S.V. (2016). The Glory of Intelligence: China's Smart Power and the Implications for Security in the Asia-Pacific Region. *International Organizations Research Journal*, 1, 92—125. (In Russ.).
- Pambagyo, I. (2017). RCEP is the Only Game in Town. *ISEAS Focus*, 2, 26—27.
- Sukma, R. (2016). A post-ASEAN regional order in East Asia? *Centre for Strategic and International Studies*. URL: https://www.csis.or.id/publications/page/a_post-asean_regional_order_in_east_asia_.html (accessed: 15.06.2017).
- Thayer, C.A. (2013). ASEAN, China and the Code of Conduct in the South China Sea. *SAIS Review of International Affairs*, 2, 75—84.

Received: 14.06.2017

For citations: Kanaev, E.A., Shumkova, V.A. (2017). ASEAN-Led Multilateral Security Dialogue: Eurasian Priorities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 458—468. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468.

About the authors: *Kanaev Evgeny Aleksandrovich* — Doctor of History, Professor, Head of Asia-Pacific Division, Centre for Comprehensive European and International Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (e-mail: E.a.kanaev@gmail.com).

Shumkova Veronika Antonovna — Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (e-mail: vshumkova@hse.ru).

© Канаев Е.А., Шумкова В.А., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482

ШОС И БРИКС: ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ В ПРОЦЕССЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В.И. Юртаев, А.С. Рогов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Статья посвящена анализу общего и особенного в участии Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и объединения БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) в интеграционных процессах на пространстве Евразии в контексте международного сотрудничества. Особое внимание уделено перспективным направлениям взаимодействия ШОС и БРИКС в Центральной Азии как регионе — модуле формирования новой системы мирохозяйственных связей и международной интеграции.

ШОС в статье определена как региональная организация глобального типа, в рамках которой ключевое значение наряду с факторами экономической целесообразности и безопасности получила гуманистическая составляющая, понимаемая как адаптация и готовность человека к новому формату диалога во имя будущего («Шанхайский дух»). Отмечено, что создание БРИКС, прежде всего, стало ответом на недостаточность традиционных для XX в. экономических и геополитических оснований и мотиваций при определении приоритетов развития человечества. Помимо глобального измерения БРИКС имеет выраженное региональное измерение, не имеющее аналогов в мировой практике, каждая из стран БРИКС является неотъемлемой частью региональных и сопряженных субрегиональных рынков и геополитических пространств. На глобальном уровне БРИКС выступает в трех измерениях: международном (традиционном), интерконтинентальном и межрегиональном.

В рамках интерконтинентального партнерства страны БРИКС являются порталами (gate) для включения в глобальное международное сотрудничество экономик сопряженных субрегионов. Глобальным является также и межрегиональное сотрудничество. Регионально-глобальные особенности ШОС и глобально-региональная составляющая БРИКС не конкурируют друг с другом, т.е. могут стать важным ресурсом для их саморазвития. В отличие от ШОС, имеющей организационную структуру, что позволяет странам-членам использовать различные форматы развития, в БРИКС приоритет отдается консенсусному пятистороннему формату взаимодействия, что и является ключевой особенностью этого объединения.

Проведенный анализ показал, что переход к новой международной экономической системе на платформе БРИКС может быть реализован по следующим заявленным направлениям сотрудничества: кластерное торгово-экономическое партнерство; секторальное сотрудничество; совместное участие в реализации масштабных проектов по решению глобальных проблем. Здесь видится смычка с самым масштабным из заявленных проектов на пространстве ШОС — идеей о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, что потребует согласования национальных стратегий развития и поиска путей формирования партнерской сети многосторонних объединений.

Ключевые слова: глобализация, БРИКС, ШОС, Евразия, интеррегиональное сотрудничество, сопряженный субрегион, регион-модуль, международная интеграция

Происходящая в процессе глобализации смена парадигмы развития мира и связанная с этим трансформация системы международных отношений актуализирует задачу осмысления наблюдаемых изменений, особенно с участием Бразилии, России, Индии, Китая или стран «больших экономик», а также региональных

лидеров, таких как Казахстан и ЮАР, ищущих новые форматы вхождения в мировую политику и участия в хозяйственном обустройстве мира. Наблюдаемое во второй декаде XXI в. обновление палитры форматов взаимодействия между этими ведущими развивающимися странами, в частности, создание ШОС и БРИКС, свидетельствует о формировании стратегического горизонта нового планетарного сотрудничества.

Почему именно ШОС и БРИКС столь заметны при рассмотрении процесса формирования многополярной системы международных отношений? Прежде всего, это связано с тем, что их членами одновременно являются три крупнейшие евразийские державы — Индия, Китай и Россия. Этими странами человечеству предложено объединить свои усилия в глобальном проекте построения полицентричного мира как альтернативы выдвинутому Западом проекту монополярной глобализации. Включение в число объединяющих приоритетов деятельности ШОС и БРИКС таких направлений, как «образование», «наука» и «инновации» закономерно отразило глубокие гуманитарные изменения, происходящие в мировой цивилизации.

В XXI в. Евразия вступила без единого интеграционного проекта. Более того, на рубеже эпох всплеск регионализации охватил все пространство Евразии. Последовательно расширялся ЕС (Европейский Союз), менялась конфигурация организации пространства СНГ (Содружество Независимых Государств), усложнялся формат взаимодействия в рамках ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) и АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество). По сути, американский проект монополярной глобализации теперь конкурировал с проектом построения многополярного мира. Это послужило толчком к росту популярности идей по созданию различных масштабных международных союзов (евразийского, исламского и др.). Вслед за этим появился и новый формат — интерконтинентальной интеграции — БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР).

Процесс евразийской и международной регионализации на рубеже тысячелетий охватывал все новые территории, независимо от суверенитетов государств и типов политических режимов. При этом принадлежность к региональной организации и в Европе, и в Азии все более расценивалась не столько как интернационализация связей, но и как поиск подходов к возможному в будущем совместному обустройству Евразии [Громыко 2014]. Именно в этой логике происходила в начале XXI в. интеграция евразийских информационных, экономических, транспортных деятельностных пространств.

В статье предполагается выявить общее и особенное в участии ШОС и БРИКС в интеграционных процессах на пространстве Евразии в контексте решаемых ими задач международного сотрудничества.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ШОС И «ШАНХАЙСКИЙ ДУХ»

При создании ШОС эксперты отмечали необходимость поиска ответов на вызовы процессов трансформации мироустройства, обращая внимание на неустойчивость однополярного миропорядка как порождающего тенденцию к установле-

нию военно-силовой диктатуры; угрозу дисбаланса мировой экономики и обострения борьбы за планетарные ресурсы как следствие утверждения либерально-рыночных отношений в глобальном масштабе; проблему гибели масс населения от голода, болезней и вооруженных конфликтов.

Один из разработчиков идеи Л.Г. Ивашов писал: «Изначально ШОС была создана для решения проблем границ между КНР и четырьмя бывшими советскими республиками. Однако потенциальные возможности организации оказались намного шире. Идея создания на базе «шанхайской пятерки» более сильной структуры стала вызревать в 1998 г. в МИДе и Минобороны РФ. <...> Уже здесь прочитывался замысел сближения пяти незападных цивилизаций — русской, китайской, исламской, индуистской и буддийской»¹. Предполагалось, что ШОС станет ядром некоего особого мира без четко обозначенных границ, но пронизывающей все планетарное пространство. К тому времени уже обозначился треугольник Индия, Китай, Россия (РИК). В исламском ареале просматривался способный консолидировать различные ветви ислама треугольник — Иран, Саудовская Аравия, Турция.

Первоначально (до начала мирового экономического кризиса 2008 г.) ключевой сферой сотрудничества в рамках ШОС стало укрепление трансграничного сотрудничества в целях совместной борьбы с терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом. Регулярными стали военные учения с участием российских и китайских подразделений в странах Центральной Азии. Однако организация стала постепенно превращаться в полноценную структуру по сотрудничеству в разных сферах деятельности среди стран евразийского региона. Так, в сентябре 2003 г. была принята Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества для развития торговли и экономического партнерства между странами-членами, с перспективой создания зоны свободной торговли, ориентированная до 2020 г.² Учрежденный 14 июня 2006 г. Деловой совет ШОС осуществляет свою деятельность по таким приоритетным направлениям межгосударственного сотрудничества, как: энергетика, транспорт, телекоммуникации, кредитно-банковская сфера, образование, наука и инновационные технологии, здравоохранение, сельское хозяйство³. Важной гранью экономического развития становится его социальная составляющая. В рамках культурно-гуманитарного сотрудничества большим достижением было создание в 2008 г. сетевого образовательного пространства — Университета ШОС [Филиппов, Сунь Юйхуа 2015]⁴.

Центральным регионом для развития взаимодействия стран-участниц в формате ШОС стал регион Центральной Азии. При этом Россия все заметнее замыкала на себя политические интеграционные процессы в регионе Центральной Азии, тогда как Китай стал лидером формирования финансово-экономической состав-

¹ Ивашов Леонид. О расширении Хартленда, или ШОС. Режим доступа: <http://otchizna.su/world/159> (дата обращения: 12.05.2017).

² Торгово-экономическое сотрудничество ШОС. Режим доступа: <http://infosco.biz/ru/?pageId=230> (дата обращения: 10.02.2017).

³ Деловой совет Шанхайской организации сотрудничества. Режим доступа: <http://sco-russia.ru/cooperation/20140828/1013171322.html> (дата обращения: 10.02.2017).

⁴ Ташкентская декларация пятнадцатилетия Шанхайской организации сотрудничества от 24 июня 2016 г. Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?id=132> (дата обращения: 10.02.2017).

ляющей деятельности организации. ШОС в этих условиях становилась, прежде всего, переговорной площадкой, где государства могли находить взаимовыгодные решения [Fason 2013]. Важной особенностью ШОС как международной организации следует признать ее внеблоковый характер — в организации неприемлемы шаблоны блокового мышления. Еще одной особенностью, и это имеет принципиальное значение, является открытость ШОС миру, что определяет ее готовность к расширению сфер сотрудничества и круга партнеров и участников.

Слабостью ШОС являлось отсутствие общей для стран — участниц перспективной концепции гуманитарного и экономического обустройства возникшего гигантского пространства взаимодействия, отсутствие консенсуса среди элит бывших союзных республик по вопросам интеграции и сотрудничества.

В 2006 г. на Шанхайском юбилейном саммите было заявлено о наличии у ШОС потенциала, позволяющего ей играть самостоятельную роль в Евразии. О потенциале ШОС свидетельствовало установление отношений с ЕС, ОБСЕ, АСЕАН, ЛАГ, СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС. При этом ШОС не позиционировала себя как военно-политический блок. В Душанбинской декларации глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (2008 г.) было отмечено, что «Главы государств выступают за углубление взаимодействия ШОС с Организацией Объединенных Наций, а также с Содружеством Независимых Государств, Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, Евразийским экономическим сообществом, Организацией Договора о коллективной безопасности, Организацией экономического сотрудничества и Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана на основе подписанных меморандумов о взаимопонимании» (ст. 8) и что ШОС «открыта для конструктивного диалога со всеми международными и региональными организациями, которые разделяют цели и принципы ШОС, руководствуются в своей деятельности нормами международного права и Уставом ООН...» (ст. 14)¹.

В экспертной среде предпринимались попытки дать определение ШОС как института международного развития и интеграции. В 2006 г. ШОС была определена как единственная в мире межцивилизационная организация регионального типа [Арсланова 2010]. В 2010 г. ШОС получила определение как новаторская модель «дееспособного взаимодействия без движения к суперконсолидации с эвентуальным появлением наднациональных органов, наделенных директивными функциями» [Воробьев 2012]. В 2014 г. ШОС была названа «организацией нового типа с открытым интеграционным пространством Восточной Евразией»². В 2016 г. г. была предложена идея рассматривать ШОС как возможную глобальную организацию³, что, отчасти формулировалось и ранее. И все же надо помнить о «ее первоначально заложенной конструкции как региональной организации...» [Воробьев 2012].

¹ Душанбинская декларация Шанхайской организации сотрудничества от 28 августа 2008 г. // www.infoshos.ru/?id=39 (дата обращения: 10.02.2017).

² Шарко С.В. Страны БРИКС, ШОС и современный миропорядок. Высшая школа экономики, 2014 (дата обращения: 10.02.2017; доступ по ссылке: <http://su0.ru/YAkZ>).

³ Маслов А. ШОС становится глобальной организацией наравне с НАТО // www.pravda.ru/news/expert/14-06-2016/1303619-shos-0 (дата обращения: 10.02.2017).

В 2016 г. на Ташкентском саммите ШОС в принятой по случаю пятнадцатилетия организации декларации было отмечено, что «За 15 лет своей деятельности Шанхайская организация сотрудничества заняла достойное место в ряду авторитетных и влиятельных международных и региональных организаций», государства — члены ШОС осуществляют «конструктивное и доверительное партнерство, неуклонно следуя «шанхайскому духу», основанному на взаимном доверии, равенстве, консультациях, уважении многообразия цивилизаций и культур»¹.

Как представляется, на современном этапе своего развития Шанхайская организация сотрудничества может быть определена как региональная организация глобального типа, в рамках которой ключевое значение наряду с факторами экономической целесообразности и безопасности получила гуманистическая составляющая, понимаемая как адаптация и готовность человека к новому формату диалога во имя будущего. Не случайно общепризнанным в мире стало выражение «шанхайский дух» как квинтэссенция нового типа отношений между странами — членами ШОС.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ БРИКС

Создание БРИКС², прежде всего, стало ответом на недостаточность традиционных для XX в. экономических и геополитических обоснований и мотиваций при определении приоритетов развития человечества [Roberts 2010]. И дело даже не только в зримой разбалансированности мировой экономики и политики в начале XXI в. И не столько в растущей экономической мощи государств — участников объединения БРИКС, ставшей естественным результатом их многолетнего мирного национально-ориентированного развития. Видимо, пришло время проявления новых измерений развития человеческой цивилизации и появления новых ведущих драйверов глобальных изменений.

На сегодняшний день БРИКС объединяет пять развивающихся стран, которые включают в себя 43% мирового населения, обеспечивают 30% мирового ВВП и имеют 17% доли в мировой торговле. Как представляется, предтечей сегодняшнего БРИКС стал стратегический треугольник Россия—Индия—Китай, идея которого была сформулирована и реализована Е.М. Примаковым [Толорая 2013: 7]. Первый саммит БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) прошел в Екатеринбурге 16 июня 2009 г., показав миру готовность крупнейших развивающихся экономик объединить свои усилия в деле продвижения своих экономических интересов. Стоит отметить, что изначально БРИК подчас воспринимался «как альтернатива существующему миропорядку» [Барабанов 2012: 68], что, однако не нашло отражения в решениях саммитов БРИКС.

¹ Ташкентская декларация пятнадцатилетия Шанхайской организации сотрудничества от 24 июня 2016 г. Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?id=132> (дата обращения: 10.02.2017).

² Группа БРИКС (BRICS) возникла 18 февраля 2011 г. (к группе БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай — присоединилась Южно-Африканская Республика). Тем самым впервые возникла межрегиональная союзная группа «больших экономик» с потенциалом открытого терминала (gate) в Африку, Азию, Европу и Латинскую Америку. Впервые аббревиатура БРИК была предложена аналитиками банка «Голдман Сакс» в ноябре 2001 г.

На встрече министров иностранных дел стран БРИК в Нью-Йорке в сентябре 2010 г. было решено расширить БРИК. С включением Южно-Африканской Республики (ЮАР) возникло объединение (группа) БРИКС. Третий саммит объединения уже в формате БРИКС прошел в г. Санья (Китай) 14 апреля 2011 г. Затем, на 7-м саммите БРИКС в г. Уфа (Россия), 8—10 июля 2015 г., в ряды этой группы стран на правах наблюдателя вступила Исламская Республика Иран. К 2017 г. в рамках БРИКС было проведено 8 саммитов, посвященных обсуждению различных вопросов. Основные решения этих встреч: принятие Стратегии экономического партнерства БРИКС; создание Нового банка развития и пула условных валютных резервов стран — членов БРИКС, Делового совета БРИКС, Совета экспертных центров стран БРИКС, Сетевого университета БРИКС, Лиги университетов БРИКС, Энергетической ассоциации БРИКС.

В 2015 г. посол по особым поручениям МИД РФ, заместитель представителя Президента Российской Федерации по вопросам группы стран БРИКС В.Б. Луков на пресс-конференции в МИА «Россия сегодня» на тему «Приоритеты председательства России в БРИКС» особенно подчеркнул, что «БРИКС — это альянс реформаторов в международных отношениях»¹.

Далее было выделено, что стратегической целью усилий всех партнеров по БРИКС является «поэтапное превращение БРИКС в механизм координации действий как по стратегическим вопросам, так и по текущим вопросам мировой политики и экономики. На этой основе станет возможным превращение БРИКС в реально действующий элемент системы глобального управления»². Эта цель была согласована на Дурбанском саммите 2013 г. Объединяет БРИКС «четыре стратегических интереса»: общая заинтересованность в проведении независимого курса в международных делах; приверженность принципу утверждения международного права как главной нормы международной жизни против права сильного, а также — утверждения и подтверждения центральной роли ООН в международных делах; общая заинтересованность в использовании взаимодополняющего характера экономик стран-участниц для ускорения развития стран БРИКС; возможность взаимного обогащения при обмене опытом в решении крупных социально-политических, социально-экономических проблем³.

В Уфимской декларации (ст. 73, 2015 г.) отмечалось, что лидеры стран БРИКС приветствуют Доклад по долгосрочной стратегии БРИКС, подготовленный по инициативе Совета экспертных центров⁴. В развитие этих решений в Стратегии экономического партнерства БРИКС, принятой на Уфимском саммите 2015 г., было определено, что основными направлениями сотрудничества в рамках БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций являются, в том числе, следующие: обмен

¹ Российский су-шерпа: БРИКС — это альянс реформаторов в международных отношениях. 30 марта 2015 г. // <http://brics2015.ru/transcripts/20150330/29159-print.html>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Уфимская декларация БРИКС от 9 июля 2015 г. Режим доступа: www.brics.utoronto.ca/docs/150709-ufa-declaration-ru.pdf (дата обращения: 10.02.2017).

информацией о стратегиях и программах, а также содействие инновациям и передаче технологий; продовольственная безопасность и устойчивое сельское хозяйство; стихийные бедствия; новые и возобновляемые источники энергии, сохранение энергии; нанотехнологии; высокопроизводительные компьютерные вычисления; фундаментальные исследования; исследование и освоение космоса, авиационная наука, астрономия и наблюдения Земли; медицина и биотехнологии; биомедицина и науки о жизни (биомедицинская инженерия, биоинформатика, биоматериалы); водные ресурсы и нейтрализация загрязнений; высокотехнологичные зоны/научные парки и инкубаторы; передача технологии; информационно-коммуникационные технологии; экологически чистые технологии использования угля; природный газ и нетрадиционные источники газа; исследования океанов и полярных регионов; геопространственные технологии и виды их применения¹. В 2015 г. лидеры стран — участниц БРИКС приняли также решение по учреждению Сетевого университета БРИКС (BRICS Network University) [Юртаев 2015; Андреева и др. 2016; Юртаев 2016], а также — Лиги университетов БРИКС (ст. 63 Уфимской декларации), тем самым реализовав договоренности саммита БРИКС в Бразилии в 2014 г.²

Анализ стратегических, демографических, технологических и иных показателей подтверждает сделанный вывод о глобальном потенциале БРИКС, поскольку объединили свои усилия страны, без участия которых немислимо разрешение глобальных проблем человечества. Кроме того, БРИКС уже состоялось как независимое течение в мировой политике, сумев укрепить методами синергии национальные внешние политики. Их активность укрепляет движение к полицентричному мировому порядку, идеология, цели и принципы БРИКС пошли в глубь мирового сообщества. Квинтэссенцией этого становится лозунг «Жить с опорой друг на друга».

Как справедливо отметил А.В. Виноградов, «БРИКС не может превратиться в аналог G7 и создать однополярную или воссоздать биполярную структуру мира» [Виноградов 2013: 13].

На глобальном уровне БРИКС выступает в трех измерениях: международном (традиционном), интерконтинентальном и межрегиональном. Регионально-глобальное измерение БРИКС отразило вовлеченность стран БРИКС в процесс регионализации как начальной фазы глобализации и не имеет аналогов в мировой практике. Каждая из стран БРИКС является неотъемлемой частью континентальных (Африка, Евразия, Америка), региональных (Африка, Азия, Европа, Северная и Южная Америка) и сопряженных субрегиональных рынков (Центральная, Восточная, Юго-Восточная и Южная Азии, Средний Восток, Южная Африка, Латинская Америка, Восточная и Северная Европа) и геополитических пространств. В рамках интерконтинентального партнерства страны БРИКС являются порта-

¹ The Strategy for BRICS Partnership, 9 July 2015. P. 15—18. URL: https://www.hse.ru/data/2015/07/09/1082902166/partnershipstrategy_eng.pdf (accessed: 10.02.2017).

² Fortaleza Declaration and Action Plan, 15 July 2014. URL: <http://brics6.itamaraty.gov.br/category-english/21-documents/223-sixth-summit-declaration-and-action-plan> (accessed: 10.02.2017).

лами (gate) для включения в глобальное международное сотрудничество экономик регионов и сопряженных субрегионов.

Глобальная конкуренция наиболее остро проявляется сегодня именно в субрегионах и на локальном уровне. На повестке дня здесь — выработка новых алгоритмов выстраивания отношений между народами. По сути — это задача выстраивания интерконтинентального партнерства, в котором страны БРИКС будут выступать порталами для включения в международное сотрудничество экономик сопряженных субрегионов.

В сопряженных субрегионах деятельность «пятерки» должна быть нацелена на решение задач формирования торговой, экономической, финансовой, инновационной, гуманитарной и международной инфраструктуры субрегионального сотрудничества как основы для глобального интерконтинентального партнерства. Именно в рамках такого подхода регионализация получает тройное измерение: глобальное, континентальное и локальное и БРИКС действительно становится рабочим инструментом процесса глобализации в формате ее многополюсного проекта.

В целом, за годы своего существования, БРИКС превратился в своеобразный клуб стратегических партнеров, объединенных единой целью — реформировать современную экономическую систему и способствовать созданию справедливой структуры международных отношений. БРИКС представляет собой и цивилизационную площадку диалога, и «мост» на пути к формированию более справедливого и гармоничного мира [Юртаев 2013: 24]. Можно также сказать, что БРИКС выступает как пятерка лидеров за вхождение в глобализацию в возникающих самостоятельных подсистемах глобальной организации труда, при этом все заметнее становясь полюсами региональной интеграции и развития для сопряженных субрегионов.

В сфере международных отношений подобный экономический регионализм, как ожидается, станет ключом к добрососедству, определив логику новой дипломатии (основание экономическое, управление политическое). В сфере экономики важно увидеть иное измерение в отношениях с соседями — малыми региональными партнерами — взаимодействие, основанное на взаимодополняемости экономик стран БРИКС как стран — лидеров процесса формирования мира глобализации.

Весьма значимой оказалась встреча лидеров стран БРИКС 4 сентября 2016 г. «на полях» саммита G20 в г. Ханчжоу, КНР. Состоялся обмен мнениями по дальнейшему укреплению стратегического партнерства БРИКС, которое выстраивается на принципах открытости, солидарности, равенства, взаимопонимания, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества. Таким образом, формат многостороннего сотрудничества, реализуемый в рамках БРИКС, предполагает поиск новых моделей развития мира и обеспечения жизнедеятельности человечества.

Исследователи, правда, указывают на такую слабую точку и БРИКС, и ШОС, как наличие проблем в двухсторонних отношениях, в первую очередь между КНР и Индией, а также порой отсутствие единой позиции по ключевым мировым событиям. Так, например, на голосовании 27 марта 2014 г. в Генеральной ассамблее ООН по вопросу о признании незаконности крымского референдума страны БРИКС

и ШОС либо не голосовали, либо воздержались¹. С другой стороны, ряд исследователей считает, что подобная ситуация абсолютно нормальна — в любой международной организации у каждой страны есть свои собственные национальные интересы, которые не обязательно должны соотноситься с такими же интересами всех остальных стран. Главное, что страны — члены ШОС и БРИКС прикладывают усилия к консолидации своих позиций по конкретным ключевым вопросам и проблемам [Лексютина 2016]. Не случаен, поэтому, особый интерес к региону Центральной Азии.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И СОПРЯЖЕНИЕ МАКРОРЕГИОНОВ

Центральная Азия имеет стратегическое значение как для ШОС, так и для БРИКС. Именно поэтому целесообразно говорить об их согласованном участии в развитии Центральной Азии на новом основании — создании первого в мире региона — модуля для новой глобальной системы мирохозяйственных связей и международной интеграции.

Проведенный анализ [Юртаев 2012] показал, что переход к новой экономической системе на платформе БРИКС может быть реализован по следующим заявленным направлениям сотрудничества, которые образуют региональный модуль развития глобального типа:

— кластерное торгово-экономическое партнерство (инвестиции — ресурсы — инфраструктура — транспорт — логистика — торговля — образование — занятость);

— секторальное сотрудничество (в стратегических отраслях — финансы, энергетика, транспорт и логистика);

— инновации (научно-образовательный кластер как основание национальной инновационной системы, инновационные технологии/проекты в авиакосмическом, транспортно-коммуникационном и энергетическом кластерах БРИКС, инновационные технологии развития мегаполисов и др.);

— обеспечение устойчивого экономического роста и предотвращение финансовых кризисов, создание новой финансово-экономической архитектуры мира (взаимодействие в рамках G20, обмен опытом модернизации, новая резервная валюта, переход стран БРИКС на национальные валюты при взаимной торговле, расширение источников добычи энергоресурсов и др.);

— решение глобальных проблем (глобальная безопасность, защита окружающей среды, изменение климата, проблема бедности и др.).

Действительно, на пространстве ШОС формируется огромный регион, связанный с актуализацией поясов нового экономического роста в сопряженных районах России, Казахстана и Китая. Динамичное развитие этого региона связано, прежде всего, с экономическим ростом в Китае и России, остающихся основными торгово-экономическими партнерами в рамках ШОС, и ускорением интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Можно предположить, что

¹ Resolution GA/11493, 27 March 2014. Режим доступа: <http://www.un.org/press/en/2014/ga11493.doc.htm> (дата обращения: 10.02.2017).

важнейшими условиями экономического роста новых районов станут, во-первых, обеспеченность их транспортной доступности, и во-вторых, — включенность в интегрированное евро-азиатское транспортное и коммуникационное пространство. Это обусловлено, прежде всего, прогнозируемым усилением региональной интеграции внутреннего рынка и ростом внутренних перевозок.

Отмечая этот аспект интеграции, президент России В.В. Путин отметил, что большие перспективы «имеет идея формирования общей транспортной системы ШОС, в том числе с использованием транзитного потенциала Транссиба и БАМа, сопряженной с планами КНР по развитию Шелкового пути» и формирование сети автомобильных маршрутов, включая транспортный коридор «Европа — Западный Китай»¹.

Следует подчеркнуть, что решение проблемы транспорта и транзита является стратегической задачей всех региональных организаций на территории Евразии (ЕС, ЕАЭС, СНГ, АСЕАН и др.), а не только ШОС, и может стать темой специального исследования.

Сложность решения этой задачи определяется как динамичной структурой большинства региональных союзов (вступление новых стран), так и продолжающимся процессом кристаллизации особого «континентального» хозяйства», в котором все заметнее проступают контуры новых регионов. Этими регионами выступают крупные географические зоны, такие как «Средиземноморская Европа» (включающая страны Евросоюза, Северной Африки и Ближнего Востока); «Восточная и Юго-Восточная Азия» (Китай, страны АСЕАН, Япония, Республика Корея и др.); «Центральная Евразия» (Индия, Афганистан, страны Центральной Азии, Иран, Россия и др.), «пространство СНГ» (с его экономическим ядром — странами ЕАЭС) и др. Фактически в Евразии возникает новое измерение современной экономики и хозяйствования. Региональное сотрудничество в рамках ШОС дополняется интерконтинентальным взаимодействием в рамках БРИКС, что позволяет увидеть контуры возможной в будущем общей континентальной парадигмы транспортно-экономической деятельности в Евразии как основы для общевразийской интеграции. Это один из вызовов как для ШОС, так и для БРИКС.

Можно констатировать, что обе структуры достигли больших успехов в своем развитии. В отличие от ШОС, в которой существует организационная структура, предоставляющая странам-членам различные форматы развития, в основном в формате треугольников (Китай—Казахстан—Россия; Китай—Россия—Беларусь), в БРИКС приоритет отдается консенсусному пятистороннему формату взаимодействия, что и является ключевой особенностью этого объединения. Регионально-глобальные особенности ШОС и глобально-региональная (интерконтинентальная) составляющая БРИКС не конкурируют друг с другом и взаимно дополнительны, т.е. могут стать важным ресурсом для их саморазвития. Проведенный анализ показал, что переход к новой международной экономической системе на платформе БРИКС может быть реализован по следующим заявленным на-

¹ В.В. Путин: ШОС должна налаживать связи с Таможенным союзом и расширять сотрудничество с ООН. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/1436978> (дата обращения: 12.04.2017).

правлениям сотрудничества, которые образуют региональный модуль развития глобального типа: кластерное торгово-экономическое партнерство; секторальное сотрудничество; совместное участие в реализации масштабных проектов по решению глобальных проблем. Здесь видится смычка с самым масштабным из заявленных проектов на пространстве ШОС — идеей о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, что потребует сопряжения национальных стратегий развития и с целью дальнейшего формирования партнерской сети многосторонних объединений.

ШОС и БРИКС представляют собой уникальные интеграционные модели в современном мире, являясь квинтэссенцией незападных взглядов и теорий по вопросу мироустройства и строительства новой многополярной международной системы. Можно предположить, что странам Азии предстоит стать пионерами создания и освоения новой архитектуры мирового хозяйства и международных отношений, которым сегодня более свойственна привязка к широко понимаемой проблематике безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андреева О.В., Парфенова С.В., Стюлькова Н.В., Юртаев В.И.* Концепция сетевого университета БРИКС / При участии И.А. Айдрус, А.Ю. Борзовой, Н.С. Колесникова, Ю.Н. Мосейкина // БРИКС: сотрудничество в целях развития. Образование. Наука. Бизнес: Материалы V Международной научной конференции. Москва, 4 июня 2015 г. М.: РУДН, 2016. С. 172—178.
- Арсланова Е.Б.* Шанхайская организация сотрудничества как институт обеспечения региональной безопасности // Известия Уральского федерального университета. 2010. Серия 3. № 3. С. 62—71.
- Барбанов О.Н.* Новые ценности БРИКС как альтернативная модель глобального регулирования // Вестник международных организаций. 2012. Т. 7. № 2. С. 68—74.
- Виноградов А.В.* Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты / Под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН, 2013. С. 8—18.
- Воробьев В.Я.* ШОС как растущий властелин «хартленда» // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. С. 196—204.
- Лексютина Я.* Отсутствие единой позиции — не помеха для БРИКС. НКИ БРИКС. Режим доступа: www.nkibrics.ru/posts/show/5849faa86272693114270000 (дата обращения: 10.02.2017).
- Толорая Г.В.* Проблемы стратегии развития БРИКС как межгосударственного объединения нового типа // III международная конференция «БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития», 15 мая 2013 г. М.: НКИ БРИКС, Изд-во РУДН, 2013. С. 6—11.
- Фишипов В.М., Сунь Ю.* Роль Университета Шанхайской организации сотрудничества в сопряжении образовательных пространств Евразии // Государственная служба. 2015. № 6 (98). С. 15—17.
- Юртаев В.И.* БРИКС: образование как фактор глобального конкурентного преимущества // БРИКС: сотрудничество в целях развития. Образование. Наука. Бизнес: Материалы V Международной научной конференции. Москва, 4 июня 2015 г. М.: РУДН, 2016. С. 142—148.
- Юртаев В.И.* БРИКС: приоритеты для стратегии развития // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. III международная конференция «БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития». 15 мая 2013 г. М.: НКИ БРИКС, Изд-во РУДН, 2013. С. 17—25.

- Юртаев В.И.* БРИКС: формирование кластеров превосходства в сфере образования // БРИКС в год седьмого саммита: фокус на Африку / Отв. ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясов. М.: Ин-т Африки РАН, 2015. С. 63—64.
- Юртаев В.И.* ЮАР и БРИКС: портал глобализации для Африки // Ежегодник РУДН — 2012, серия «Африканские исследования». М.: РУДН, 2012. С. 167—186.
- Facon I.* Moscow's Global Foreign and Security Strategy: Does the Shanghai Cooperation Organization Meet Russian Interests? // *Asian Survey*. 2013. Vol. 53. No. 3. P. 461—483. DOI: 10.1525/as.2013.53.3.461.
- Gromyko A.* Smaller or Greater Europe? // *Rivista di Studi Politici Internazionali, Nuova Serie*. 2014. Vol. 81. No. 4 (324). P. 517—526.
- Roberts C.* Russia's BRICs Diplomacy: Rising Outsider with Dreams of an Insider // *Polity*. 2010. Vol. 42. No. 1. P. 38—73. DOI: 10.1057/pol.2009.18.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 469—482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482.

Сведения об авторах: Юртаев Владимир Иванович — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: yurtaev_vi@rudn.university).

Рогов Артем Сергеевич — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: a-rogow94@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482

BRICS AND SCO: PARTICULAR QUALITIES OF FORMATION AND ACTIVITIES

V.I. Yurtaev, A.S. Rogov

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, Russia

Abstract. This article analyzes the general and the particular role of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the BRICS (Brazil, Russia, India, China, South Africa) in the Eurasia integration processes. SCO and BRICS are considered as new forms of international integration in the context of globalization. Particular attention is devoted to show the promising areas of cooperation between the SCO and BRICS in Central Asia as a region — the module forming a new global system of global economic relations and international integration.

SCO is defined in the article as a regional organization of a global type, in which the key value along with the factors of economic feasibility and safety received a humanistic component, understood as adaptation and readiness of participants to a new format of dialogue for the future (the “Shanghai spirit”).

It is noted that the establishment of the BRICS, above all, was a response to the failure of traditional for XX century the economic and geopolitical rationales and motivations in setting priorities of human development. In addition to the global dimension of the BRICS has a strong regional dimension, which has no analogues in the world practice, each of the BRICS countries is an integral part of continental, regional and subregional conjugate markets and geopolitical spaces. At the global level, BRICS appears in three dimensions: international (traditional), intercontinental and interregional. Within intercontinental partnership, the BRICS countries are portals (Gate) for inclusion in the global international cooperation of economies of the regions and related subregions.

Regional-global features of the SCO and the global-regional component of the BRICS compete with each other and mutually complementary, that is, can become an important resource for their self-development. Unlike the SCO, in which there is an organizational structure that provides members the various formats of development, in BRICS priority is given to consensus five-sided format of interaction, which is the key feature of this Group. The analysis showed that the transition to a new international economic system on the platform of the BRICS can be implemented in the following stated areas of cooperation that form the regional development module of global type: cluster of economic and trade partnership; sectoral cooperation; joint participation in large-scale projects to address global problems. Here is the bow with the largest of announced projects in the SCO space — the idea of a cooperation to integrate the Eurasian Economic Union and the Economic belt of the Silk Road, which will require pairing of national development strategies and to further the formation of a partnership network for multilateral associations.

Key words: globalization, BRICS, SCO, Eurasia, intercontinental cooperation, related sub-region, region module, international integration

REFERENCES

- Andreeva, O.V., Parfenova, S.V., Syulkova, N.V., Yurtaev, V.I. & others (2016). The Concept of the BRICS Network University In: *BRICS: cooperation for development. Education. Science. Business: Materials of V International scientific conference. Moscow, June 4, 2015*. Moscow: RUDN University, p. 172—178.
- Arslanova, E.B. (2010). The Shanghai Cooperation Organization as an institution of regional security. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, 3 (3), 62—71. (in Russ.).
- Barabanov, O.N. (2012). New values of BRICS as an alternative model of global governance. *International organisations research journal*, 7 (2), 68—74. (in Russ.).
- Facon, I. (2013). Moscow's Global Foreign and Security Strategy: Does the Shanghai Cooperation Organization Meet Russian Interests? *Asian Survey*, 53 (3), 461—483. DOI: 10.1525/as.2013.53.3.461.
- Filippov, V.M. & Sun, Y. (2015). The role of the Shanghai Cooperation Organization University in the mate educational spaces of Eurasia. *Public administration*, 6 (98), 15—17. (in Russ.).
- Gromyko, A. (2014). Smaller or Greater Europe? *Rivista di Studi Politici Internazionali, Nuova Serie*, 81 (4), 517—526.
- Leksyutina, Ya. (2016). *The lack of a common position — not an obstacle to the BRICS*. URL: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/5849faa86272693114270000> (accessed 10.02.2017). (in Russ.).
- Roberts, C. (2010). Russia's BRICs Diplomacy: Rising Outsider with Dreams of an Insider. *Polity*, 42 (1), 38—73. DOI: 10.1057/pol.2009.18.
- Toloraya, G.V. (2013). Problems of BRICS Development Strategy as an Intergovernmental Association of a New Type In: *III International Conference BRICS and Africa: Cooperation for Development, May 15, 2013*. Moscow: NKI BRIKS, RUDN University Publishing House, p. 6—11. (in Russ.).
- Vinogradov, A.V. (2013). Dialog in the format of BRICS and its role in the development of a multi-polar world. In: *Russia's Strategy within BRICS: aims and instruments*. Ed. by V.A. Nikonov, G.D. Toloraya. Moscow: RUDN University Publishing House, p. 8—18. (in Russ.).
- Vorob'ev, V.Ya. (2012). SCO as a growing lord of the “Heartland”. *Russia in Global Politics*, 1, 196—204. (in Russ.).
- Yurtaev, V.I. (2012). South Africa and BRICS: the portal of globalization for Africa. *Ezhegodnik RUDN, seriya «Afrikanskie issledovaniya»*. Moscow: RUDN University, p. 167—186. (in Russ.).
- Yurtaev, V.I. (2013). BRICS: priorities for growth strategy. In: *III International Conference BRICS and Africa: Cooperation for Development, May 15, 2013*. Moscow: NKI BRIKS, RUDN University Publishing House, p. 17—25. (in Russ.).
- Yurtaev, V.I. (2015). BRICS: the formation of clusters of excellence in education. In: *BRICS-Africa: the reconfiguration of African countries international priorities*. Ed. by T.L. Deych, E.N. Koryndyasov. Moscow: In-t Afriki RAN, p. 63—64. (in Russ.).

Yurtaev, V.I. (2016). BRICS: Education as a Factor of Global Competitive Advantage. In: *BRICS: cooperation for development. Education. Science. Business: Materials of V International scientific conference. Moscow, June 4, 2015*. Moscow: RUDN University, p. 142—148. (in Russ.).

Received: 14.06.2017

For citations: Yurtaev, V.I., Rogov, A.S. (2017). BRICS and SCO: Particular Qualities of Formation and Activities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 469—482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482.

About the authors: *Yurtaev Vladimir Ivanovich* — Doctor of History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: yurtaev_vi@rudn.university).

Rogov Artem Sergeevich — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: a-rogow94@yandex.ru).

© Юртаев В.И., Рогов А.С., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-483-495

ВЛИЯНИЕ «КИТАЙСКОГО ФАКТОРА» НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-КАМБОДЖИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Н.Н. Бектимирова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

В статье рассматриваются особенности российско- и советско-камбоджийских дипломатических отношений, которым в 2016 г. исполнилось 60 лет. Показано, что в XX в. двустороннее взаимодействие испытывало сильное влияние идеологической составляющей, в частности, политического противоборства между СССР и КНР. Было исследовано, как «китайский фактор» — превращение КНР в «друга № 1» для Камбоджи — определял позицию СССР по большинству вопросов, связанных с этой страной.

Проведенный анализ современного состояния российско-камбоджийских отношений показал, что ныне и РФ, и Камбоджа склонны проводить сугубо прагматическую внешнюю политику, формируя общегосударственные интересы на неидеологической основе, модифицируя их в зависимости от текущего момента. Поэтому объективно «китайский фактор» — экономическое доминирование КНР в Камбодже в XXI в. — вряд ли может служить тормозом для развития российско-камбоджийских отношений в среднесрочной перспективе.

Стремление России на сегодняшний день закрепить свои позиции в качестве влиятельного центра формирующегося полицентричного мира требуют от нее выстраивать конструктивные, содержательные отношения со всеми странами АСЕАН, в том числе и такими небольшими по размеру своих человеческих, территориальных и других ресурсов, как Камбоджа, отчасти создавая противовес политическому и экономическому доминированию Китая в этой стране. Это способствовало бы движению к созданию более устойчивой системы международных отношений в Юго-Восточной Азии в целом.

Ключевые слова: Камбоджа, Россия, Китай, внешняя политика, политическое противоборство, международные отношения, экономическое сотрудничество, экономическое доминирование, стратегическое партнерство

Российско- и советско-камбоджийские связи, которым в 2016 г. исполнилось 60 лет, в целом на протяжении десятилетий развивались на основе равноправного и взаимовыгодного партнерства. Официально дипломатические отношения были установлены 13 мая 1956 г. В тот период сотрудничество между двумя странами испытывало на себе серьезное воздействие блокового мышления.

СТАНОВЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В БИПОЛЯРНОМ МИРЕ

В условиях биполярного мира двусторонние отношения строились, в первую очередь, с учетом конфронтации сверхдержав. Нейтралитет, который провозгласил тогдашний глава государства Нородом Сианук в качестве основополагающего принципа внешней политики независимой Камбоджи, и нежелание Пномпеня присоединяться к СЕАТО СССР рассматривались как показатели прогрессивности режима, несмотря на его жесткий антикоммунистический характер во внутренней политике.

Поэтому при всей очевидной асимметричности человеческих, территориальных и прочих ресурсов партнеров Советский Союз был настроен на всемерное развитие сотрудничества с Камбоджей. В 1956 г. состоялся первый официальный визит принца Н. Сианука в СССР. Здесь он был удостоен высоких почестей: его визиту была посвящена передовица в газете «Правда» под многозначительным названием «Прочные узы дружбы между народами СССР и Камбоджи»; также принц и король Сурамарит были награждены полководческими орденами Суворова I степени¹. Ответным жестом Н. Сианука стало вручение Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову Большого креста королевского ордена Камбоджи [Бектимирова, Селиванов 2002: 33].

Советское руководство завершило Н. Сианука в поддержке проводимого Камбоджей нейтрального курса и заявило о готовности оказания ей научно-технической и экономической помощи без каких-либо предварительных условий. Советская помощь была направлена в основном на развитие сфер здравоохранения и образования. В 1957 г. было заключено первое соглашение о строительстве в Пномпене в качестве дара госпиталя на 500 коек. В 1958 г. состоялась закладка первого камня, а в 1960 г. госпиталь был передан в дар камбоджийскому народу [Малетин 2004: 15]. Во время обострения отношений между Камбоджей и ее соседями — Таиландом и Южным Вьетнамом — в начале 1959 г. газета «Правда» писала, что «советский народ питает чувства непоколебимой дружбы к Камбодже» и с глубокой симпатией следит «за борьбой свободолюбивого народа Камбоджи против интриг империалистических держав, посягающих на суверенитет и территориальную целостность этой страны»².

В 1960 г. состоялся очередной визит Н. Сианука в Москву. А в 1961 г. было подписано соглашение о строительстве еще одного объекта социального назначения — высшего технического института на 1000 студентов, который передавался Камбодже в дар. Однако позднее «биполярный взгляд» на советско-камбоджийские связи стал отходить на второй план.

КИТАЙСКО-КАМБОДЖИЙСКАЯ ДРУЖБА

Отношения СССР с Камбоджей все в большей степени стали рассматриваться через призму противоборства СССР и КНР. Серьезное ухудшение советско-китайских отношений негативно отражалось и на контактах нашей страны с Камбоджей, для которой Китай к этому времени превратился в «друга № 1». В течение нескольких десятилетий «китайский фактор» во многом определял состояние советско-камбоджийских отношений.

Фактически, начиная с Женевской конференции 1954 г. до установления официальных отношений в 1958 г., между руководителями Камбоджи и КНР поддерживались довольно интенсивные политические контакты. Накануне закрытия Бандунгской конференции 23 апреля 1955 г. премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай

¹ Газета «Правда» от 08.07.1956.

² Газета «Правда» от 27.05.1959.

вручил Н. Сиануку письменное послание, в котором подтверждал, что «Китай не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Камбоджи» [Richardson 2010: 32].

По признанию Н. Сианука, тогда его больше всего покорило то, как тонко Чжоу Эньлай давал понять, что маленькая Камбоджа всегда будет восприниматься китайскими руководителями как равный партнер их огромной страны [Chanda 2002: 2]. Все это вселяло уверенность в принца, что курс нейтралитета поможет его стране избежать эксцессов, характерных для эпохи холодной войны.

Уже в ходе первого визита Н. Сианука в Китай в феврале 1956 г. он трижды встречался с председателем КНР Мао Цзэдуном. «Великий кормчий» заверил принца в том, что хотя Китай — государство коммунистическое, а Камбоджа — монархическое, отношения между ними и впредь будут строиться так, как будто «они одна семья» [Richardson 2010: 33]. Китай всячески демонстрировал, что он рассматривает Камбоджу как особый пример страны, готовой развивать отношения в Юго-Восточной Азии (ЮВА) на основе принципов мирного сосуществования.

В ноябре 1956 г. состоялся визит Чжоу Эньлая в Камбоджу. В ходе встречи с королем Сурамаритом, членами правительства и местной китайской общиной премьер Госсовета КНР заверил партнеров, что Китай не будет продвигать идеи коммунизма среди этнических китайцев в Камбодже и создавать в стране свою «пятую колонну». Уже в 1957 г. Китай предоставил Камбодже безвозмездную помощь в размере 22 млн долл. США.

В 1958 г. между Камбоджей и КНР были установлены дипломатические отношения. С тех пор и в речах руководителей КНР, и в официальных заявлениях МИД КНР из раза в раз повторялись заявления о том, что «дружба между двумя странами выражает отношения, свойственные близким членам одной семьи». Народом Сианук, со своей стороны, утверждал, что «Китай — единственная страна, которая действительно привержена политике поддержки камбоджийского суверенитета и оказания Камбодже экономической помощи» [Richardson 2010: 35]. Эти утверждения, как правило, сопровождались благодарностью за то, что помощь Китая не увязывается с какими-либо условиями. К середине 1960-х г. КНР стала второй после США страной — донором Камбоджи. Помощь Вашингтона составила 66 млн долл. США, а помощь Пекина — 50 млн долл. США. Для Китая в тот период это была немалая сумма. Чжоу Эньлай сравнивал китайскую помощь Камбодже с «яблоней, плоды которой может вкусить любой кхмер».

1960-е гг. были отмечены еще большей интенсивностью двусторонних контактов. В этот период Н. Сианук, с одной стороны, и Мао Цзэдун или Чжоу Эньлай — с другой, обменивались телефонными звонками не реже одного раза в две недели [Richardson 2010: 39]. Кульминационным моментом камбоджийско-китайского сближения стало подписание в декабре 1960 г. Договора о дружбе и взаимном ненападении [Smith 1965: 119]. В октябре 1964 г. после очередного визита в Пекин Н. Сианук назвал Китай «другом номер один» [Chandara Khun 2013]. В донесениях сотрудников британского посольства в Пномпене того времени также утверждалось, что «Китай в ближайшем будущем сохранит статус друга № 1

для Камбоджи» [Tarling 2012: 269]. В коммюнике по итогам визита 1964 г. было указано, что кхмеры и китайцы — дружественные братские народы. Эпитет «братские» подчеркивал особую близость отношений.

Правительство Камбоджи все больше блокировалось с Китаем по ряду международных вопросов, в частности по проблеме частичного запрещения ядерных испытаний¹, а также по индийско-китайскому пограничному конфликту 1962 г., г., в отношении которого Н. Сианук прямо заявил: «Нельзя осуждать КНР за то, что она отказывается признавать границы, оставленные колонизаторами» [Малетин 2004: 24]. В ходе визита в Пекин в октябре 1965 г. принц заявил, что Китай — «единственная страна, которая уважает Камбоджу» [Richardson 2010: 49].

РАЗЛАД С СССР: «КИТАЙСКИЙ ФАКТОР»

В ответ на сближение Камбоджи с КНР советское руководство решило отменить намеченный на ноябрь 1965 г. визит главы Камбоджи в СССР, о чем Н. Сианук узнал от советского посла в КНДР, куда принц приехал сразу после визита в КНР. Уязвленное самолюбие главы государства побудило его выступить с прямыми антисоветскими выпадами. Вернувшись домой, 17 октября Н. Сианук собрал многочисленный митинг на стадионе в Пномпене, где заявил, что СССР ищет в Камбодже лакеев, а «я вам не лакей» [Мосяков 2010: 266]. Впоследствии он долгое время демонстративно отказывался принимать советского посла.

В результате, несмотря на усилившуюся антиамериканскую составляющую в политике Н. Сианука, который в 1963 г. отказался от американской помощи, а в 1965 г. разорвал дипломатические отношения с США, Кремль уже не делал на него, как прежде, ставку в своем противоборстве с американцами. Отношение к Камбодже со стороны СССР становилось все более прохладным. Особенно ярко это проявилось после военного переворота 1970 г., когда к власти в стране пришел проамериканский режим Лон Нола.

В Москве, где Н. Сианук в момент переворота находился проездом, принцу посоветовали немедленно вернуться на родину, и на просьбу Н. Сианука предоставить политическое убежище ответили отказом. Подобная позиция Москвы глубоко обидела принца. Впоследствии в одном из интервью корреспонденту агентства «Франс Пресс» он признался: «Я надеялся, что русские поддержат меня. Но когда они увидели, что у меня нет намерения возвращаться в Камбоджу, чтобы меня там казнили, они оставили меня без помощи» [Мосяков 2010: 268].

Н. Сианук отправился в Пекин. Там ему было заявлено, что КНР будет продолжать считать его законным главой государства, и заверили принца в том, что он может рассчитывать на Китай в качестве страны-убежища для себя и своей семьи. После того, как Н. Сианук объявил о создании Национального единого фронта Камбоджи (НЕФК) и Королевского правительства Национального единства Камбоджи (КПНЕК) для борьбы против проамериканского режима Лон Нола, КНР немедленно приняла решение о поддержке фронта и 5 мая 1970 г. разорвала дипот-

¹ Вслед за КНР Н. Сианук отказался одобрить подписание Московского договора 1961 г. об ограничении испытаний ядерного оружия.

ношения с правительством Лон Нола. КНР признала КПНЕК в качестве единственно законного правительства и предоставила ему помещение, штат обслуживающего персонала и 2 млн долл. США ежегодной помощи на содержание [Richardson 2010: 71].

СССР, в свою очередь, стремясь избежать дальнейшего усиления влияния КНР в Индокитае, в мае 1970 г. признал режим Лон Нола. Это дало Пекину прекрасный повод заявить, что Москва «в очередной раз продемонстрировала принцу Сиануку свою истинную сущность как фальшивого друга Камбоджи» [Richardson 2010: 79]. СССР выступил в поддержку Кхмерской Республики Лон Нола в 1971 г. на XXVI сессии Генеральной ассамблеи ООН. В 1972 г. советское руководство согласилось пролонгировать еще на год заключенный в 1957 г. договор о торговом и экономическом сотрудничестве между СССР и Камбоджей.

Позиция СССР вызывала недоумение у многих стран третьего мира. Н. Сианук бомбардировал советское руководство телеграммами с просьбой о признании КПНЕК в качестве единственно законного представителя кхмерского народа. В них, в частности, говорилось: «Это признание представляется необходимым и неотложным, поскольку долг СССР как передовой социалистической державы заключается в том, чтобы дать американскому империализму незамедлительный и достойный отпор... Нельзя допустить, чтобы безграничная наглость США не получала отпора от СССР» [Бектимирова, Селиванов 2002: 146]. Однако, выступая 25 сентября 1973 г. на заседании Генеральной ассамблеи ООН, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко ограничился одной компромиссной фразой о том, что необходимо «предоставить народу Камбоджи возможность решать внутренние дела без иностранной помощи по собственному усмотрению»¹. Лишь после того как НЕФК и КПНЕК признали уже около 60 государств, в декабре 1973 г. СССР при рассмотрении вопроса о представительстве Камбоджи в ГА ООН проголосовал за КПНЕК.

Все более ожесточенное противостояние между СССР и КНР, развернувшееся в 1980-х гг., во многом предопределило политическое будущее Камбоджи на целое десятилетие. В значительной мере именно в контексте советско-китайских противоречий следует рассматривать и безоговорочную поддержку Советским Союзом ввода вьетнамских войск в Камбоджу в 1979 г. и многолетнее отрицание существования «камбоджийской проблемы», а также выделение средств на содержание 150-тысячного вьетнамского военного контингента в Камбодже (что было весьма обременительно для советской экономики) и оказание Пномпеню существенной экономической помощи на протяжении всех 1980-х гг. В свою очередь внешнеполитический курс Китая был нацелен на устранение советского влияния в Камбодже. Народом Сианук заявлял, что в этот период КНР была его главным союзником в дипломатической борьбе против непризнанной Народной Республики Кампучия [Chanda 2002: 4].

Соответственно, нормализация отношений между СССР и КНР стала впоследствии важнейшим фактором урегулирования ситуации в Камбодже.

¹ Сборник документов по камбоджийскому вопросу (1973—1974). МИД СССР. М., 1975. С. 33.

НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ

В сентябре 1986 г. заместитель председателя Госсовета КНР Дэн Сяопин объявил, что если СССР поспособствует выводу вьетнамских войск из Камбоджи, это устранил одно из главных препятствий на пути нормализации двухсторонних отношений. «Как только проблема будет решена, я готов встретиться с М.С. Горбачевым», — заявил он [Richardson 2010: 136].

В августе 1988 г. начались китайско-советские переговоры по Камбодже, в ходе которых замминистра иностранных дел СССР И.А. Рогачев заверил своего китайского коллегу Тянь Цзэнпэя, что Вьетнам выведет свои войска из Камбоджи в соответствии с достигнутыми договоренностями. Впоследствии И.А. Рогачев, один из активнейших участников урегулирования камбоджийской проблемы, признавал, что было ошибкой со стороны СССР в течение длительного времени делать вид, что такой проблемы не существует, «но мы говорили каждый раз «нет», когда Китай поднимал вопрос о Камбодже» [Becker 1998: 479].

На рубеже веков с распадом СССР внешнеполитическая деятельность России в регионе ЮВА существенно сократилась, что привело к застою в российско-камбоджийских связях. В первое десятилетие XXI в. ситуация в рамках данного сотрудничества во многом являлась отражением отношений между Россией и АСЕАН, которые переживали определенную стагнацию. Следует признать, что двусторонние контакты в области межгосударственных отношений по линии правящих партий и обеих палат парламента носили достаточно регулярный, но во многом формально-протокольный характер. Лишь в последние годы наметилась тенденция к некоторой активизации двусторонних отношений, что объяснялось общим поворотом политики России в сторону Азии, подготовкой к празднованию 20-летнего партнерства с АСЕАН и 60-летнего юбилея отношений с Камбоджей. Оба знаковых юбилея пришлось на 2016 г.

РОССИЙСКО-КАМБОДЖИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Особенно насыщенным политическими контактами высокого уровня стал период 2013—2016 гг. В ходе состоявшейся в ноябре 2014 г. в Нейпидо «на полях» 9-го Восточноазиатского саммита встречи председателя правительства России Д.А. Медведева с премьер-министром Камбоджи Хун Сенем были определены приоритетные направления двустороннего партнерства и поставлены конкретные задачи по его продвижению. В марте 2015 г. во время рабочего визита тогдашнего министра иностранных дел Камбоджи Хор Намхонга в Россию и его переговоров с С.В. Лавровым был подписан План консультаций между внешнеполитическими ведомствами на период 2015—2017 гг. В рамках визита Хор Намхонг принял участие в заседании Межправительственной российско-камбоджийской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК), которую с российской стороны возглавлял министр связи и массовых коммуникаций Н.А. Никифоров. Заседание комиссии было нацелено на выработку четкой программы действий по наполнению двустороннего сотрудничества весомым практическим содержанием.

Знаковым событием в связи с этим стал первый в новейшей истории официальный визит российского руководителя столь высокого уровня — председателя правительства Российской Федерации Д.А. Медведева — в Камбоджу в ноябре 2015 г. В ходе его переговоров с премьер-министром Хун Сеном были закреплены приоритетные направления двустороннего партнерства, намечены задачи по его дальнейшему расширению и подписаны 10 соответствующих соглашений и меморандумов о сотрудничестве¹. Наиболее значимыми среди них являются: межправительственное соглашение о воздушном сообщении, открывающее возможность прямых регулярных авиаперелетов между двумя странами, а также соглашение между Росфинмониторингом и подразделением финансовой разведки при Национальном банке Камбоджи об информационном обмене в сфере противодействия отмыванию денег и международному терроризму.

Несомненно, что дальнейший импульс более динамичному развитию отношений дал юбилейный саммит «Россия — АСЕАН», в ходе которого прошла встреча премьер-министра Камбоджи Хун Сена с президентом России В.В. Путиным. Хун Сен пригласил российского лидера посетить Камбоджу с визитом². Осенью 2016 г. состоялся рабочий визит в Москву нового министра иностранных дел Камбоджи Прак Сокхона, в ходе которого обе стороны договорились о координации в рамках в ООН усилий по решению международных проблем. В феврале 2017 г. состоялся визит секретаря Совета Безопасности России Н.П. Патрушева в Камбоджу, заложивший основы сотрудничества двух стран в сфере безопасности. Важной вехой должно стать очередное заседание Межправительственной комиссии России и Камбоджи, намеченное на лето 2017 г., когда планируется подписание не менее семи различных договоров, в том числе и по использованию атомной энергии в мирных целях³.

В ходе политических контактов высокого уровня между Россией и Камбоджей выявилось совпадение или близость позиций в отношении целого ряда глобальных и региональных проблем: полное неприятие «цветных революций», осуждение смены политических режимов путем внешнего вмешательства, необходимость оказания отпора международному терроризму, стремление к формированию полицентричной системы международных отношений в АТР, а также отстаивание множественности моделей развития государств и др. К примеру, на ГА ООН в ноябре 2016 г. Камбоджа была одной из немногих стран ЮВА⁴, которая проголосовала против антироссийской резолюции о ситуации с правами человека в Крыму.

После визита в мае 2016 г. министра обороны Камбоджи Теа Баня в Россию появились перспективы взаимодействия в сфере военно-технического сотрудничества. Соглашение о сотрудничестве в военно-технической сфере, вступившее в силу в сентябре 2016 г., включает, в частности, модернизацию военной техники

¹ Газета «Коммерсант» от 24.11.2015.

² The Cambodia Daily. 23.05.2016.

³ Ibid.

⁴ Против резолюции выступили также Филиппины, остальные страны региона воздержались от голосования.

советского производства, организацию сервисных технических центров по обслуживанию и ремонту военной техники, подготовку кадров в российских военных вузах и др.

Осенью 2016 г. Россией и Камбоджей были предприняты шаги к налаживанию сотрудничества между двумя ведущими государственными информационными агентствами — соответственно ТАСС и АКП¹. Расширение контактов в информационной сфере способно внести реальный вклад в укрепление взаимопонимания между нашими народами и стать своеобразным драйвером для активизации экономических связей.

Двустороннее взаимодействие в экономической сфере существенно отстает от политического и остается пока на низком уровне. В 2015 г. товарооборот между Россией и Камбоджей составил 133 млн долл. США. Камбоджа занимала 125-е место среди торговых партнеров России, ее доля в торговом обороте Российской Федерации равнялась 0,1%. В первой половине 2016 г. наметился рост торгового оборота между двумя странами на 32%. Одним из наиболее успешных примеров деятельности российского бизнеса в Камбодже был пилотный проект холдинга «GS Group», который в 2012 г. приобрел 51% акций цифрового телевидения «One TV», что составляло около 10% всего камбоджийского рынка цифрового телевидения. Однако в 2016 г. холдинг ушел из Камбоджи на более крупный рынок в Бангладеш.

Достаточно перспективным является туристический сектор сотрудничества, где между Ростуризмом и Министерством туризма Камбоджи принята отдельная программа взаимодействия на 2015—2017 гг. В рамках данной программы в 2016 г. стартовал пилотный проект по подготовке на базе Российского центра науки и культуры в Пномпене русскоговорящих туроператоров для стран АСЕАН. Число российских туристов, посетивших Камбоджу, с 2010 г. по 2014 г. увеличилось в 4 раза — с 34 тыс. до 130 тыс. Однако в 2015—2016 гг. в связи с ухудшившейся экономической ситуацией в России поток туристов сократился и на конец этого периода не превысил 106 тыс. человек². Отсутствие прямого авиасообщения между двумя странами осложняет развитие туристических связей и обременяет их дополнительными расходами.

Серьезным сдерживающим моментом в двусторонних отношениях остается задолженность Камбоджи перед Россией в размере 1,5 млрд долл. США по кредитам, предоставленным в 1980-е гг. В ходе сочинской встречи с В.В. Путиным в рамках саммита «Россия — АСЕАН» Хун Сен выдвинул предложение перевести часть долга в российские инвестиции, а другую часть возместить за счет камбоджийского экспорта в Россию. Таким образом, можно констатировать, что в развитии российско-камбоджийских связей наметились некоторые позитивные подвижки. Вместе с тем очевидно, что стороны находятся в самом начале пути

¹ Посольство РФ в Камбодже. Режим доступа: <http://www.embrusscambodia.mid.ru> (дата обращения: 20.01.2017).

² Посольство РФ в Камбодже. Режим доступа: <http://www.embrusscambodia.mid.ru> (дата обращения: 03.12.2016).

к широкомасштабному сотрудничеству, для которого имеются благоприятные предпосылки, но которое еще предстоит наполнить реальным содержанием.

В «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2016 г. в разделе региональных приоритетов подчеркивается, что Россия стремится к укреплению комплексного, имеющего долгосрочный характер, диалогового партнерства с АСЕАН и его выведения на уровень стратегического партнерства¹. В случае реализации данной внешнеполитической задачи можно ожидать и повышения уровня сотрудничества России с Камбоджей как членом АСЕАН. В то же время при перечислении конкретных стран ЮВА, с которыми Россия намерена расширять многоплановое сотрудничество, Камбоджа не названа², что косвенно свидетельствует о ее «вторичности» для внешнеполитических интересов России.

«КИТАЙСКИЙ ФАКТОР» В XXI ВЕКЕ

Что касается отношений с Китаем, то они у Камбоджи с 2010 г. выведены на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. Премьер-министра Хун Сена вполне устраивает стратегия Китая в отношении Камбоджи, не раз озвученная представителями внешнеполитического ведомства КНР. Она состоит в том, чтобы помогать Камбодже поддерживать внутреннюю стабильность, наращивать экономический потенциал и играть большую роль в региональных и международных делах [Jeldres 2012]. Ежегодная китайская помощь развитию Камбоджи составляет не менее 500 млн долл. США. В 2017 г. она достигнет 600 млн долл. США³. По объему внешнеторговых связей с Камбоджей, который в 2016 г. превысил 4,5 млрд долл. США, Китай вышел на третье место после Таиланда и Вьетнама. По туристическому потоку, составившему 15% от общего числа посетивших Камбоджу, КНР вышла на второе место после Вьетнама (21%)⁴. За период 1994—2011 гг. китайские инвестиции в камбоджийскую экономику составили 8,8 млрд долл. США, или 36% всех иностранных инвестиций [Ciorciari 2013: 12]. Преимущественными сферами вложения китайского капитала являются энергетический сектор, сельское хозяйство, а также текстильная и пищевкусовая промышленность [Reilly 2012: 79]. Пекин интенсивно финансирует инфраструктурные проекты в Камбодже — строительство дорог, мостов, ирригационных сооружений, которые именуется объектами «кхмеро-китайской дружбы».

Важным этапом в развитии двусторонних отношений стал официальный визит председателя КНР Си Цзиньпина в Камбоджу⁵ в октябре 2016 г., в ходе которого было подписано более 30 новых соглашений, охвативших широкий спектр политического, военного, социально-экономического и гуманитарного сотрудни-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 31.01.2017).

² Там же.

³ The Cambodia Daily. 14.10.2016.

⁴ Ministry of Tourism, Cambodia. URL: <http://www.tourismcambodia.com> (accessed: 27.02.2016).

⁵ Всего за период 2013—2016 гг. Си Цзиньпин и Хун Сен встречались 6 раз как в ходе официальных визитов, так и на полях различных международных саммитов.

чества. Китайский лидер заявил о выделении Камбодже очередного транша безвозмездной экономической помощи в рамках гражданского сектора в размере 237 млн долл. США и военного — в размере 15 млн долл. США, а также о списании государственного долга на сумму 90 млн долл. США¹. В декабре 2016 г. в Камбодже стартовал первый камбоджийско-китайский бизнес-форум, в рамках которого было заключено соглашение о совместном развитии отельного бизнеса и культурно-развлекательной инфраструктуры в столице Камбоджи на сумму 1,5 млрд долл. США. К 2016 г. китайский капитал был вложен в 84 проекта, реализованных в Пномпене².

Последнее десятилетие было отмечено интенсивными камбоджийско-китайскими политическими контактами на высоком уровне, а также укреплением связей между военными ведомствами двух стран. Лейтмотивом двустороннего сотрудничества стало заявление, сделанное Цзянь Цзэмином в ходе его официального визита в Камбоджу в 2002 г. Председатель КНР, в частности, заявил, что отношения между Камбоджей и Китаем — это эталон равноправного, взаимовыгодного и добрососедского сотрудничества между большой и маленькой странами [Sutter, Chin-hao Nyang 2012].

При рассмотрении нынешней ситуации в китайско-камбоджийских отношениях без особого труда обнаруживаешь много общего в их стилистике с периодом 60-х гг. прошлого века. Оставив за скобками двусторонних связей безоговорочную поддержку Пекином красных кхмеров, нынешние руководители КНР заявляют, что проверенная временем «традиционная китайско-камбоджийская помощь в условиях изменившегося международного контекста превратилась в цветущее дерево» и называют Хун Сена «проверенным другом Китая»³. В свою очередь, Хун Сен не перестает повторять, что «Китай мало говорит, но много делает», и не упускает повода заявить, что «Китай — самый надежный друг Камбоджи», а что задача его страны — «поддерживать ключевые интересы Китая в регионе»⁴.

Среди западных экспертов бытует мнение, что Камбоджа превратилась в клиента Китая. На наш взгляд, это довольно упрощенная, а потому не во всем верная характеристика отношений, сложившихся между двумя этими странами. Истина, как представляется, состоит в том, что Камбоджа, законодательно закрепившая в 1993 г. нейтралитет в своей внешней политике [Jeldres 1995], на практике реализует продекларированный курс путем традиционной для нее политики балансирования между внерегиональными и региональными игроками (в первую очередь, между КНР и США, КНР и Японией, КНР и Вьетнамом), пытаясь извлекать всю возможную выгоду из соперничества между ними. В XXI в. в качестве краеугольного элемента этой системы «баланса» для Камбоджи и выступает Китай, отношения с которым занимают ведущее место во внешнеполитических приоритетах страны [Бектимирова 2015].

¹ The Cambodia Daily. 14.10.2016.

² Hun Sen. Keynote Speech at the Cambodia-China Business Forum on Cambodia. 01.12.2016. Режим доступа: <http://www.cnv.org.kh>.

³ The Cambodia Daily. 19.10.2016.

⁴ Ibid. 02.12.2016.

В условиях российско-китайского «доверительного партнерства и стратегического взаимодействия» во всех областях на основе — как указано в «Концепции внешней политики Российской Федерации» — «совпадения принципиальных подходов к решению ключевых вопросов мировой политики»¹ ориентация Пномпеня на Пекин в целом не противоречит национальным интересам России. Подтверждением тому может служить, например, присоединение Камбоджи при содействии КНР к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в качестве партнера по диалогу.

Ныне и Россия, и Камбоджа склонны проводить сугубо прагматическую внешнюю политику, формируя общегосударственные интересы на деидеологизированной основе, модифицируя их в зависимости от текущего момента. Учитывая это, можно прийти к выводу, что объективно «китайский фактор» вряд ли может служить тормозом для развития российско-камбоджийских отношений в среднесрочной перспективе.

Однако стремление России закрепить свои позиции влиятельного центра формирующегося полицентричного мира требует от нее более глубокого включения в архитектуру экономического, политического и военного сотрудничества со странами АТР, где АСЕАН выступает не только драйвером экономического роста, но и важнейшей площадкой многосторонней дипломатии.

В этой связи в интересах России выстраивать конструктивные, содержательные отношения со всеми странами АСЕАН, в том числе и такими небольшими по своим человеческим, территориальным и экономическим ресурсам, как Камбоджа. При уважении Россией «статусных соображений» КНР в отношении стран ЮВА, включая Камбоджу, реальная активизация сотрудничества Москвы с Королевством Камбоджа будет способствовать формированию более сбалансированной и устойчивой системы международных отношений в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бектимирова Н.Н.* Традиционные факторы во внешней политике Камбоджи на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. Вып. XXVI (№ 26). С. 114—137.
- Бектимирова Н.Н., Селиванов И.Н.* Королевство Камбоджа: политическая история (1953—2002). М.: Гуманитарий, 2002.
- Малетин Н.П.* Внешняя политика Камбоджи: Учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2004.
- Мосяков Д.В.* История Камбоджи. XX век. М.: ИВ РАН, 2010.
- Becker E.* When the War Was Over. NY: PublicAffairs, 1998.
- Chanda Nayan.* China and Cambodia: in the Mirror of History // Asia Pacific Review. 2002. Vol. 9. N 2. P. 1—11. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1343900022000036043>.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.mid.ru> (дата обращения 31.01.2017).

- Chandara Khun.* Cambodia-China Relations Based on the Mutually Beneficial Interests: China, «the Most Trusted Friend» beyond Doubt. Research Paper. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/261988062_Cambodia-China_Relations_Based_on_the_Mutually_Beneficial_Interests_China_the_%27Most_Trusted_Friend%27_beyond_Doubt (accessed: 12.03.2017).
- Ciorciari J.D.* China and Cambodia: Patron and Client? IPC Working Paper Series Number 121. International Policy Center, Ford School, University of Michigan. 2013. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2280003 (accessed: 12.03.2017).
- Jeldres J.A.* Cambodia's relations with China. A Steadfast Friendship // Cambodia. Progress and Challenges since 1991. Ed. by Pou Sothirak, Wade G., Hong M. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012. p. 81—95.
- Jeldres J.A.* The Cambodian Constitutions (1953—1993). Bangkok, 1995.
- Reilly J.* A Norm-Taker or a Norm-Maker? Chinese aid in Southeast Asia // Journal of Contemporary China. 2012. N 21. P. 71—91. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10670564.2012.627667>.
- Richardson S.* China, Cambodia, and Five Principles of Peaceful Coexistence. NY: Columbia University Press, 2010.
- Smith R.M.* Cambodia's Foreign Policy. NY: Cornell University Press, 1965.
- Sutter R., Chin-hao Hyang.* China-Southeast Asia Relations: Hu visits Cambodia as South China Sea Simmers // Comparative Connections. A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relation. 2012. URL: <https://search.proquest.com/openview/ea61044f040e3389873c8c4200321d9d/1?pq-origsite=gscholar&cbl=816337> (accessed: 12.03.2017).
- Tarling N.* Britain and Sihanouk's Cambodia. Singapore: NUS Press, 2012.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: Бектимирова Н.Н. Влияние «китайского фактора» на развитие российско-камбоджийских отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. 483—495. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-483-495.

Сведения об авторе: Бектимирова Надежда Николаевна — д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: nabektimirova@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-483-495

THE INFLUENCE OF THE 'CHINESE FACTOR' ON THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CAMBODIAN RELATIONS

N.N. Bektimirova

Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. This article considers the specificity of Russian-Cambodian diplomatic relations which celebrated 60 years in 2016. The author shows that in the 20th century ideological considerations, namely the political rivalry between China and the USSR, largely dominated in bilateral relations. The 'Chinese factor' — China being 'friend number one' for Cambodia — drastically influenced USSR's position on most issues relating to this country. The research demonstrates that both Russia and Cambodia are nowadays inclined to implement a purely pragmatic, non-ideological foreign policy, modifying it and their interests depending on the current situation. Thus, the 'Chinese factor' — China's economic domination in Cambodia — can hardly become a major obstacle to the development of Russian-Cambodian relations, at least in the medium-term.

Russian aspiration to solidify its position as an influential center of an evolving polycentric world demands the building of constructive relations with all ASEAN member states. This approach includes Cambodia — a relatively small country in terms of human, territorial and economic resources. It would also promote a more stable system of international relations in South-East Asia as a whole, while at the same time partially offsetting Chinese political and economic dominance in Cambodia.

Key words: Cambodia, Russia, China, foreign policy, political rivalry, international relations, economic cooperation, economic domination, strategic partnership

REFERENCES

- Becker, E. (1998). *When the War Was Over*. New York: PublicAffairs.
- Bektimirova, N.N. (2015). Traditional factors in Cambodia's foreign policy at the present stage. *South East Asia: Actual Problems of Development*, XXVI (26), 114—137. (in Russ.).
- Bektimirova, N.N. & Selivanov, I.N. (2002). *The Kingdom of Cambodia: Political History (1953—2002)*. Moscow: Gumanitarii. (in Russ.).
- Chanda, Nayan. (2002). China and Cambodia: in the Mirror of History. *Asia Pacific Review*, 9 (2), 1—11. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1343900022000036043>.
- Chandara, Khun. (2013). *Cambodia-China Relations Based on the Mutually Beneficial Interests: China, «the Most Trusted Friend» beyond Doubt*. Research Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/261988062_Cambodia-China_Relations_Based_on_the_Mutually_Beneficial_Interests_China_the_%27Most_Trusted_Friend%27_beyond_Doubt (accessed: 12.03.2017).
- Ciorciari, J.D. (2013). *China and Cambodia: Patron and Client?* IPC Working Paper Series Number 121. International Policy Center, Ford School, University of Michigan. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2280003 (accessed: 12.03.2017).
- Jeldres, J.A. (2012). Cambodia's relations with China. A Steadfast Friendship. In: *Cambodia. Progress and Challenges since 1991*. Ed. by Pou Sothirak, Wade G., Hong M. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, p. 81—95.
- Jeldres, J.A. (1995). *The Cambodian Constitutions (1953—1993)*. Bangkok.
- Maletin, N.P. (2004). *Foreign policy of Cambodia. Tutorial*. Moscow: MGIMO-Universitet. (in Russ.).
- Mosyakov, D.V. (2010). *History of Cambodia. The twentieth century*. Moscow: IOS of RAS. (in Russ.).
- Reilly, J. (2012). A Norm-Taker or a Norm-Maker? Chinese aid in Southeast Asia. *Journal of Contemporary China*, 21, 71—91. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10670564.2012.627667>.
- Richardson, S. (2010). *China, Cambodia, and Five Principles of Peaceful Coexistence*. New York: Columbia University Press.
- Smith, R.M. (1965). *Cambodia's Foreign Policy*. New York: Cornell University Press.
- Sutter, R., Chin-hao, Hyang. (2012). China-Southeast Asia Relations: Hu visits Cambodia as South China Sea Simmers. *Comparative Connections. A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relation*. URL: <https://search.proquest.com/openview/ea61044f040e3389873c8c4200321d9d/1?pq-origsite=gscholar&cbl=816337> (accessed: 12.03.2017).
- Tarling, N. (2012). *Britain and Sihanouk's Cambodia*. Singapore: NUS Press.

Received: 14.06.2017

For citations: Bektimirova, N.N. (2017). The Influence of the 'Chinese factor' on the Development of Russian-Cambodian Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 483—495. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-483-495.

About the author: *Bektimirova Nadezhda Nikolaevna* — Doctor of History, Professor, Head of Department, History of South-East Asia, Moscow State University, Institute of Asian and African Studies (e-mail: nabektimirova@yandex.ru).

© Бектимирова Н.Н., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-496-507

РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Н.В. Федоров

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Вьетнам играет важную роль в российской политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военно-техническое сотрудничество занимает особое положение в российско-вьетнамских отношениях. Целью статьи является выявление особенностей военно-технического сотрудничества между Россией и Вьетнамом, а также вызовов и возможностей, которые оно несет для Москвы.

После распада СССР оборонное взаимодействие между Россией и Вьетнамом стало развиваться на коммерческих условиях. Вьетнам нуждался в новом российском оружии для обеспечения, прежде всего, своих интересов в Южно-Китайском море. Для Москвы военно-техническое сотрудничество с Вьетнамом приобрело экономическое значение. Однако впоследствии произошло усиление политической составляющей сотрудничества в этой сфере, на которую повлиял ряд внешних факторов.

2000—2010-е гг. были отмечены расширением продаж российских вооружений Вьетнаму. Во многом это произошло под влиянием эскалации конфликта в Южно-Китайском море, в котором все большее значение стали играть американо-китайские противоречия. Военно-техническое сотрудничество с Вьетнамом повлияло на ряд аспектов политики РФ в регионе. В частности, повысилась ее косвенное вовлечение в конфликт в Южно-Китайском море.

Продажа Россией оружия Вьетнаму стала одной из проблем в отношениях Москвы и Пекина, но они все же смогли преодолеть эти противоречия частично благодаря расширению двустороннего взаимодействия, которое включало демонстрацию схожей позиции по ряду аспектов конфликта в Южно-Китайском море. В рамках развития оборонного сотрудничества с Вьетнамом Россия смогла получить особый режим доступа к инфраструктуре гавани Камрань, что укрепило ее стратегические позиции в регионе. Сотрудничество Москвы с Ханоем в военно-технической сфере и общее усиление российского присутствия во Вьетнаме может также стать причиной противоречий с США.

Ключевые слова: Вьетнам, российско-вьетнамские отношения, военно-техническое сотрудничество, Южно-Китайское море, Камрань

Вьетнам (Социалистическая Республика Вьетнам, СРВ) занимает особое положение в российской политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В частности, в Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г. Вьетнам первым упоминается среди стран Юго-Восточной Азии — партнеров России. В документе говорится, что «Россия стремится последовательно углублять всеобъемлющее стратегическое партнерство с Социалистической Республикой Вьетнам»¹. Следует отметить, что Вьетнам — это единственная страна Юго-Восточной Азии, которая

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 01.07.2017).

обладает статусом стратегического партнера Москвы. Также СРВ является пока единственным государством, которое подписало соглашение о зоне свободной торговли с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС).

Тесные связи между Москвой и Ханоем берут свое начало еще во времена холодной войны, когда СССР был ключевым партнером коммунистического Вьетнама. Взаимодействие в оборонной сфере было одним из ключевых направлений советско-вьетнамского сотрудничества, поскольку Вьетнам рассматривался как один из важнейших союзников СССР в условиях противостояния двух систем. После распада Советского Союза Россия и Вьетнам сумели сохранить основы сотрудничества, в том числе и в военно-технической области.

Активизация российско-вьетнамских отношений в 2000—2010-е гг. сопровождалась заключением новых контрактов в оборонной сфере. Между тем, Вьетнам играет все более заметную роль в вопросах региональной политики, являясь, в частности, одним из ключевых участников спора в Южно-Китайском море, куда активно вовлечены КНР и США. В рамках данной статьи будут проанализированы особенности современного российско-вьетнамского военно-технического сотрудничества, а также вызовы и возможности, которые оно несет для России.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОГО ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Распад Советского Союза и перемены в характере отношений между Москвой и Ханоем сопровождались серьезной трансформацией внешней и оборонной политики Вьетнама. Еще в 1986 г. во Вьетнаме начались ограниченные рыночные реформы. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. вьетнамское руководство взяло курс на многостороннюю внешнюю политику [Новакова, Логинова 2014: 76]. Вывод вьетнамских войск из Лаоса и Камбоджи в период 1987—1990 гг. сопровождался переменами в оборонной политике Ханоя. Произошла демобилизация половины регулярной армии. Угрозы со стороны КНР на северной границе Вьетнама и в Южно-Китайском море рассматривались в числе наиболее вероятных вызовов военного характера, однако вьетнамское правительство начало проводить сдержанную политику, стремясь избежать возникновения или эскалации конфликтов. Подобные положения были, в частности, отражены в «Задачах и принципах национальной обороны на 1991—1995 гг.» [Thayer 2016: 206—207].

Однако что касается вызовов со стороны Китая интересам Вьетнама в Южно-Китайском море, то здесь ситуация продолжала обостряться. Вьетнам находился в состоянии конфликта с КНР по вопросу принадлежности островов Спратли и Парасельских в Южно-Китайском море. Среди других участников спора Вьетнам был и остается самым последовательным оппонентом Пекина, претендуя сразу на оба архипелага [Мурашева 2013: 14]. Конфликт сопровождался вооруженными столкновениями. В 1974 г. Китай захватил западную часть Парасельских островов, находившуюся тогда под властью Южного Вьетнама, и оставил их под своим контролем после объединения Вьетнама. В 1988 г. после боя с военно-морскими силами Социалистической Республики Вьетнам КНР были заняты и пять островов из состава архипелага Спратли. Активная политика Пекина в Южно-Китайском

море продолжалась и в первой половине 1990-х гг. Под влиянием подобной обстановки Вьетнам принял решение об укреплении своих военно-воздушных и военно-морских сил. Это должно было улучшить стратегические позиции страны в Южно-Китайском море [Thayer 2016: 207—208]. Ключевым партнером Вьетнама в развитии его вооруженных сил оставалась Россия, которая после 1991 г. перевела военно-техническое сотрудничество с Ханоем на коммерческую основу. В 1993 г. Вьетнам заказал в России 6 самолетов Су-27, а в 1995 г. еще 6 самолетов этого типа. При этом Вьетнам принимал во внимание появление у Китая самолетов аналогичного типа, также купленных у России [Buzsynski 2006: 281]. Получил пополнение и вьетнамский флот. Начиная с 1994 г. Вьетнам приобрел 6 ракетных катеров проекта 1241РЭ (по классификации НАТО — «Тарантул»)¹.

С начала 2000-х гг. объемы оборонного сотрудничества между двумя странами продолжали нарастать. В 2003 г. Вьетнам купил в России 4 многоцелевых истребителя Су-30МК2В. В том же году был подписан контракт на поставку двух дивизионов зенитно-ракетных комплексов С-300ПМУ-1, который был выполнен к концу 2005 г.² В 2005 г. был заключен контракт на приобретение двух комплектов ракетных комплексов береговой обороны «Бастион-П», выполненный в 2010—2011 гг.³, а также было подписано соглашение на постройку 12 ракетных катеров проекта 12418 — усовершенствованного варианта кораблей проекта 1241РЭ. Первые 2 катера были построены в России и переданы заказчику в 2007—2008 гг., а остальные 10 единиц с 2010 г. строятся по лицензии на вьетнамских судостроительных предприятиях⁴. В 2002—2012 гг. Вьетнам получил также 6 сторожевых катеров типа «Светляк» (проект 10412). В 2006 г. Вьетнам заказал в России 2 сторожевых корабля (фрегата) типа «Гепард» (проект 11661Э), которые были переданы вьетнамским ВМС в 2011 г.

В октябре 2008 г. президентами России и Вьетнама был подписан межправительственный меморандум о стратегии военно-технического сотрудничества на период до 2020 г.⁵ Это ознаменовало новый этап оборонного взаимодействия. В конце 2000-х — начале 2010-х гг. между двумя странами были заключены самые крупные контракты в сфере военно-технического сотрудничества.

В декабре 2009 г. было подписано соглашение о строительстве для Вьетнама на заводе «Адмиралтейские верфи» шести дизель-электрических подводных лодок проекта 636. Этот заказ стал самым масштабным и по стоимости, и по значению в современном российско-вьетнамском оборонном сотрудничестве. Вьетнам планировал приобрести подводные лодки еще у Советского Союза. Распад СССР

¹ Project 1241 Tarantul class. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/russia/1241.htm> (дата обращения: 01.07.2017).

² Губин А. Союз медведя и дракона. О российско-вьетнамском ВТС. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/31780> (дата обращения: 11.05.2017).

³ Тебин П. Под боком у дракона. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2012-04-20/14_dragon.html (дата обращения: 10.05.2017).

⁴ Там же.

⁵ Губин А. Союз медведя и дракона. О российско-вьетнамском ВТС. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/31780> (дата обращения: 11.05.2017).

не остановил стремление Ханоя создать свой собственный подводный флот. Однако лишь к 2009 г. были согласованы все условия, связанные с такого рода заказом¹. В феврале 2017 г. с передачей последних двух субмарин Вьетнаму контракт был выполнен². Помимо продажи подводных лодок Россия также участвовала в оборудовании пункта их базирования в гавани Камрань и обучении вьетнамских подводников [Thayer 2016: 214].

В июле 2013 г. у России были заказаны еще 2 фрегата класса «Гепард». Новые приобретения коснулись и авиационной техники. В начале 2009 г. была согласована поставка восьми самолетов Су-30МК2В, а в 2010 г. поступил заказ еще на 12 самолетов этого типа³. В 2013 г. был подписан новый контракт на поставку еще 12 Су-30МК2В, выполненный в октябре 2016 г.⁴

Россия и Вьетнам также сотрудничают в сфере совместной разработки вооружений, в частности, противокорабельного ракетного комплекса «Уран»⁵.

Таким образом, оборонное сотрудничество России и Вьетнама носит комплексный характер, и помимо покупки-продажи оружия «стороны активно обсуждают вопросы создания на вьетнамской территории центров по модернизации и обслуживанию техники, совместного создания вооружений, обучения специалистов»⁶. Россия стала «самым крупным поставщиком оружия для этой страны, а Вьетнам — одним из главных его покупателей» [Локшин 2014: 59]. Основное внимание при этом уделяется закупкам вооружений для ВВС и ВМС с учетом характера вызовов и угроз для Вьетнама, определенных руководством страны. Как рубежная дата для начала интенсивной военной модернизации часто принимается 2009 г., что связано с обострением ситуации в Южно-Китайском море [Chang 2012: 32]. В то же время анализ эволюции российско-вьетнамского оборонного сотрудничества показывает, что многие крупные контракты заключались и ранее, и именно они стали основой, на которой взаимодействие в военно-технической сфере получило новый импульс в конце 2000-х — начале 2010-х гг. Принципиальные же решения в сфере оборонной политики страны были приняты вьетнамским руководством еще в 1990-е гг.

РОССИЯ И КОНФЛИКТ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Активизация военно-технического сотрудничества с Россией способствовала укреплению стратегических позиций Вьетнама в Южно-Китайском море. По мнению австралийского эксперта К. Тэйера, «с новыми подводными лодками

¹ Thayer C.A. Russian subs in Vietnam. URL: <https://news.usni.org/2012/08/20/russian-subs-vietnam> (accessed: 14.05.2017).

² Россия поставила Вьетнаму все обещанные подводные лодки «Варшавянка». URL: https://ria.ru/defense_safety/20170228/1488920904.html (дата обращения: 24.05.2017).

³ Губин А. Союз медведя и дракона. О российско-вьетнамском ВТС. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/31780> (дата обращения: 11.05.2017).

⁴ Контракт на строительство Су-30МК2 для Вьетнама выполнен. URL: <https://topwar.ru/101921-kontrakt-na-stroitelstvo-su-30mk2-dlya-vetnama-vypolnen-polnostyu.html> (дата обращения: 22.05.2017).

⁵ Губин А. Союз медведя и дракона. О российско-вьетнамском ВТС. URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/31780> (дата обращения: 11.05.2017).

⁶ Там же.

и самолетами Су-30 Вьетнам меняет военно-морской баланс сил в Южно-Китайском море»¹. Также подводные лодки повысят ударные возможности вьетнамского флота благодаря находящимся на их вооружении крылатым ракетам [Thayer 2016: 216]. Большое значение для усиления Вьетнама на море имеют и новые надводные корабли, в первую очередь — фрегаты класса «Гепард»².

Эксперты, впрочем, отмечали различные проблемы, с которыми может столкнуться Вьетнам при проецировании своей силы в Южно-Китайском море. В частности, это слабость средств ПВО на надводных кораблях вьетнамского флота, за исключением фрегатов типа «Гепард» [Chang 2012: 30]. Также базы вьетнамских ВВС и подводных лодок могут быть уязвимы для китайских ракет [Chang 2012: 31]. Кроме того, Вьетнаму необходимо время для обучения экипажей подводных лодок и приобретения необходимого опыта операций подводных сил [Thayer 2016: 214—215].

Роль российских вооружений в поддержке позиций Вьетнама в Южно-Китайском море отмечалась как вьетнамскими [До Минь Као 2015: 147—148], так и западными исследователями [Thuc Thi Tran, Vysotskaya, Vieira, Ferreira-Pereira 2013: 178]. Таким образом, хотя Россия официально придерживается нейтральной позиции в территориальном споре в Южно-Китайском море [Локшин 2014: 61], но, тем не менее, косвенно она оказывается вовлеченной в данный конфликт.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Укрепление позиций Вьетнама в Южно-Китайском море с помощью российского оружия вызывает вопросы относительно реакции Китая на расширение российско-вьетнамского оборонного сотрудничества. Китай, как и Вьетнам, обладает статусом стратегического партнера России, и отношения с ним объективно играют более весомую роль в российской внешней политике [Российско-китайские отношения... 2016: 28].

Ряд зарубежных исследователей напрямую связывают развитие российско-вьетнамского сотрудничества в оборонной сфере и двусторонних отношений в целом со стремлением России создать противовес Китаю. Отмечалось, в частности, что продажа самолетов и подводных лодок во Вьетнам — «мягкое информирование» Пекина о том, что Москва может играть более самостоятельную роль [Baev, Tonneson 2015: 317]. По мнению американского эксперта Стивена Бланка, Россия «сопротивляется расширению влияния Китая в Юго-Восточной Азии и развивает более прочные военно-политические связи с Вьетнамом»³. В то же время другие западные ученые опровергают подобный «антикитайский» характер оборонного сотрудничества между Россией и Вьетнамом. Американский исследова-

¹ Thayer C. With Russia's Help, Vietnam Adopts A2/AD Strategy. URL: <http://thediplomat.com/2013/10/with-russias-help-vietnam-adopts-a2ad-strategy> (accessed: 25.04.2017).

² Тебин П. Под боком у дракона. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2012-04-20/14_dragon.html (дата обращения: 10.05.2017).

³ Blank S. Russia and Vietnam Team Up to Balance China. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/russia-vietnam-team-balance-china-10195> (accessed: 22.05.2017).

тель Э. Вишник отмечала, что стремление России развивать отношения с Вьетнамом обусловлено не желанием создать противовес Китаю, а намерением укреплять свой статус азиатско-тихоокеанской державы и получать выгоды от двусторонних отношений с СРВ [Wishnick 2017: 121—122].

Китай, безусловно, недоволен продажей российского оружия Вьетнаму, но его позиция на официальном уровне является достаточно сдержанной, а критика носит «профилактический» характер¹. Расширение российско-вьетнамского оборонного сотрудничества является для Китая своего рода «меньшим злом». Альтернативой этому могло быть дальнейшее укрепление военно-политического сотрудничества между Вьетнамом и США, которое началось в конце 2000-х — начале 2010-х гг. именно в условиях эскалации конфликта в Южно-Китайском море [Локшин 2013: 133—134]. Что касается России, то, по словам российского эксперта А.П. Цветова, «сам факт наличия нейтрального, но заинтересованного в мирном развитии игрока может оказать позитивное воздействие на самооценку Китая в вопросах региональной безопасности»².

Кроме того, Россия в конфликте в Южно-Китайском море объективно оказывает косвенную поддержку и Китаю. Россия продает оружие не только Вьетнаму, но и КНР (при этом российско-китайское военно-техническое сотрудничество получило новый импульс в последние годы). Характерно, что продажа российских вооружений Китаю вызывает, в свою очередь, критику России со стороны Вьетнама [Российско-китайские отношения... 2016: 28].

Также Россия выступает против политики «сдерживания» Китая со стороны США, в том числе и в Южно-Китайском море. Россия неоднократно заявляла о недопустимости вмешательства «внешних сил» в конфликт в Южно-Китайском море [Yu Vin 2016: 129]. В условиях обострения отношений с Западом Россия стремится дать «асимметричный» ответ Соединенным Штатам. РФ и КНР находятся в схожем положении, и поэтому увеличение «стратегического давления» на них со стороны США ускорило их стремление «поддерживать друг друга по ключевым вопросам» [Yu Vin 2016: 139]. Во многом это противоречит установкам Вьетнама, который делает ставку как раз на привлечение внерегиональных держав и на интернационализацию проблемы Южно-Китайского моря [До Минь Као 2015: 147]. Американские эксперты в связи с этим предупреждают, что кооперирование России с Китаем в Юго-Восточной Азии может стать основанием для сближения Вьетнама и США за счет Москвы, поскольку последняя предпочла ориентироваться на КНР [Blank, Kim 2016: 124]. Возражая этой точке зрения, можно отметить, что диалог Российской Федерации с Пекином позволяет обеспечить ряд интересов РФ во Вьетнаме, что объективно выгодно Ханюю, и в связи с этим у вьетнамской стороны есть достаточно веские причины для сохранения конструктивного взаимодействия с Россией.

¹ Кашин В. Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Kashin_web_Rus.pdf (дата обращения: 21.04.2017).

² Цветов А. Вьетнамская рулетка: Россия, Китай или США? URL: <http://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vietnamskaya-ruletka-rossiya-kitay-ili-ssha> (дата обращения: 11.05.2017).

Таким образом, продавая оружие Вьетнаму, Москва укрепляет позиции Ханоя в противостоянии с Китаем в Южно-Китайском море. С другой стороны, она поддерживает КНР, выступая против политики США. Стремление России обеспечить свои интересы во Вьетнаме в чем-то противоречит целям Китая, однако это компенсируется расширением российско-китайского взаимодействия в глобальном измерении.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ В КАМРАНЬ

Одним из результатов развития российско-вьетнамского сотрудничества в оборонной сфере можно считать возобновление использования базы в бухте Камрань во Вьетнаме, занимающей стратегически важное положение в регионе. В период 1979—2002 гг. в гавани Камрань функционировала советская, а затем и российская военно-морская и военно-воздушная база. После распада СССР Вьетнам стал настаивать на установлении арендной платы за продолжение пользования базой. После того как переговоры о стоимости аренды зашли в тупик, а также после заявлений Вьетнама о стремлении оставить базу под национальным контролем, российское руководство приняло решение покинуть Камрань [Storey, Thayer 2001: 461].

Однако к концу 2000-х гг. ситуация изменилась. Произошло расширение российско-вьетнамского оборонного взаимодействия, которое включало в себя участие российских специалистов в оборудовании базы для подводных лодок в гавани Камрань и обучении вьетнамских подводников.

В 2010 г. Вьетнам заявил об открытии доступа к инфраструктуре гавани на коммерческих условиях для судов всех стран [Thuc Thi Tran, Vysotskaya, Vieira, Ferreira-Pereira 2013: 173]. Впрочем, из кораблей военно-морских сил возможность заходить в Камрань для ремонта и снабжения была предоставлена только вспомогательным (невооруженным) судам. Боевые корабли могли заходить в гавань лишь с дружественным визитом не более одного раза в год [Локшин 2013: 133]. Однако Россия получила особые права доступа в Камрань, которые были связаны с укреплением военно-политического взаимодействия двух стран [Локшин 2013: 216—217]. Гавань стали посещать для снабжения корабли российских ВМС, совершающие океанские походы. В ноябре 2014 г. было подписано соглашение, которое устанавливало упрощенный режим захода российских кораблей в Камрань [Mankoff 2015: 81]. В то же время Вьетнам последовательно заявлял о сохранении своего контроля над гаванью Камрань и о недопустимости размещения иностранных баз на его территории [Локшин 2013: 215—216].

Китай воспринимал российское присутствие в гавани Камрань достаточно сдержанно, считая, что оно меньше угрожает его интересам, чем возможное базирование там американских ВМС [Иванов, Лукин 2013: 165]. США неоднократно проявляли интерес к доступу в Камрань для своих кораблей, однако Вьетнам, несмотря на сближение с Вашингтоном, отказывал им [Simon 2015: 48]. Использование же гавани Россией рассматривается Соединенными Штатами как вызов своим интересам. США, к примеру, выражали протест Вьетнаму в связи с использова-

нием аэродрома Камрани российскими самолетами-заправщиками, которые, в свою очередь, осуществляли заправку в воздухе бомбардировщиков, совершавших полеты вблизи американской базы на острове Гуам [Цветов 2015: 166—167].

Расширение российско-вьетнамского сотрудничества предоставило России возможность опираться на инфраструктуру гавани и тем самым укрепить свои стратегические позиции в регионе. Однако использование Россией Камрани может стать основанием для давления на Ханой со стороны США и создать, таким образом, определенные проблемы в российско-вьетнамских отношениях.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОГО ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Помимо трений в российско-американских отношениях, которые могут быть следствием использования Россией базы в гавани Камрань или российской позиции по Южно-Китайскому морю, существует потенциальная угроза конкуренции РФ и США на рынке вооружений Вьетнама. Сближение Вашингтона с Ханоем сопровождалось постепенным смягчением американского эмбарго на оборонное сотрудничество с СРВ. Вначале было снято эмбарго на поставку «нелетального» военного снаряжения, затем — на продажу вооружений для обеспечения «морской безопасности», и, наконец, в мае 2016 г. президент США Барак Обама объявил о полном снятии запрета на поставки вооружений Ханую¹. Вьетнам долгое время добивался отмены эмбарго и был настроен, в частности, на приобретение у США радарных установок, патрульных катеров для береговой охраны и самолетов морской разведки [Локшин 2015: 113]. Однако сдерживающими факторами для расширения военно-технического сотрудничества с США могут стать зависимость поставок вооружений от ситуации с правами человека во Вьетнаме (американская сторона предпочла сохранить подобный рычаг давления на Ханой) и нежелание вьетнамских властей раздражать Китай дальнейшим сближением с Соединенными Штатами в военной сфере².

Российскими исследователями также отмечается, что основу арсенала вьетнамских вооруженных сил составляют оружие и боевая техника советского и российского образцов, и переориентация на американские стандарты потребует значительных финансовых расходов [Цветов 2015: 167]. Казалось бы, это предопределяет преимущества России на вьетнамском рынке вооружений. С другой стороны, стремление Ханоя диверсифицировать свое военно-техническое сотрудничество уже является объективной реальностью. Вьетнам расширяет взаимодействие в этой области с рядом стран, и среди крупных потенциальных проектов — заказ двух фрегатов проекта «SIGMA 10514» в Нидерландах³ и возможное приобретение

¹ Троицкий М. Снятие эмбарго США с Вьетнама — чуть больше, чем видимость. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7708#top-content (дата обращения: 14.08.2016).

² Там же.

³ Вьетнам хочет заменить заказанные корветы проекта SIGMA 9814 фрегатами проекта SIGMA 10514. URL: https://vpk.name/news/158417_vietnam_hochet_zamenit_zakazannyye_korvetyi_proekta_sigma_9814_fregatami_proekta_sigma_10514.html (дата обращения: 26.05.2017).

шведских истребителей «Gripen E» для замены устаревших истребителей МиГ-21¹. Кроме того, Вьетнам стремится развивать собственное производство различных видов вооружений.

Долгое время доминирование России на вьетнамском оружейном рынке обеспечивалось за счет опыта сотрудничества прошлых лет и более низкой стоимости российских вооружений. Однако в связи с расширением внешнеполитических связей Вьетнама и ростом его экономики это преимущество России может оказаться под вопросом. Поэтому существует потребность в более продуманной стратегии военно-технического сотрудничества с Вьетнамом, учитывающей политические, военно-стратегические и экономические факторы.

Российско-вьетнамское военно-техническое сотрудничество является важным элементом отношений между Москвой и Ханоем. Россия стала осуществлять оборонное взаимодействие с Вьетнамом, исходя из своих коммерческих интересов. Однако в дальнейшем связи с Вьетнамом в этой сфере стали приобретать политическое значение для России. Во многом благодаря расширению оборонного сотрудничества с Вьетнамом были созданы предпосылки для особого режима доступа в гавань Камрань, что укрепляет стратегические позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Российское оружие способствовало улучшению положения Вьетнама в Южно-Китайском море, и Москва, таким образом, оказывается косвенно вовлеченной в конфликт в Южно-Китайском море. Это создает определенные вызовы в отношениях России с КНР, но благодаря расширению российско-китайского партнерства эти противоречия могут быть преодолимы. Одновременно можно говорить о возникновении новых вызовов, связанных с перспективами конкуренции России и США на вьетнамском рынке вооружений. При этом соперничество РФ и Соединенных Штатов во Вьетнаме во многом является отражением как общего кризиса в российско-американских отношениях, так и политики Вашингтона по сдерживанию Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и укрепления своего влияния во СРВ.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Фактор Вьетнама в политике России в Азиатско-Тихоокеанском регионе», поддержанного РФФИ (грант 17-07-50013).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- До Минь Као.* Вьетнам и Южно-Китайское море: обстановка и тенденции // Вьетнамские исследования. 2015. № 5. С. 138—160.
- Иванов А.В., Лукин А.В.* Активизация внешней политики Китая в АТР и интересы России // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД Российской Федерации. 2013. № 3. С. 155—178.

¹ Вьетнам высказывает желание приобретать западное вооружение. URL: http://www.militaryparitet.com/perevodnie/data/ic_perevodnie/7076 (дата обращения: 26.05.2017).

- Локишин Г.М.* Обострение кризиса в Южно-Китайском море в 2014 г. // *Вьетнамские исследования*. 2015. № 5. С. 96—118.
- Локишин Г.М.* Политическое сотрудничество России и Вьетнама // *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2014. № 25. С. 55—63.
- Локишин Г.М.* Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: ИДВ РАН, 2013.
- Мурашова Г.Ф.* Есть ли альтернатива статус-кво в территориальном споре в Южно-Китайском море? // *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2013. № 20. С. 5—16.
- Новакова О.В., Логинова В.Н.* Вьетнам «у себя дома» и в АТР (сквозь историческую призму) // *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2014. № 23. С. 60—88.
- Российско-китайские отношения на современном этапе: К 15-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 4. С. 5—43.
- Цветов А.П.* Вьетnamо-американское сближение в 2014 — начале 2015 гг.: тенденции, мотивы, ограничения // *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2015. № 26. С. 156—173.
- Baev P.K., Tonneson S.* Can Russia keep its special ties with Vietnam while moving closer and closer to China? // *International Area Studies Review*. 2015. Vol. 18. N 3. P. 312—325. DOI: 10.1177/2233865915596709.
- Blank S., Kim Y.* Does Russo-Chinese Partnership Threaten America's Interests in Asia? // *Orbis*. 2016. Vol. 60. N 1. P. 112—127. DOI: 10.1016/j.orbis.2015.12.010.
- Buszynski L.* Russia and Southeast Asia: A New Relationship // *Contemporary Southeast Asia*. 2006. Vol. 28. N 2. P. 276—296.
- Chang F.K.* China's Naval Rise and the South China Sea: An Operational Assessment // *Orbis*. 2012. Vol. 56. N 1. P. 19—38.
- Mankoff J.* Russia's Asia Pivot: Confrontation or Cooperation? // *Asia Policy*. 2015. N 19. P. 65—87.
- Simon S.* South China Sea Wariness // *Comparative Connections*. 2015. Vol. 17. N 1. P. 45—57.
- Storey I., Thayer C.A.* Cam Ranh Bay: Past Imperfect, Future Conditional // *Contemporary Southeast Asia*. 2001. Vol. 21. N 3. P. 452—473.
- Thayer C.A.* Vietnam's Strategy of "Cooperating and Struggling" with China over Maritime Disputes in the South China Sea // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2016. Vol. 3. N 1. P. 200—220.
- Thuc Thi Tran, Vysotskaya G., Vieira A., Ferreira-Pereira L.C.* Vietnam's strategic hedging vis-à-vis China: the roles of the European Union and Russia // *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2013. Vol. 56. N 1. P. 163—182.
- Wishnick E.* In search of the "Other" in Asia: Russia-China relations revisited // *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. N 1. P. 114—132.
- Yu Bin.* China-Russia Relations: Politics of "Reluctant Allies" // *Comparative Connections*. 2016. Vol. 18. N 2. P. 129—144.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: Федоров Н.В. Российско-вьетнамское военно-техническое сотрудничество: вызовы и возможности для России // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. 496—507. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-496-507.

Сведения об авторе: Федоров Николай Викторович — канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: n.fedorov@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-496-507

RUSSIAN-VIETNAMESE MILITARY-TECHNICAL COOPERATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR RUSSIA

N.V. Fedorov

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. Vietnam plays important role in Russian policy in the Asia-Pacific region. Military-technical cooperation holds special position in Russian-Vietnamese relations. The aim of the article is the detection of the special features of military-technical cooperation between Russia and Vietnam, and also challenges and opportunities it provides for Russian policy. After the collapse of the USSR defense interaction between Russia and Vietnam was determined by commercial foundations. Vietnam needed new Russian weapons to protect its interests, first of all, in the South China Sea. For Moscow military-technical cooperation with Vietnam got economic significance. But later there was a rise of political dimension of cooperation in this sphere, influenced by some external factors. The period of the 2000-2010s was marked by growth of arms sales from Russia to Vietnam. It was mostly caused by the escalation of the South China Sea conflict, for which US-Chinese contradictions began to play an increasing role. Military-technical cooperation with Vietnam influenced some aspects of policy of Russia in the region. There was an increase of indirect involvement of Russia into the South China Sea conflict. Russian arms sales for Vietnam became one of problems in Russian-Chinese relations. But Russia and China could cope with these disputes, partly because of enlargement of their interaction in international relations, including the demonstration of similar position for some aspects of the South China Sea conflict. In the framework of development of defense cooperation with Vietnam, Russia could get special conditions of access to facilities of Cam Ranh Bay that strengthened its strategic positions in the region. Russian cooperation with Hanoi in military-technical field and general reinforcement of Russian positions in Vietnam might be also a reason for contradictions with the US.

Key words: Vietnam, Russian-Vietnamese relations, military-technical cooperation, South China Sea, Cam Ranh

Acknowledgements: The article is prepared in the framework of the research project “Factor of Vietnam in policy of Russia in the Asia-Pacific region”, supported by Russian Foundation for Basic Research (grant 17-07-50013).

REFERENCES

- Baev, P.K. & Tonneson, S. (2015). Can Russia keep its special ties with Vietnam while moving closer and closer to China? *International Area Studies Review*, 18(3), 312—325. DOI: 10.1177/2233865915596709.
- Blank, S. & Kim, Y. (2016). Does Russo-Chinese Partnership Threaten America’s Interests in Asia? *Orbis*, 60 (1), 112—127. DOI: 10.1016/j.orbis.2015.12.010.
- Buszynski, L. (2006). Russia and Southeast Asia: A New Relationship. *Contemporary Southeast Asia*, 28 (2), 276—296.
- Chang, F.K. (2012). China’s Naval Rise and the South China Sea: An Operational Assessment. *Orbis*, 56 (1), 19—38.
- Do, Min' Kao (2015). Vietnam and the South China Sea: situation and trends. *V'etnamskie issledovaniya*, 5, 138—160. (in Russ.).
- Ivanov, A.V. & Lukin, A.V. (2013). Activation of foreign policy of China in the Asia-Pacific region and interests of Russia. *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnykh issledovaniy MGIMO (U) MID Rossiiskoi Federatsii*, 3, 155—178. (in Russ.).
- Lokshin, G.M. (2013). *The South China Sea: hard search for accord*. Moscow: IDV RAN. (in Russ.).

- Lokshin, G.M. (2014). Political cooperation of Russia and Vietnam. *Yugo-Vostochnaya Aziya: Aktual'nye problemy razvitiya*, 25, 55—63. (in Russ.).
- Lokshin, G.M. (2015). The escalation of the crisis in the South China Sea in 2014. *V'etnamskie issledovaniya*, 5, 96—118. (in Russ.).
- Mankoff, J. (2015). Russia's Asia Pivot: Confrontation or Cooperation? *Asia Policy*, 19, 65—87.
- Murasheva, G.F. (2013). Is there an alternative to status-quo in the territorial dispute in the South China Sea? *Yugo-Vostochnaya Aziya: Aktual'nye problemy razvitiya*, 20, 5—16. (in Russ.).
- Novakova, O.V. & Loginova, V.N. (2014). Vietnam “at home” and in the APR (through the historical prism)]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: Aktual'nye problemy razvitiya*, 23, 60—88. (in Russ.).
- Russian-Chinese relations in the modern period: By the 15th anniversary of the signing of the Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China. (2016). *Problemy Dal'nego Vostoka*, 4, 5—43. (in Russ.).
- Simon, S. (2015). South China Sea Wariness. *Comparative Connections*, 17 (1), 45—57.
- Storey, I. & Thayer, C.A. (2001). Cam Ranh Bay: Past Imperfect, Future Conditional. *Contemporary Southeast Asia*, 21 (3), 452—473.
- Thayer, C.A. (2016). Vietnam's Strategy of “Cooperating and Struggling” with China over Maritime Disputes in the South China Sea. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 3 (1), 200—220.
- Thuc, Thi Tran, Vysotskaya, G., Vieira, A. & Ferreira-Pereira, L.C. (2013). Vietnam's strategic hedging vis-à-vis China: the roles of the European Union and Russia. *Revista Brasileira de Política Internacional*, 56 (1), 163—182.
- Tsvetov, A.P. (2015). Vietnam-US rapprochement in 2014 — beginning of 2015: trends, reasons, obstacles. *Yugo-Vostochnaya Aziya: Aktual'nye problemy razvitiya*, 26, 156—173. (in Russ.).
- Wishnick, E. (2017). In search of the “Other” in Asia: Russia-China relations revisited. *The Pacific Review*, 30 (1), 114—132.
- Yu, Bin (2016). China-Russia Relations: Politics of “Reluctant Allies”. *Comparative Connections*, 18 (2), 129—144.

Received: 14.06.2017

For citations: Fedorov, N.V. (2017). Russian-Vietnamese Military-Technical Cooperation: Challenges and Opportunities for Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 496—507. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-496-507.

About the author: *Fedorov Nikolay Viktorovich* — PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of American Studies of St. Petersburg State University (e-mail: n.fedorov@yandex.ru).

© Федоров Н.В., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-508-517

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ИНДИИ В ШОС: ЭНЕРГЕТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

О.А. Харина

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

В статье рассматриваются основные цели, которые преследовала Индия при вступлении в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Особое внимание уделяется экономическому фактору и вопросам безопасности. Актуальность работы заключается в выявлении реальных мотивов Индии стать частью организации. Анализируются причины, препятствовавшие вступлению Индии в ШОС до 2015 г.

В качестве основы теоретико-методологического подхода в работе используются положения современной школы политического неореализма. При проведении исследования также применяется ряд методов, включающих логико-интуитивный и сравнительный анализ.

В рамках работы проанализированы отношения Индии с Китаем, который рассматривается Дели в качестве основного оппонента на международной арене. Автор изучает выгоды Индии от участия в ряде экономических, инвестиционных и транспортных проектов, а также подходы страны к взаимодействию с Центральной Азией и Афганистаном. Определены ключевые вопросы, связанные с национальной безопасностью Индии, которые могут быть рассмотрены в формате ШОС. Делается акцент на проблеме терроризма и радикализации отдельных группировок, угрожающих национальной безопасности государств — членов ШОС и Индии, в частности, рассмотрены возможности взаимодействия по данному вопросу в рамках Региональной антитеррористической структуры (РАТС) и «мирной миссии». Проанализированы подходы и факторы, влияющие на изменение поведения страны в рамках организации.

Ключевые слова: Индия, ШОС, стратегические интересы, неореализм, сотрудничество, баланс сил, терроризм

В современной системе международных отношений, характерной чертой которой является доминирование стран Запада в политической и экономической сферах, евразийский блок государств пытается достичь баланса сил за счет усиления региональных и межрегиональных связей. Так, происходит масштабное расширение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), членами которой стали Индия и Пакистан. Таким образом, в ней представлено четыре из девяти ядерных держав, а в странах-участницах проживает более 40% населения мира.

В традициях неореализма межгосударственные отношения существуют в той форме, в которой система международной политики влияет на их контакты: в форме образования альянса, баланса сил, баланса угроз и общих интересов, чтобы обеспечить их главную цель — безопасность [Харина 2016: 181].

Еще в 2005 г. Индия выразила желание стать частью ШОС и с тех пор участвовала во всех мероприятиях организации в качестве наблюдателя, а в 2015 г.

начался процесс вступления Индии в ШОС в качестве полноправного члена¹. За 10 лет в статусе наблюдателя Индия выражала различную степень заинтересованности в участии в организации. Это было заметно по уровню представительства в заседаниях Совета глав государств — членов ШОС², а также по желанию подавать заявку на полноправное членство в организации³. Данные обстоятельства были обусловлены сомнениями Индии по поводу возможности получать реальную выгоду от работы ШОС, в первую очередь, в связи с позицией Китая, который колебался в отношении ее членства и связывал свое согласие с одновременным вступлением в организацию своего союзника Пакистана (что уже не удовлетворяло индийское правительство).

После террористических атак в индийском парламенте (декабрь 2001 г.) и в Мумбаи (ноябрь 2008 г.) индийские официальные деятели обвинили лидеров Пакистана в организации данных актов⁴, а премьер-министр Индии Манмохан Сингх (2004—2014 гг.) называл соседа эпицентром терроризма⁵.

Число наблюдателей в ШОС с годами росло, однако их роль в принятии решений или рассмотрении вопросов была формальной. В связи с этим Индия то проявляла интерес к ШОС, то сводила его к минимуму.

После прихода к власти в Индии в 2014 г. «Бхаратия джаната парти» стала стремиться к тому, чтобы ее перестали воспринимать как партию, резко отрицательно относящуюся к исламу. Поэтому правительство Нарендры Моды пыталось способствовать нормализации индийско-пакистанских отношений. Хотя ситуация в целом радикально не изменилась, Индия смогла войти в состав ШОС для активного продвижения собственных интересов в области безопасности и в экономической сфере. Такой же вывод можно сделать при исследовании основных направлений политики государства и его взаимодействия с другими членами организации, в частности с Китаем.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ИНДИИ В ШОС

Вступая в альянс или организацию, государство, естественно, преследует собственные цели. Индия, наращивающая свою мощь как в военной, так и в экономической сфере и претендующая на роль глобального актора [Лунев 2012: 90—104], не является исключением. В основе решения о полноценном вхождении в ШОС лежали, прежде всего, политические и экономические интересы страны.

¹ На саммите ШОС утверждено решение о принятии в состав организации Индии и Пакистана // Официальный сайт телеканала Russia Today. Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/102646#top> (дата обращения: 10.09.2015).

² В 2006—2008 гг. Индию на саммитах ШОС представлял министр нефти и газа М. Деора, а от других стран-наблюдателей приезжали главы государств и правительств.

³ Индия впервые подала заявку в 2010 г., тогда как ее «оппонент» Пакистан уже в 2006 г. заявил о желании стать частью ШОС.

⁴ Parliament attack: Advani points towards neighbouring country, 14.12.2001. URL: <http://www.rediff.com> (accessed: 13.04.2017); Sengupta S. India Presses Pakistan on Terrorism but Finds Its Own Options Limited // New York Times, 11.12.2008.

⁵ Pakistan still 'epicenter of terrorism,' says Manmohan // Dawn (Karachi). 28.09.2013.

В рамках организации с момента ее основания был заключен ряд широко-масштабных соглашений в области безопасности, торговли и инвестиций, энергетики и культуры. Несмотря на то что выполнение отдельных соглашений задерживается по причине недостаточной согласованности действий участников, значение ШОС нельзя недооценивать хотя бы по причине членства в ней таких глобальных держав, как Россия и Китай.

Географическое и стратегическое пространство, которое охватывает ШОС, имеет большую значимость для Индии в экономическом и, прежде всего, энергетическом плане.

Членство в ШОС дает дипломатический импульс усилиям Индии по налаживанию прочных контактов с Центральной Азией. Регион богат природными ресурсами и минералами, но доступ к ним затруднен по причине отсутствия выхода стран Центральной Азии к океану. Торговые связи Индии с ними зависят от прохождения товаров через третьи страны и специфики политических режимов в них. ШОС может поспособствовать достижению Индией своих энергетических интересов. Индия уже сделала ставку на расширение связей с Ираном благодаря строительству порта Чабахар и связанной с ним железнодорожной сети. Контракт на сумму 500 млн долл. США был подписан премьер-министром Индии Н. Модии и президентом Ирана Х. Рухани в мае 2016 г.¹ Следует также подчеркнуть, что сухопутный маршрут в Центрально-Азиатский регион Индии преграждает Пакистан и участие в одной организации, в свою очередь, также дает определенные надежды, что северный сосед Индии будет не так агрессивно настроен.

Нельзя не учитывать интересы Индии в реализации амбициозных проектов CASA-1000, TAPI, IPI и других, которые позволят государству продуктивно сотрудничать со странами Центральной Азии в области экономики и энергетики. Проект CASA-1000 — один из крупнейших проектов энергетической сети, подразумевающий создание рынка электроэнергии, объединяющего страны Центральной и Южной Азии. С 2016 г., наряду с крупнейшими международными компаниями и банками, в консультациях по проекту участвует компания «Электрические сети Индии».

IPI — это еще один проект, который должен был стать энергетическим коридором, объединяющим Иран, Пакистан и Индию. Но, несмотря на подписание предварительных соглашений еще в 2005 г., проект так и не был начат из-за разногласий по поводу цен, пошлин и таможенных тарифов. Сегодня амбициозный проект заморожен, однако Индия официально все еще поддерживает проект и готова к переговорам по вопросам его реализации.

Индия продемонстрировала свою заинтересованность в укреплении разно-сторонних отношений во время исторического визита Н. Модии в 5 республик Центральной Азии в июле 2015 г., когда был подписан ряд экономических соглашений и новых инициатив, одной из которых стал трубопровод TAPI². Он пре-

¹ India and Iran sign 'historic' Chabahar port deal. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-india-36356163> (accessed 18.08.2016).

² Narayanan M.K. Putting out the West Asian fire. URL: <http://www.thehindu.com/opinion/oped/prime-minister-narendra-modis-central-asia-visit/article7396013.ece> (accessed 8.07.2016).

дусматривает строительство газопровода, который протянется из Туркменистана в Афганистан, Пакистан и Индию¹. Несмотря на успехи и желание сторон реализовать проект, существуют объективные трудности. Строительство газопровода должно было начаться в 2012 г., и в 2016 г. его планировали ввести в эксплуатацию [Фараджи Рад, Моради 2012: 95]. Но проблема обеспечения безопасности в Афганистане, а также разногласия инвесторов привели к задержке реализации проекта. Налаживание диалога Индии и стран Центральной Азии в рамках ШОС может привлечь внимание к проекту ТАРИ и подтолкнуть государства Центральной Азии принять участие в нем или предложить другие инициативы. Определенная оппозиция проекту существует и в самой Индии: многие политики и эксперты опасаются, что Пакистан получит рычаги давления на республику.

Активизация сотрудничества Индии в области сельского хозяйства, малого и среднего бизнеса, фармацевтики и информационных технологий также может принести пользу и Индии, и странам Центральной Азии.

Амбициозная экономическая программа Китая «Один пояс — один путь» (ОПОП) является предметом особого интереса Индии, хотя и воспринимается ею с некоторым недоверием. Ранее Китай дал обязательство вложить 46 млрд долл. США в строительство проекта СРЕС (Китайско-пакистанский транспортный коридор)². Эта инициатива имела бы меньшую негативную окраску, если бы при реализации не затрагивалась спорная территория на северо-западе Кашмира. И, несмотря на уверения Китая в том, что коридор не затронет интересы третьей стороны, реализация проектов типа ОПОП и СРЕС может иметь негативные последствия для Индии³. Россия, являясь членом ШОС, нашла возможность синхронизировать проекты Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и ОПОП [Stopdan 2016]. Аналогичным образом все 5 стран Центральной Азии рассматривают транспортные и инвестиционные инициативы ОПОП и ЕАЭС как возможность превратить регион в крупный центр трансконтинентальных транспортных сетей.

Будучи государством — членом ШОС, Индия не сможет оставаться в стороне от инфраструктурных проектов Китая. Вероятно, Индия также может сосредоточить усилия на расширении связей с Россией и Ираном, в частности, в рамках строительства маршрутного пути INSTC (Международный транспортный коридор «Север — Юг»).

Выражая свою заинтересованность в евразийских проектах, Индия, с одной стороны, демонстрирует свои серьезные намерения в области укрепления региональных связей, и, с другой стороны — утверждает позиции как глобальная держава, оказывающая воздействие на мировые процессы. Участие Индии в ШОС

¹ Стратегия и план работы (на 2016—2020 гг.) по региональному сотрудничеству в энергетическом секторе стран ЦАРЭС // Central Asia Regional Economic Cooperation Program. 2015. 49 с.

² China's Xi Jinping agrees \$46 bn superhighway to Pakistan. BBC News. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-32377088> (accessed 11.05.2016).

³ Shrivastava Abhishek. How India can benefit from joining Shanghai Cooperation Organization. Daily Politics, 2016. URL: <http://www.dailyo.in/politics/shanghai-corporation-organisation-foreign-policy-narendra-modi-central-asian-republics-tashkent-terrorism-security/story/1/11346.html> (accessed: 15.08.2016).

сможет максимизировать ее выгоду от экономических проектов, а также способствовать привлечению государства в уже существующие и обсуждающиеся проекты, что является немаловажным фактором в становлении Индии как глобального игрока.

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

В сфере безопасности ШОС сохраняет свою приверженность борьбе против «трех зол»: терроризма, сепаратизма и религиозного экстремизма¹, что полностью соответствует задачам Индии, которая сама стала жертвой постоянных террористических актов, унесших жизни тысяч невинных людей. Кроме того, Индия — государство, окруженное странами, в которых действуют радикально настроенные группировки. Поэтому ей выгодно быть частью организации, целью которой является противодействие терроризму [Stopdan 2014].

Угроза терроризма особенно остро стоит на повестке дня по причине ухудшения ситуации в Афганистане, где резко усиливается террористическая организация «Исламское государство» (запрещена в РФ), привлекая часть молодых боевиков из Талибана и «Аль-Каиды». И если Китай делает ставку на экономику (при этом в последнее время стало заметно и стремление Пекина активизировать антитеррористическую направленность своей политики в регионе), то Россия продолжает оставаться гарантом безопасности для стран Центральной Азии. И Индия, и Россия могут сотрудничать в этой сфере, продвигая новые проекты. Дели также может расширить свое сотрудничество с Региональной антитеррористической структурой (РАТС), предназначенной для содействия координации и взаимодействию компетентных органов стран в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Шершнева 2007]. Россия недавно выступила с инициативой о реформировании РАТС и наделением ее на первом этапе полномочиями по выработке рекомендаций для эффективного противодействия финансированию терроризма за счет наркотиков, а впоследствии и другим криминальным вызовам и угрозам, а также о последующем создании на базе структуры Центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности. Однако на данный момент существенных результатов деятельности РАТС не наблюдается².

Центральная Азия имеет важнейшее значение для Индии с точки зрения национальной безопасности. В Дели регион рассматривается как источник религиозного экстремизма, и индийское руководство обеспокоено ростом числа радикальных исламистских групп в Центральной Азии, представляющих террористическую угрозу [Sahgal, Anand 2010: 52—62]. Деятельность исламистов в сочетании

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/crime//asset_publisher/3F51ZsLV5x4R/content/id/579622 (дата обращения: 18.10.2016).

² Примечательно, что на официальном сайте РАТС нет никаких документов о деятельности самой организации и ШОС за последние 10 лет. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru> (дата обращения: 11.07.2016).

с ухудшением ситуации в Афганистане, незаконным оборотом наркотиков в Центральной Азии, слабым управлением границами и высоким уровнем коррупции может дестабилизировать государства региона.

Учитывая то, что терроризм носит транснациональный характер и боевики могут сотрудничать с другими радикалами в соседних странах, это не может не вызывать озабоченность Индии [Asthana 2010], которая крайне опасается того, что и на ее территории могут появиться новые подобные группировки. Особое беспокойство вызывает штат Джамму и Кашмир, где уже активно действуют прямо поддерживаемые Пакистаном радикальные группировки «Хизб уль-Муджахеддин», «Аль-Бадар», «Джамаат Таблиг» и «Харакат уль-Муджахеддин», причем последняя из них имела в свое время прямое отношение к группам, угрожающим безопасности Узбекистана, других стран Центральной Азии и КНР [McGlinchey 2005: 336—342].

По этим причинам Индия стремится играть более активную роль в системе безопасности центральноазиатских республик и увеличить свое присутствие в регионе, в частности, путем оборудования военной базы в Таджикистане [Campbell 2013: 4]. По данным из неофициальных источников, Индия начала переоборудование авиабазы в Айни в 2004 г. под прикрытием предоставления помощи Таджикистану [Kusega 2011]. Положение базы имеет стратегический характер: только вытянутый 20-километровый участок афганской территории отделяет ее от Пакистана. Это позволит Индии не только реагировать на изменение ситуации в Центральной Азии, но и иметь преимущество в случае перехода конфликта с Пакистаном в открытую стадию [Muzalevsky 2011].

Сотрудничество Индии и Китая в области обеспечения безопасности в Центральной Азии может стать объединяющим фактором. В августе 2013 г. состоялась встреча министров иностранных дел обеих стран, где одним из вопросов, особенно остро стоящих на повестке дня, стала борьба с терроризмом, а также партнерство в рамках ШОС на этом направлении¹.

В отношении Пакистана членство Индии в ШОС будет иметь несколько другой характер. Считается, что налаживание сотрудничества России и Пакистана так или иначе будет затрагивать интересы Индии. Пакистан сможет получить большее политическое признание в Евразии и использовать форум как дымовую завесу, за которой будет скрываться антииндийская направленность действий². Но в рамках ШОС Индия сможет контролировать ситуацию и быть в курсе предпринимаемых Пакистаном действий в области сотрудничества с другими членами организации, в частности с Китаем и Россией.

Растущее экономическое, политическое и военное влияние Китая в Южной Азии не может не вызывать напряженность в индийско-китайских двусторонних

¹ Press Release on First India China Dialogue on Central Asia. Embassy of India, Beijing, China, 2016. URL: www.indianembassy.org.cn/newsDetails.aspx?NewsId=421 (accessed: 11.07.2016).

² Ibragimova G. What are the implications of India's and Pakistan's accession to the SCO? Russia Beyond the Headlines, 2015. URL: <http://www.russia-direct.org/debates/what-are-implications-indias-and-pakistans-accession-sco> (accessed: 12.12.2015).

отношениях. Индия крайне настороженно наблюдает за активным развитием и переоснащением китайской армии, а также усилением влияния КНР в Индийском океане. С другой стороны, беспокойство Китая вызывает военное сотрудничество Индии с потенциальными политическими и военными противниками Китая и наращивание ею своей ядерной мощи [Лунев 2010: 117—120].

Процесс вступления Индии в ШОС совпал с выходом совместного коммюнике США и Индии о стратегическом видении для АТР и региона Индийского океана¹. Цели в области безопасности, затронутые в данном документе, позволяют четко говорить о том, что политика сдерживания Китая — это одна из основных задач Вашингтона. При этом позиция Индии заключается не в следовании в фарватере внешней политики США, а в продвижении собственных целей в области безопасности. Дели продолжает балансировать и маневрировать на глобальной стратегической арене, в том числе и в ШОС. А после вступления Ирана в организацию в качестве полноправного члена Индия окажется в еще более выигрышном положении.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С КНР

Центральная Азия является зоной стратегических интересов Индии. Однако сотрудничество Индии со странами региона в таких областях, как безопасность, политика, экономика, торговля, инвестиции, энергетика не может полноценно развиваться. Одной из причин является отсутствие общей границы. Полноправное участие Индии в ШОС позволит исправить ситуацию. Более того, в рамках организации существенно возрастет число переговоров на высшем уровне, что позволит ускорить формирование у лидеров государств Центральной Азии представления об Индии как о надежном партнере, готовом к диалогу и сотрудничеству.

Возможное создание зоны свободной торговли Индии с государствами Евразийского экономического союза даст дополнительные преимущества как азиатскому гиганту, так и государствам, входящим в ЕАЭС. На данный момент Индия заявила о готовности перейти к практическому сотрудничеству с организацией и ждет рассмотрения со стороны стран-участниц подготовленного исследовательской группой доклада о свободной торговле между ЕАЭС и Индией.

Важно подчеркнуть, что Индия не выступает против сотрудничества с Пакистаном или Китаем в области реализации совместных энергетических проектов (в 2013 г. Манмохан Сингх даже убедил В.В. Путина создать комиссию по рассмотрению возможности создать нефте- и газопроводы из России в Индию через территорию КНР), но отсутствие доверия и укрепление китайско-пакистанского партнерства вынуждают Дели действовать [Laruelle et al. 2011: 9—25]. В ответ на строительство Китаем в рамках проекта нового Шелкового пути глубоководного порта Гвадар, который позволит Пакистану получить доступ к рынкам Центральной Азии, Индия в тех же целях в мае 2016 г. подписала договор с Ираном о модернизации порта Чабахар.

¹ US-India Joint Strategic Vision for the Asia-Pacific and Indian Ocean Region. The White House Office of the Press Secretary, 2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/25/us-india-joint-strategic-vision-asia-pacific-and-indian-ocean-region> (accessed: 23.12.2015).

Налаживание и расширение связей со странами — членами ШОС приведет к укреплению геополитических позиций государства. Индия станет ближе к Китаю, войдя в общую для всех членов организации систему безопасности. Участие Дели в «Мирной миссии» в 2017 г. (совместные учения стран ШОС) станет своего рода феноменом, ведь до сих пор она соглашалась лишь на очень скромные по масштабам совместные учения с Китаем и категорически отвергала подобные действия в многостороннем формате.

Возможно, участие Индии в деятельности ШОС приведет к тому, что Пекин несколько пересмотрит свою линию на ограничение роли Дели в Южной Азии. КНР и Республику Индию сближает то, что они готовы поддерживать сотрудничество в рамках ШОС; укреплять военное и политическое доверие в регионе; бороться с «тремя силами зла»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также с наркоторговлей; прилагать совместные усилия для обеспечения стабильности власти в странах Центральной Азии. В этих рамках возможно укрепление ежегодного контртеррористического диалога Китая и Индии.

Принимая во внимание, что КНР имеет очень мощные рычаги давления на Пакистан, в том числе и экономические, она могла бы способствовать постепенному затуханию той деятельности межвойсковой разведки Пакистана, которая связана с поддержкой антииндийских террористических организаций. Пекин мог бы также предложить Дели наладить совместную деятельность по борьбе с исламистским радикализмом в Южной Азии, например в Бангладеш.

Реализуя собственные стратегические цели и взаимодействуя с другими членами ШОС, Индия будет занимать близкие с ними позиции по ключевым вопросам, стоящим на повестке дня. Тем не менее, продолжая политику балансирования, республика не будет забывать и о своих геополитических расчетах, в соответствии с которыми было принято решение о вступлении в ШОС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Лунев С.И. Индия как один из новых центров глобального влияния // Сравнительная политика. 2012. № 2. С. 90—104.
- Лунев С.И. Российско-индийские отношения: перспективы и проблемы // Внешние связи стран Прикаспия в условиях глобального кризиса и интересы России. М.: ИМЭМО РАН, 2010.
- Фараджи Рад Абдол Реза, Моради Г. Трубопровод ТАРІ и его влияние на региональное и международное соперничество // Центральная Азия. 2012. № 2. Т. 15. С. 94—111.
- Харина О.А. Неореалистический подход к анализу конфликтных отношений в треугольнике Пакистан — Индия — Китай // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. 37 (1 (222)). С. 178—183.
- Харина О.А. Особенности формирования альянсов в Южной Азии на примере отношений Китая и Пакистана // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. 1 (14). С. 96—100.
- Шершнев Л.И. Шанхайская организация сотрудничества: планетарный масштаб. Диалог цивилизаций. Человеческое измерение. М.: Инф. сб. Фонда национальной и международной безопасности, 2007.

- Asthana V.* Cross-Border Terrorism in India: Counterterrorism Strategies and Challenges. Washington: Washington University, 2010.
- Campbell I.* India's Role and Interests in Central Asia. London: Saferworld, 2013.
- Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Kucera J.* India's Central Asia Soft Power. Tokyo: The Diplomat Press, 2011.
- Laruelle M., Huchet J., Peyrouse S., Balci B.* (Eds.) China and India in Central Asia: A New "Great Game"? N.Y.: Asian Politics & Policy, 2011.
- McGlinchey E.* Autocrats, Islamists and the Rise of Radicalism in Central Asia // Current History. 2005. 684 (104). P. 336—342.
- Muzalevsky R.* India fails to gain a military foothold in Tajikistan. Washington: Caucasus Institute, John Hopkins University, 2011.
- Sahgal A., Anand V.* Strategic Environment in Central Asia and India // Reconnecting India and Central Asia. Emerging Security and Economic Dimensions, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. 2010. P. 34—79.
- Stopdan P.* India's Stakes in SCO. New Delhi: The Institute for Defense Studies and Analyses, 2016.
- Stopdan P.* Shanghai Cooperation Organization and India. New Delhi: The Institute for Defense Studies and Analyses, 2014.

Дата поступления статьи: 14.10.2016

Для цитирования: Харина О.А. Стратегические интересы Индии в ШОС: энергетика и безопасность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 508—517. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-508-517.

Сведения об авторе: Харина Ольга Александровна — аспирант Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: olaishra@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-508-517

STRATEGIC INTERESTS OF INDIA IN SCO: ENERGY AND SECURITY

O.A. Kharina

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. This article focuses on important objectives and core benefits to India joining the SCO. The relevance of this study lies in the possibility of consideration of true motivations of one country wishing to become a part of the organization. The acceptance of this country as crucial brings into focus the fundamental question about the nature of the SCO, its aims and objectives. Special attention is paid to economic factors and security issues that guided the state. One of India's major concerns are OBOR and the CPEC that forced it to change tactics of cooperation.

The main attention is paid to the concept of the school of political realism. The necessity of use of this theoretical approach in this research is detected and substantiated. The analysis of different factors allows making prediction on the development of relations between India and China and helps to assume what kind of conversion will take place in the organization. One of the propositions, which is key in the work is that India can't show the policy underpinned by a spirit of rivalry or competition in the SCO even if it is a leading position.

Key words: India, SCO, strategic interests, neorealism, cooperation, balance of power, terrorism

REFERENCES

- Asthana, V. (2010). *Cross-Border Terrorism in India: Counterterrorism Strategies and Challenges*. Washington: Washington University.
- Campbell, I. (2013). *India's Role and Interests in Central Asia*. London: Saferworld.
- Faradzhi Rad Abdol Reza & Moradi, G. (2012). Examining the TAPI pipeline and its impact on regional and international rivalries. *Central Asia*, 2, P. 94-111. (in Russ.).
- Gilpin, R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kharina, O.A. (2016). Features of the formation of alliances in South Asia by the example of China and Pakistan relations. *Azimuth of Scientific Researches: Economics and Management*, 1 (14), P. 96—100. (in Russ.).
- Kharina, O.A. (2016). The neorealist approach to the analysis of conflict relations in the triangle Pakistan — India — China. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History Political science*, 1 (222), P. 178—183. (in Russ.).
- Kucera, J. (2011). *India's Central Asia Soft Power*. Tokyo: The Diplomat Press.
- Laruelle, M., Huchet, J., Peyrouse, S. & Balci, B. (Eds.). (2011). *China and India in Central Asia: A New "Great Game"?* N.Y.: Asian Politics & Policy.
- Lunev, S.I. (2010). *Russian-Indian relations: prospects and problems*. Moscow: IMEMO RAN.
- Lunev, S.I. (2012). India as one of the new centers of global influence. *Comparative politics*, 2, P. 90—104.
- McGlinchey, E. (2005). Autocrats, Islamists and the Rise of Radicalism in Central Asia. *Current History*, 684 (104), P. 336—342.
- Muzalevsky, R. (2011). *India fails to gain a military foothold in Tajikistan*. Washington: Caucasus Institute, John Hopkins University.
- Sahgal, A. & Anand, V. (2010). Strategic Environment in Central Asia and India. *Reconnecting India and Central Asia. Emerging Security and Economic Dimensions*, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, P. 34—79.
- Shershnev, L.I. (2007). *The Shanghai cooperation organization: the planetary scale. The dialogue of civilizations. The human dimension*. Moscow: Fund national and international security.
- Stopdan, P. (2016). *India's Stakes in SCO*. New Delhi: The Institute for Defense Studies and Analyses.
- Stopdan, P. (2014). *Shanghai Cooperation Organization and India*. New Delhi: The Institute for Defense Studies and Analyses.

Received: 14.10.2016

For citations: Kharina, O.A. (2017). Strategic interests of India in SCO: energy and security. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 508—517. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-508-517.

About the author: Kharina Olga Aleksandrovna — post-graduate student of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (e-mail: olaishra@mail.ru).

© Харина О.А., 2017

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-518-529

ДВУХВЕКТОРНЫЙ ПОДХОД КНР К РАЗРЕШЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Т.И. Понька, А.С. Бельченко, А.А. Трусова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) в настоящее время становится одним из центров мирового экономического и политического развития. Государства АТР активно развивают свою экономику, проводят демократические преобразования и заинтересованы в спокойствии и безопасности в регионе. Серьезным дестабилизирующим фактором в АТР являются территориальные споры КНР и целого ряда стран региона.

Китай занимает лидирующее положение в АТР и все решительнее отстаивает свои интересы, в том числе и территориальные. Растущая экономическая и военная мощь Пекина беспокоит соседние страны. В АТР на региональное лидерство помимо КНР претендуют также Япония, Вьетнам, Южная Корея, Индонезия. Они также демонстрируют решимость в своих территориальных притязаниях. Противостояние с КНР побуждает страны региона искать политической и военной поддержки у США, что в будущем может привести к осложнению ситуации в регионе. Между тем Китай заинтересован в добрососедских отношениях и меняет подходы к решению своих территориальных проблем.

Цель исследования — выявление подходов КНР к территориальным спорам в АТР. В соответствии с целью были поставлены несколько задач: выделить основные территориальные споры Китая со странами АТР, рассмотреть историю появления и развития проблемы территориальных споров в регионе и реакцию китайского руководства на них, проанализировать роль международных организаций, таких как ООН и АСЕАН, в урегулировании территориальных споров в АТР, сравнить позицию Китая и других региональных игроков по вопросу принадлежности спорных территорий.

По итогам рассмотрения проблемы авторы делают вывод о том, что позиция КНР в отношении спорных территорий остается неизменной, в то же время руководство Китая стремится решить существующие территориальные проблемы мирным путем, без применения силы.

Ключевые слова: Китай, территориальные проблемы в АТР, безопасность в АТР, Южно-Китайское море, Восточно-Китайское море, острова Дяоюйдао, острова Спратли, Парасельские острова

Как неоднократно отмечали исследователи, одним из факторов, влияющих на формирование новой системы международных отношений, является заметное возвышение на глобальном уровне азиатских государств, прежде всего Китайской Народной Республики [Пономаренко, Понька 2014]. Начав с глубоких экономических преобразований, которые вывели страну на позиции одной из главных мировых держав, Китай оказывает сейчас все более ощутимое воздействие и на ход политических процессов в мире. Китай также стал одним из лидеров Азиатско-

Тихоокеанского региона [Трифонов 2012]. Помимо КНР на лидерство в АТР претендует еще целый ряд стран, среди которых можно выделить Японию, а также Южную Корею и Индонезию. Вследствие борьбы за первенство в данном регионе обостряются нерешенные территориальные споры между вышеназванными государствами. В настоящее время китайское руководство уделяет значительное внимание мирному решению своих территориальных проблем со странами АТР, без чего невозможно поступательное социально-экономическое и культурное развитие региона. Основные территориальные споры современного Китая локализованы в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

ВОПРОС ОСТРОВОВ ДЯОУЙДАО

В Восточно-Китайском море продолжают давние прения между Китаем и Японией относительно принадлежности группы островов Дяоюйдао (яп. Сенкаку), которыми на сегодняшний момент фактически обладает Япония. Проблема уходит корнями еще в средневековье. В 1371 г. во времена династии Мин китайцами были открыты острова Дяоюйдао. С этого момента китайская сторона взяла острова под свое управление. Продолжалась эта ситуация вплоть до 1894 г. Следует отметить, что Китай не обладает какими-либо письменными, документальными доказательствами того, что данный архипелаг действительно находился в его владении. С точки зрения современного международного права это фактически означает, что данные острова никому не принадлежали¹.

Проблема принадлежности островов Дяоюйдао и управления ими находилась в спектре взаимодействия Китайской империи, с одной стороны, и государством Рюкю (XV—XIX вв.) с другой, — до того, как государство Рюкю было аннексировано Японией в 1879 г. До аннексии 1879 г. граница между Китаем и Рюкю была определена. Однако из-за того, что территории государства Рюкю были аннексированы Японией, данная граница начала определяться как граница между Китайской империей и Японской империей [Канаев 2007]. Что же касается аннексированной территории Рюкю, то в составе Японии она была определена в префектуру под названием Окинава. Однако после этого экспансия на острова Дяоюйдао со стороны Японской империи продолжилась. В частности, объектами ее пристального внимания стали прилегающие к префектуре Окинава острова, и уже к 1885 г. Япония аннексировала и другие территории, известные в современной литературе под названием «Дайто», расположенные восточнее от префектуры Окинава. Однако японское правительство на этом также не остановилось, и целью его последующей экспансии стали острова Дяоюйдао.

Реализация этих планов началась в 1894 г., когда 17 апреля 1895 г. в результате войны был подписан Симоносекский мирный договор, который означал победу Японии. Согласно этому договору, острова фактически перешли под японское влияние и контроль².

¹ Китай приветствует конструктивную роль США в АТР. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/7833043.html> (дата обращения: 27.02.2017).

² Японско-китайский мирный договор (Симоносеки) 17 апреля 1895 г. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/21-40/23.htm (дата обращения: 31.05.2017).

Такое положение дел не менялось довольно долго, вплоть до окончания Второй мировой войны. Япония, являясь союзницей гитлеровской Германии, была разгромлена, осуждена международным трибуналом и мировым сообществом. Такая ситуация оказалась выгодной для Китая в том плане, что он мог предъявить претензии Японии касательно ее агрессивного внешнеполитического курса, в том числе и в отношении Китая.

После капитуляции Японии, когда происходило решение судьбы островов Дяоюйдао, было обращено внимание на 4 основополагающих и решающих документа, которые были приняты как во время, так и после войны. Этими документами являются: Каирская декларация 1943 г.¹, Потсдамская декларация 1945 г.², Сан-Францисский мирный договор 1951 г.³ и Договор о мире между Японией и Китайской Республикой 1952 г.⁴, согласно положениям которых острова Дяоюйдао отошли под юрисдикцию США.

Обстановку вокруг данной проблемы можно характеризовать как стабильную с момента перехода островов под юрисдикцию США вплоть до 1970-х гг., поскольку позже целый ряд факторов обострил ситуацию вокруг островов.

В 1969 г. была проведена экспедиция в Восточно-Китайском море под эгидой Экономической комиссии ООН для стран Азии и Дальнего Востока (ЭКДВ), в результате которой в данном пространстве были обнаружены запасы нефти, располагающиеся глубоко под водой. Естественно, это обусловило рост внимания КНР и Японии к спорным территориям.

Другая причина обострения ситуации заключается в том, что в 1971 г. между США и Японией был подписан договор, согласно которому находившийся ранее под юрисдикцией и контролем США архипелаг Рюкю и остров Дайто передавались Токио. В список территорий, переданных Японии, входил и остров Дяоюйдао. В мае 1972 г. данные территории были на официальном уровне переданы под юрисдикцию Японии⁵.

Таким образом, на сегодняшний день территориальная проблема между Китаем и Японией остается нерешенной. Данное обстоятельство объясняется многими причинами и факторами. В первую очередь, это взаимозависимость экономик двух стран. Другой же важной причиной является политическая воля этих стран не обострять ситуацию вокруг данного конфликта.

¹ Каирская декларация, подписанная США, Великобританией и Китаем 27 ноября 1943 г. Режим доступа: <http://www.obraforum.ru/lib/book2/150.htm> (дата обращения: 31.05.2017).

² Потсдамская декларация трех держав — США, Великобритании и Китая — от 26 июля 1945 г. Режим доступа: <http://www.obraforum.ru/lib/book2/159.htm> (дата обращения: 31.05.2017).

³ Мирный договор с Японией, подписанный в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г. Режим доступа: https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/sf_dogovor_1951_text.pdf (дата обращения: 31.05.2017).

⁴ Договор о мире между Японией и Китайской республикой // Острова Сенкаку. С. 6. Режим доступа: http://www.ru.emb-japan.go.jp/territory/senkaku/pdfs/senkaku_ru.pdf (дата обращения: 27.02.2017).

⁵ Соглашение между Японией и США относительно возвращения архипелага Рюкю // Острова Сенкаку. С. 7. Режим доступа: http://www.ru.emb-japan.go.jp/territory/senkaku/pdfs/senkaku_ru.pdf (дата обращения: 27.02.2017).

Кроме того, Восточно-Китайское море является стратегическим районом не только для Китая, Японии, но и для Соединенных Штатов. На севере море охраняет вход в Цусимский пролив, который ведет к Японскому морю. Южная часть моря омывает Тайвань, являющийся одной из главных причин противоречий между Китаем и США. Более того, КНР рассматривает политику США в отношении Японии как попытку сдерживания Соединенными Штатами Китая, и особенно Пекин возмущает предоставление Японии материально-технической и разведывательной поддержки со стороны США [Valencia 2007].

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

На сегодняшний момент нерешенные территориальные споры также присутствуют в Южно-Китайском море между Китаем и целым рядом стран. Одной из таких проблем является определение того, кому принадлежат Парасельские острова (230 км к югу от КНР и 200 км к востоку от Вьетнама) и острова Спратли (архипелаг, располагающийся в юго-западной части Южно-Китайского моря). Кроме КНР на Парасельский архипелаг имеют притязания также Вьетнам и Тайвань. Что касается островов Спратли, то кроме КНР на них претендуют Вьетнам, Филиппины, Индонезия и Мьянма.

Территориальные споры Китая в Южно-Китайском море уходят корнями глубоко в историю. Возникла эта проблема вследствие отсутствия в течение долгого времени разграничения морской акватории между этими государствами. Данный вопрос не привлекал особого внимания других стран. Все изменилось в XX в., когда в силу роста заинтересованности в островах Южно-Китайского моря, начала их освоения и исследования эти территории стали яблоком раздора между целым рядом государств. Внезапно маленькое море, которое когда-то находилось на периферии с геополитической точки зрения, стало эпицентром международной напряженности, а конфликты, которые, казалось, были разрешены к окончанию холодной войны, проявились с новой силой.

На сегодняшний день для КНР, обладающей значительной военной мощью, острова Парасельские и Спратли представляют большой интерес. Во-первых, данные острова имеют выгодное географическое положение. Обладание Парасельскими островами дает полный контроль над пересечением торговых путей, пролегающих между Тихим и Индийским океанами. Во-вторых, на данных островах присутствуют богатые запасы полезных ископаемых, минералов, цветных металлов, нефти. С 1990-х гг. начался значительный экономический подъем государств АТР, вследствие чего эти страны стали испытывать острый недостаток природных ресурсов. КНР является крупным импортером нефти, и поэтому для нее важны эти острова, богатые природными залежами энергоресурсов. В то же время КНР крайне заинтересована в нормализации ситуации в данном регионе.

В начале 1980-х гг., в значительной степени по инициативе КНР, состоялась первая попытка урегулирования спора в Южно-Китайском море. К этому времени были разработаны правила правового регулирования территориальных споров

в море, которые нашли свое отражение в Конвенции ООН по морскому праву от 1982 г. Эта конвенция была ратифицирована КНР в 1996 г.¹

С конца прошлого столетия можно проследить некоторую стабилизацию ситуации вокруг островов, располагающихся в Южно-Китайском море. Такое изменение обстановки в данной географической зоне было вызвано стремлением Пекина к нормализации и развитию многовекторных отношений с государствами — членами АСЕАН [Канаев 2007]. В результате многолетних усилий стороны подписали Декларацию о кодексе поведения в Южно-Китайском море от 2002 г.², которая обязала стороны проводить дружественные переговоры и консультации по вопросам принадлежности островов, не прибегать к силе и угрозе применения силы. По мнению китайской стороны, разрешение ситуации состоит в соблюдении Конвенции ООН по морскому праву, в случае же невозможности разрешения споров в зоне Южно-Китайского моря руководство КНР предлагало разрешить вопрос позже, а тем временем приступить к совместной разработке континентального шельфа [Корсун 2013].

Сотрудничество стран в рамках АСЕАН, безусловно, имеет большое значение. Дипломатическое руководство АСЕАН в Юго-Восточной Азии послужило основой для создания особой роли «регионального дирижера» по окончании холодной войны. Способность АСЕАН поддерживать данную роль зависит от сохранения приемлемых для великих держав торговых функций, что становится все более трудной задачей из-за соперничества стран в Южно-Китайском море [Yates 2016].

С 2010 г. Китай ведет себя более мягко по отношению к государствам-претендентам на острова Южно-Китайского моря. Это было связано, прежде всего, с позицией США, представители которых заявили о том, что сложности в Южно-Китайском море находятся в пределах их национальных интересов³. В ходе XVII регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности госсекретарь США Х. Клинтон выступила с предложением способствовать разрешению ситуации путем многостороннего диалога.

Стоит отметить, что для правительства Китая неприемлемо предложение об интернационализации данной проблематики, тем более вмешательство третьих участников в процесс урегулирования противоречий в Южно-Китайском море. Пекину необходимо наладить отношения между странами, которые имеют притязания на эти территории, так как в перспективе это может поспособствовать прекращению имеющихся споров, что, в свою очередь, положительно скажется на развитии как стран, вовлеченных в конфликт, так и всего региона.

¹ Конвенция ООН по морскому праву. Режим доступа: http://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 01.03.2017).

² Thayer C.A. China-ASEAN and the South China Sea: Chinese Assertiveness and Southeastasian Responses // Paper to International conference on major Policy Issues in the South China Sea: European and American Perspectives, Institute of European and American Studies and Centre for Asia-Pacific Studies, Academia Sinica, Taipei, Taiwan, 6—9 October, 2011. P. 6.

³ Райков Ю. Южно-Китайское море: зона сотрудничества или акватория конфликтов // Международная жизнь. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/886> (дата обращения: 31.05.2017).

В настоящее время неустойчивое положение на оспариваемой территории стабилизируется балансом региональной подсистемы международных отношений. Этот баланс вытекает из политики прибрежных государств, таких как Филиппины и Вьетнам, по привлечению других морских держав, среди которых США и Япония, к сдерживанию Китая. Опасаясь растущей мощи Китая в Восточной Азии, США и Япония увеличили свое стратегическое присутствие в Южно-Китайском море. Эти события затруднили решение спора о принадлежности островов Парасельских и Спратли [De Castro 2016].

В мае 2012 г. власти КНР направили Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну письмо, включавшее карту с обозначением китайской границы по их версии. Согласно этой карте, южная граница Китая фактически простиралась до рифа на побережье расположенного на Калимантане малайзийского штата Саравак, т.е. речь идет о знаменитой девятипунктирной линии, определяющей границы КНР на спорной территории (см. рис. 1).

Рис. 1. Девятипунктирная линия, отражающая претензии КНР на спорную территорию/
Fig. 1: The nine-dash line, which declares China's claims on disputed territory¹

¹ Девятипунктирная линия КНР. Режим доступа: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:China%27s_2009_nine-dash_line_map_submission_to_the_UN.pdf?uselang=ru (дата обращения: 30.04.2017).

Объявив почти 80% акватории Южно-Китайского моря своей территорией, КНР также подчеркнула, что у нее есть право на суверенитет над этой территорией¹. После этого Манила подала иск в Постоянный арбитражный суд в Гааге, в котором поставила под сомнение законность претензий Китая на акваторию Южно-Китайского моря согласно «девятипунктирной линии». В октябре 2015 г. Постоянная палата третейского суда в Гааге приняла решение² о слушании касательно этого дела, после чего уже в июле 2016 г. был вынесен вердикт: «Нет свидетельств тому, что у Китая когда-либо был исключительный контроль над водами Южно-Китайского моря»³.

Третейский суд отверг практически все доказательства Пекина относительно прав КНР на острова и акватории Южно-Китайского моря и полностью поддержал позицию Манилы. Также подчеркивалось, что КНР не может претендовать и на исключительную экономическую зону в районе архипелага Спратли⁴. КНР не признала решения суда. Это связано с тем, что, когда дело доходит до международных споров, Китай предпочитает двусторонние переговоры и консультации как наиболее практичный способ мирного урегулирования конфликта. Пекин рассматривает возбуждение арбитражного разбирательства против него как проявление враждебности со стороны Манилы [Hong 2016].

Американский политолог Дж. Миршаймер сравнивает отношение Китая к проблеме в Южно-Китайском море и девятипунктирную линию с «доктриной Монро», рассматривая ее как одностороннее провозглашение внешней политики [Shirley 2016].

Какую же стратегию реализует КНР, так упорно отстаивая свои притязания на спорные территории? Сторонники наступательного реализма утверждают, что настойчивая внешняя политика КНР направлена на пересмотр международного порядка, которым руководят США. Это, в свою очередь, связано с возросшим экономическим, политическим и военным потенциалом Китая, который и заставляет страну стремиться к расширению границ и степени своего влияния. По мнению реалистов, факт перехода Китая от политики Тао Гуанг Ян Хуэй (韬光养晦, кит. — держаться в тени и ждать своего часа), главной целью которой был экономический рост, к политике Юэ Сюэ Зуо Вэй (有所作为 кит. — достичь успеха), нацеленной на максимизацию собственных стратегических и территориальных интересов, в этой связи также является неслучайным. Однако некоторые эксперты утверждают, что неуклонный рост влияния КНР не подразумевает под собой смену

¹ Китай отвергает претензии Вьетнама на суверенитет над островами в Южно-Китайском море. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1212/c31521-8821821.html> (дата обращения: 31.05.2017).

² Award in the matter of the South China Sea arbitration. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2086> (accessed: 04.03.2017).

³ Спор о Южно-Китайском море: суд в Гааге отверг права Пекина. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160712/1464640532.html> (дата обращения: 05.03.2017).

⁴ Мосяков Д.В. Решение арбитражного суда в Гааге по ситуации в ЮКМ и реакция на него. Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2016/10/14/reshenie-arbitrazhno-go-suda-v-gaage-po-situatsii-v-yukm-i-reaktsiya-na-nego> (дата обращения: 06.03.2017).

международного порядка, так как внутри страны существуют определенные проблемы, такие как неравенство, коррупция и др., а это значит, что, возможно, КНР сосредоточится именно на решении данных проблем, а не на смене международного порядка [Jung, Lee 2017].

ПОДХОДЫ КНР К РЕШЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ СО СТРАНАМИ АТР

Хуан Юань, научный сотрудник Центра по исследованию бизнеса на основании школы философии Конфуция и цивилизации Восточной Азии при Университете Чжэцзяна, считает, что Китаю нужно создать военную систему для защиты территорий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Также в ближайшие 10—15 лет нужно построить несколько авианосцев с различными функциями. Для обеспечения охраны морских рубежей Китая необходимо как можно скорее создать атомный авианосец¹.

Следует строго разграничивать споры касательно морских акваторий в зависимости от их конкретного предмета и предполагаемого варианта их разрешения. В этой связи надо задействовать юридические и дипломатические способы урегулирования экономических разногласий по вопросу рыбной ловли в спорных акваториях. В случае передачи участков в спорных акваториях непосредственно на тендер или в случае проникновения на острова для последующей их оккупации надо действовать решительно и четко, подкрепляя все это военной мощью.

Особо стоит подчеркнуть важность закрепления на спорных территориях экономического присутствия Китая. Для осуществления этого пункта необходимо направить свои усилия на добычу и освоение залежей газа, нефти и других полезных ископаемых в морских акваториях КНР. То есть путем включения экономической деятельности на островах в национальную экономику страны можно будет доказать свой непосредственный суверенитет над акваторией.

Примерно с августа 2014 г. Китай демонстрирует то, что официальные лица называют двойственным или двухвекторный подход (*dual-track approach*). Данный подход к проблеме в Южно-Китайском море, по мнению Пекина, предусматривает: во-первых, разрешение двухсторонних споров стран непосредственно путем переговоров, а во-вторых, поддержание мира и стабильности в Южно-Китайском море совместными усилиями Китая и десяти членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии². Этот подход может быть применен также и в отношении других территориальных вопросов с участием КНР.

Известный специалист по региону Юго-Восточной Азии Д.В. Мосяков считает, что для решения данного диспута «требуется, прежде всего, добрая воля КНР и всех стран — участниц конфликта. В этой связи в качестве первого шага <...> можно разделить весь переговорный процесс на 2 части. В первой сконцентри-

¹ Михайлова Н. Почему неспокойно Южно-Китайское море. Режим доступа: <http://ru.gbftimes.com/mir/pochemu-nespokoyno-yuzhno-kitayskoe-more> (дата обращения: 03.03.2017).

² Parameswaran P. The challenge to China's South Sea Approach // The diplomat. URL: <http://thediplomat.com/2015/04/the-challenge-to-chinas-south-china-sea-approach> (accessed: 03.03.2017).

роваться на том, чтобы остановить разрастание конфликта, прервать его восходящую динамику. В последующем — добиться полного урегулирования ситуации и окончательного ее разрешения» [Мосяков 2013].

В целом для разрешения существующих притязаний необходима четкая система консультаций и выработка общих подходов к решению ключевых проблем в регионе. Их соответствие национальным интересам может обеспечить поддержку большинства государств Восточной Азии. При комплексном анализе ситуации на спорных территориях следует учитывать восприятие участниками конфликта их взаимоотношений и внешнеполитической деятельности стран-партнеров.

Проблема Южно-Китайского моря нуждается в скорейшем разрешении, в противном случае она продолжит оставаться очагом нестабильности как в региональном, так и в глобальном масштабах. Причиной трудностей, связанных с решением данного вопроса, является военно-стратегическая и экономическая ценность Южно-Китайского моря. Что касается военно-стратегической ценности, то здесь следует отметить, что острова Южно-Китайского моря занимают важное со стратегической точки зрения географическое положение. Экономическая роль заключается в том, что море богато ценными энергетическими ресурсами, а торговые пути, проходящие по акватории, связывают экономики стран всего мира. От успешного решения данной проблемы зависит безопасное и стабильное развитие АТР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Волошина А.В.* Северо-Восточная Азия в современной внешнеполитической стратегии Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 12—24.
- Данилов Б.Я.* Азиатская дуга нестабильности в начале XXI века // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2006. № 6. С. 160—163.
- Канаев Е.А.* Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М.: Готика, 2007.
- Корсун В.А.* Эволюция подходов китайского руководства к проблемам современных границ КНР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 21. С. 65—76.
- Мосяков Д.В.* Конфликт в Южно-Китайском море и возможные пути его решения // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 21. С. 16—22.
- Пономаренко Л.В., Понька Т.И.* К вопросу о китайско-индийских отношениях конца 20 — начала 21 веков // Перспективы развития науки и образования: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 января 2014 г. Тамбов: ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. С. 65—69.
- Трифонов В.И.* Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и на противоборство // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 29—44.
- De Castro R.* The challenge of conflict resolution in the South China sea dispute: Examining the prospect of a stable peace in East Asia // International Journal of China Studies. 2016. Vol. 7. N 1. P. 23—51. DOI: <https://doi.org/10.1177/0920203x16665054>.
- Hong N.* The South China Sea Arbitral Tribunal Award: Political and Legal Implications for China // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs. 2016. Vol. 38. N 3. P. 356—361.

- Jung S.C. & Lee K.* The Offensive Realists Are Not Wrong: China's Growth and Aggression, 1976—2001 // *Pacific Focus*. 2017. Vol. 32. Iss. 1. P. 86—108. DOI: 10.1111/pafo.12088.
- McCoy A.W.* Circles of Steel, Castles of Vanity: The Geopolitics of Military Bases on the South China Sea // *The Journal of Asian Studies*. 2016. Vol. 75. Iss. 4. P. 975—1017. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021911816001601>.
- Shirley V. Scott.* China's nine-dash line, international law, and the Monroe Doctrine analogy // *China Information*. 2016. Vol. 30. Iss. 3. P. 296—311. DOI: <https://doi.org/10.1177/0920203X16665054>.
- Valencia M.J.* The East China Sea dispute: Context, claims, issues, and possible solutions // *Asian Perspective*. 2007. Vol. 31. N 1. P. 127—167.
- Yates R.* ASEAN as the 'regional conductor': understanding ASEAN's role in Asia-Pacific order // *The Pacific Review*. 2016. Vol. 30. Iss. 4. P. 443—461. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09512748.2016.1264458>.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: *Понька Т.И., Бельченко А.С., Трусова А.А.* Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 3. С. 518—529. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-518-529.

Сведения об авторах: *Понька Татьяна Ивановна* — канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ponka_ti@rudn.university).

Бельченко Андрей Станиславович — канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: belchenko_as@rudn.university).

Трусова Александра Андреевна — студент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032152385@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-518-529

THE DUAL-TRACK APPROACH OF THE PRC TO THE RESOLUTION OF DISPUTES IN THE SOUTH CHINA SEA

T.I. Ponka, A.S. Belchenko, A.A. Trusova

RUDN University (Peoples Friendship University of Russia), Moscow, Russia

Abstract. The Asia-Pacific region is becoming one of the centers of global economic and political development. Countries of the region actively develop their economy, implement democratic reforms, and are also interested in peace and security in the region. A serious destabilizing factor in the Asia-Pacific region is territorial disputes between China and a number of countries in the region.

China is taking the lead in the region and resolutely defends its interests, including territorial ones. The growing economic and military strength of China bothers other countries of Asia-Pacific region. Japan, Vietnam, South Korea, Indonesia also claim regional leadership. They also demonstrate determination in their territorial claims. Confrontation with China encourages the countries of the region to seek political and military support from the US, that could lead to the aggravation of the situation in the region in future. Meanwhile, China is also interested in good relations with neighbors, that's why it changes approaches of solving its territorial issues.

The objective of the research is to define China's approach to territorial disputes in Asia-Pacific region. For this purpose, the authors set some tasks: first, to point out the main territorial disputes between China and Asia-Pacific countries, second, to consider how the problem of territorial disputes in Asia-Pacific region first appeared and developed, and how the Chinese government reacted to it, and finally, to analyze the role of international organizations, such as the UN and ASEAN in settling disputes in Asia-Pacific region.

Summarizing the results of their research, the authors make the important conclusion that China's stance on disputed territories remains unchanged, and at the same time, Chinese government seeks to solve the existing territorial problems peacefully, without using military force.

Key words: Asia-Pacific region, China, territorial issues in the Asia-Pacific region, security in the Asia-Pacific, South China Sea, East China Sea, Senkaku Islands, Spratly Islands, Paracel Islands

REFERENCES

- Danilov, B.Y. (2006). Asian arc of instability in the beginning of XXI century. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost' (Vostok (Oriens))*, 6, 160—163. (in Russ).
- De Castro, R. (2016). The challenge of conflict resolution in the South China sea dispute: Examining the prospect of a stable peace in East Asia. *International Journal of China Studies*, 7 (1), 23—51. DOI: <https://doi.org/10.1177/0920203x16665054>.
- Hong, N. (2016). The South China Sea Arbitral Tribunal Award: Political and Legal Implications for China. *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*, 38 (3), 356—361.
- Jung, S.C. & Lee, K. (2017). The Offensive Realists Are Not Wrong: China's Growth and Aggression, 1976—2001. *Pacific Focus*, 32 (1), 86—108. DOI: 10.1111/pafo.12088.
- Kanaev, E.A. (2007). *Conflict over the islands in the South China Sea: the history, the nature of the settlement, prospects of evolution*. Moscow: Gotika publ. (in Russ).
- Korsun, V.A. (2013). The Evolution of Approaches of the Chinese Leadership to the Problems of Present-Day Borders of the PRC. *South-East Asia: Actual Problems of Development*, 21, 16—22. (in Russ.).
- McCoy, A.W. (2016). Circles of Steel, Castles of Vanity: The Geopolitics of Military Bases on the South China Sea. *The Journal of Asian Studies*, 75 (4), 975—1017. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0021911816001601>.
- Mosyakov, D.V. (2013). Conflict in South China Sea and ways of decision. *South-East Asia: Actual Problems of Development*, 21, 16—22. (in Russ).
- Ponomarenko, L.V. & Ponka, T.I. (2014). On the question of Sino-Indian relations in the end of 20th century — beginning of 21st century. *Prospects of science and education development: Collection of treatises on the materials of the International Scientific and Practical Conference on January 31*; Tambov: Bussiness-Science-Society, p. 65—69. (in Russ).
- Shirley, V. Scott (2016). China's nine-dash line, international law, and the Monroe Doctrine analogy. *China information*, 30 (3), 296—311. DOI: <https://doi.org/10.1177/0920203X16665054>.
- Trifonov, V.I. (2012). The situation in the Asia-Pacific: the clash of the lines on cooperation and confrontation. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istorija i sovremennost'*. Vol. XVII. Moscow: IFES RAS, 29—44. (in Russ).
- Valencia, M.J. (2007). The East China Sea dispute: Context, claims, issues, and possible solutions. *Asian perspective*, 31 (1), 127—167.
- Voloshina, A.V. (2015). Northeast Asia in modern foreign policy strategy of China. *Problems of the Far East*, 6, 12—24.
- Yates, R. (2016). ASEAN as the 'regional conductor': understanding ASEAN's role in Asia-Pacific order. *The Pacific Review*, 30 (4), 443—461. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09512748.2016.1264458>.

Received: 14.06.2017

For citations: Ponka, T.I., Belchenko, A.S., Trusova, A.A. (2017). The dual-track approach of the PRC to the resolution of disputes in the South China Sea. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 518—529. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-518-529.

About the authors: *Pon'ka Tat'yana Ivanovna* — PhD in History, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ponka_ti@rudn.university).

Belchenko Andrey Stanislavovich — PhD in History, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: belchenko_as@rudn.university).

Trusova Aleksandra Andreevna — student of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: 1032152385@rudn.university)

© Понька Т.И., Бельченко А.С., Трусова А.А., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538

ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

А.И. Лычагин, И.Д. Комаров

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена особенностям тайваньского вопроса с учетом особого положения острова в современной системе региональной и мировой политики. Специфика отношений двух берегов Тайваньского пролива, внутривнутриполитическая борьба, позиция Вашингтона в Юго-Восточной Азии, региональные и трансрегиональные интеграционные процессы формируют модель взвешенного взаимодействия.

Неизменный вектор политики КНР в отношении острова, формирование новой концепции международной деятельности Тайваня — «жизнеспособная дипломатия», изменение инвестиционных потоков США в Тайвань в периоды нахождения у власти Гоминьдана и ДПП — отдалают перспективу силового решения вопроса двух берегов. Сложность, с которой сталкивается руководство той или иной лидирующей партии Тайваня, определяется структурным различием их программ по отношению к материковому Китаю.

В XXI в. высокую эффективность демонстрируют экономические инструменты, применяемые КНР для реинтеграции острова. Наиболее приемлемым с точки зрения сближения противоположных сторон с учетом долгосрочной перспективы является создание преференциальных условий торгово-экономического сотрудничества. Эта модель применяется Пекином как на региональном, так и на трансрегиональном уровне.

Авторы приходят к выводу, что экономика Тайваня, тесным образом связанная с материковым Китаем, дополняет общецивилизационный посыл о единстве ханьцев и их праве на цивилизационное доминирование в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Китайская Республика, Тайвань, КНР, США, торгово-экономическое взаимодействие, иностранные инвестиции, Гоминьдан, Демократическая прогрессивная партия

С формально-правовой точки зрения только государства — члены Организации Объединенных Наций обладают субъектностью в международных отношениях. Тем не менее существует определенное количество территорий и образований, которые не являются членами ООН или потеряли свое место там в ходе исторического развития. Многие непризнанные образования обладают следующими признаками государства: территорией с охраняемыми границами, правом, армией и полицией, институтами власти и механизмами их формирования, развитой экономической, финансовой и налоговой системами, поддержкой населения. К таким образованиям относится и Китайская Республика (о. Тайвань), непрекращающиеся дискуссии о статусе которой составляют суть так называемого тайваньского вопроса (тайваньской проблемы).

ПОТЕРЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Положение Китайской Республики отличается от других непризнанных образований. В истории ее развития был период полной субъектности, дипломатического признания и членства в ООН. С 1971 г. Китайская Республика потеряла

свое место в организации, и зона ее международной правосубъектности последовательно сокращается. Тайвань становится частично признанным государством с латентной субъектностью. Разрыв дипломатических отношений большинства стран с Тайванем свидетельствовал не о полном прекращении связей, а только об ограничении таковых до экономических и гуманитарных, исключая политические.

Эти перемены были вызваны влиянием на мировое сообщество со стороны коммунистического Китая и следованием последнего «политике одного Китая» в отношениях с любым государством — членом ООН. Суть политики заключается в том, что дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой возможны исключительно при отсутствии таковых с Тайванем. Сторону КНР приняли Соединенные Штаты Америки и их стратегические союзники — страны Западной Европы, Канада, Австралия, Япония и другие, чей вес в мировом сообществе традиционно высок. Выбор был продиктован не только особенностями мировой политики, но и экономическими интересами.

Советский Союз и другие социалистические страны установили дипломатические отношения с КНР в начале 50-х гг. и признавали только Китайскую Народную Республику в качестве единственного легитимного представителя всего китайского народа. Российская Федерация последовательно продолжает советскую политику в отношении тайваньского вопроса.

Таким образом, участь Тайваня как официального субъекта международного права была предопределена. Однако зачастую речь идет о формальной стороне данного вопроса. Помощь острову и всестороннее участие в его жизни со стороны как Вашингтона, так и его союзников не уменьшилась [Morrison, Kan 2014]. Яркий индикатор — телефонный разговор президента США Дональда Трампа с Цай Ин-вэнь, президентом Китайской Республики, 2 декабря 2016 г. Д. Трамп сообщил в «Твиттере»: «Президент Тайваня мне позвонила сегодня, чтобы поздравить меня с победой на президентских выборах»¹.

«УМНАЯ СИЛА» ТАЙВАНЯ

Со времени образования и вплоть до сегодняшнего дня Китайская Республика проводит активную международную деятельность, направленную на защиту безопасности, обеспечение стабильности и процветания, а также расширение международного пространства². В связи с официальным признанием Тайваня лишь рядом стран (19 государствами — членами ООН и Ватиканом) международная (дипломатическая) деятельность имеет ограничения и сконцентрирована исключительно вокруг союзников. В отношении прочих субъектов международных отношений акцент сделан на консульском, экономическом и гуманитарном направ-

¹ Дипломатический скандал после телефонного разговора Трампа с лидером Тайваня. Режим доступа: <http://www.golos-ameriki.ru/a/trumps-call-with-taiwan/3621679.html> (дата обращения: 13.01.2017).

² Конституция Китайской Республики. Режим доступа: <http://law.moj.gov.tw/Eng/LawClass/LawAll.aspx?PCode=A0000001> (дата обращения: 13.01.2017).

лениях, сотрудничество в которых осуществляется через многочисленные представительства Тайваня.

Китайская Республика обладает широким ассортиментом инструментов «мягкой силы»: демократические идеи, права человека и культура, которые в сочетании с экономической и торговой мощью создают так называемую умную силу. Как отмечают представители острова в этой связи: «И Гоминьдан, и Демократическая прогрессивная партия посредством «умной силы» превратят Тайвань в «основателя мира», «поставщика гуманитарной помощи», «промоутера культурного обмена», «создателя новых технологий и бизнес-возможностей» и «знаменосца китайской культуры», что позволит повысить наш национальный имидж, международный статус и влияние, а также позволит нам внести существенный вклад в обеспечение стабильности и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹.

В условиях либерализации глобальной торговли правительство КР через двусторонние и многосторонние каналы продолжает продвигать подписание соглашений об экономическом сотрудничестве с основными торговыми партнерами. Тайвань сотрудничал с членами Транстихоокеанского партнерства до того, как Д. Трамп заявил о выходе США из этого соглашения. И все же первостепенным вопросом лидеров Пекина и Тайбэя остается создание единого рынка Восточной Азии при участии Японии, Кореи, стран АСЕАН, а в перспективе — России [Mikheev 2001].

В области гуманитарного сотрудничества Тайвань добился значительных успехов. В качестве примера решения региональных споров, подчеркнув при этом свое миролюбие, республика предложила странам Азиатско-Тихоокеанского региона и всему мировому сообществу «Мирную инициативу в Восточно-Китайском море». Она призывает защищать региональный мир, укреплять позиции Тайваня через международные платформы и СМИ независимо от восприятия истории, географии или международного права теми или иными его субъектами и в отношении чего бы то ни было. Будь то острова Дяюйдао (Сенкаку), Наньша (Спратли), Сиша (Парасельские), Чжунша и Дунша или любая другая суша или акватория.

Между материком и островом было подписано немало документов по экономическому и гуманитарному сотрудничеству, налажено авиасообщение. Туристические поездки на Тайвань стали одним из основных маршрутов материковых китайцев.

СТРАТЕГИЯ «ЖИЗНЕСПОСОБНОЙ ДИПЛОМАТИИ»

Как отметил в своем докладе «О внешней политике» министр иностранных дел КР Линь Юн-лэ на 5-й сессии 8-го созыва Законодательного Юаня 12 марта 2014 г., правительство острова продвигает политику «жизнеспособной дипломатии», придерживаясь принципов «достоинства, самостоятельности, прагматизма и гибкости». Такая политика, по мнению выступающего, «...способствовала соз-

¹ Доклад министра иностранных дел Линь Юн-лэ о внешней политике на 4-й сессии 8-го созыва Законодательного Юаня 25 сент. 2013 г. *Отдел планирования политики Законодательного Юаня* (дата обращения: 28.11.2013).

данию эффективного периода примирения между двумя сторонами пролива и проведения жизнеспособной дипломатии, а также укреплению дружеских отношений как с дипломатическими союзниками, так и со странами, с которыми нет формальных связей, и расширила наше международное пространство»¹.

Стратегия «жизнеспособной дипломатии» бывшего президента Ма Инь-цзю² оправдала себя. В отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива противостояние сменилось сотрудничеством. Контакты на уровне двусторонних институтов стали более частыми. Улучшение отношений двух берегов приветствовалось и администрацией США [Saunders 2005]. Победная точка была поставлена на встрече президента Ма Инь-цзю и председателя Си Цзиньпина 7 ноября 2015 г., на которой они отметили, что «...следует твердо придерживаться совместного осуществления великого возрождения китайской нации. Мы за несколько десятилетий прошли исторический период развития, который большинство государств мира проходило в течение нескольких сотен лет. Я верю, что в деле осуществления великого возрождения китайской нации действительно не может не быть соотечественников с Тайваня»³.

Анализ изменения расстановки политических сил на Тайване в совокупности с анализом внешнеэкономической сферы позволяет определить вектор развития региональной политической ситуации (в условиях применения КНР стратегии «мягкая политика, жесткая экономика»), а также оценить экономическую парадигму сближения Пекина и Тайбэя в условиях лидерства ДПП в 2000—2008 гг. и после 2016 г. (изменение — сближение — сохранение статус-кво китайско-тайваньских отношений) [Bush 2015].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Политическая жизнь Китайской Республики определяется противоборством партий Гоминьдан, выступающей за усиление (нормализацию) взаимоотношений с материковым Китаем, и ДПП, ратующей за большую самостоятельность острова [Малявин, Чэнь Цзявэй 2012: 128]. Период руководства представителем Гоминьдана Ма Инь-цзю (2008—2016 гг.) характеризуется политикой налаживания сотрудничества и постепенного политического сближения Тайваня с материком.

Напротив, в период Чэнь Шуй-бяня (2000—2008 гг.) проведена пропагандистская деятельность, снижающая качество отношений КР с материковым Китаем. Искусственная эрозия культурно-национальных ценностей способствовала фор-

¹ Доклад министра иностранных дел Линь Юн-лэ о внешней политике на 5-й сессии 8-го созыва Законодательного Юаня 12.03.2014. Режим доступа: http://www.mofa.gov.tw/News_Content.aspx?n=052449DD01A26E24&sms=DF52F83A5B7D2A47&s=A6FB3AFD85E869D4 (дата обращения: 12.04.2014).

² Китайские фамилии и имена передаются в пекинском чтении иероглифов, принятом в китайско-русских словарях, в традиционной русской системе транскрипции, разработанной русскими китаеведами П.И. Кафаровым (Палладием) и В.П. Васильевым, т.е. имя в КНР пишется слитно, а на Тайване — через дефис.

³ Жэньминь Жибао. 08.11.2015.

мированию нового образа идентификации тайваньского населения среди молодежи, в среде которой стал прослеживаться антикитайский настрой.

В то время приток капитала из США достиг максимальной отметки (см. рис. 1). Более того, финансовые вливания сразу после выборов в 2001 г. были выше, чем в 2002 г. (2001 г. — 940 млн долл. США, 2002 г. — 600 млн долл.). В этом проявляется поддержка ДПП и лично Чэнь Шуй-бяня Вашингтоном и необходимость упрочения позиций нового президента в первые годы после выборов. В предвыборном 2003 г. также имело место увеличение притока инвестиций из США [Wu 2009].

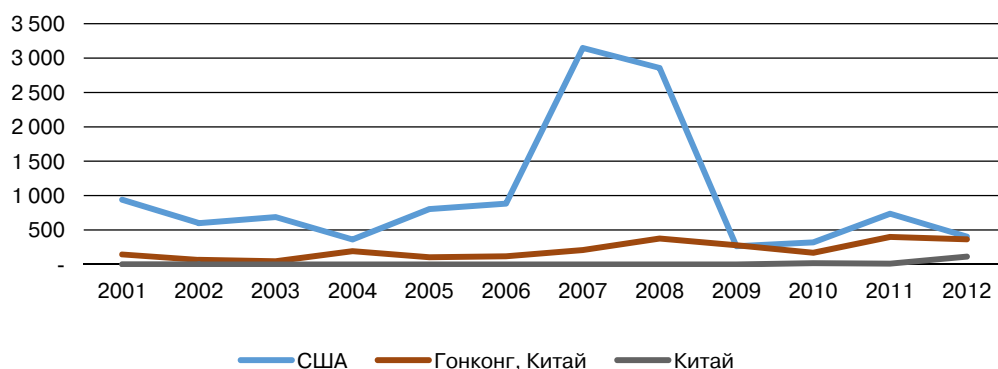

Рис. 1. Приток капитала на Тайвань из КНР, Гонконга, США в млн долл. США / **Fig. 1.** The inflow of capital to Taiwan from China, Hong Kong, the United States in million USD

Источник / Source: United Nations Conference on Trade and Development¹

Однако пиковое значение американских капиталовложений приходится на 2007 г., когда они выросли почти пятикратно. Данная динамика выявляет проблему сокращения безоговорочной поддержки ДПП населением в пользу Гоминьдана, что заставило США тратить значительно больше на поддержку Тайваня в условиях нагнетания напряженности в отношениях с КНР. В год очередных выборов (2008 г.) масштаб инвестиций США снизился до 2,857 млрд долл. США и уже в 2009 г. (на выборах 2008 г. победу одержала партия Гоминьдан) составил 264 млн долл.

Внешнеторговый оборот Тайваня с США (см. рис. 2) сохранял незначительный рост (до 2014 г.) с 2001 г. с небольшими флуктуациями (2001 г. — 46,543 млн долл., 2003 г. — 43,548 млн долл.). В год президентских выборов 2008 г. на Тайване внешнеторговый оборот упал до 57,117 млн долл. (в 2007 г. тот же показатель составлял 58,585 млн долл.), в 2009 г. — первый полноценный год президентства Ма Инь-цзю — индикатор упал до 41,706 млн долл. с последующим постепенным ростом [Chai 2008]. В 2014 г. данный показатель составил 62,288 млн долл.

¹ United Nations Conference on Trade and Development. URL: <http://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (accessed: 13.01.2017).

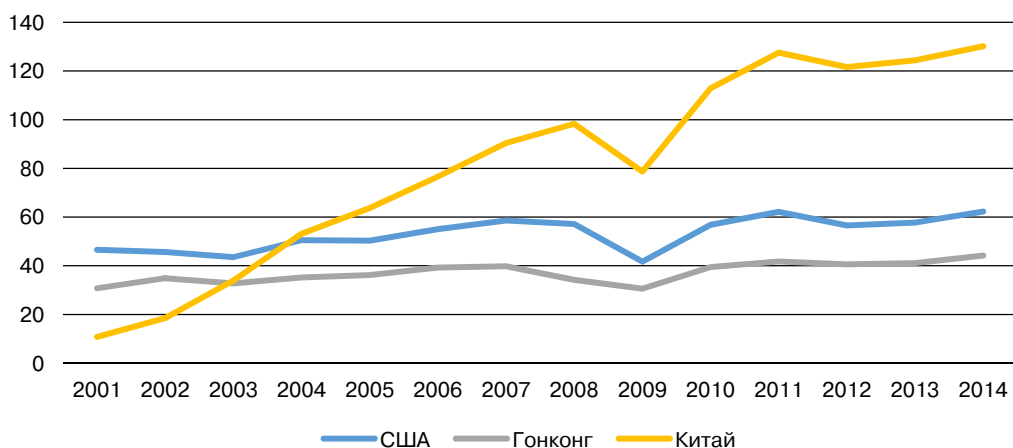

Рис. 2. Внешнеторговый оборот Тайваня с КНР, Гонконгом, США в млн долл. США / **Fig. 2.** Taiwan's foreign trade turnover with China, Hong Kong, the United States in million USD

Источник / Source: United Nations Conference on Trade and Development¹

Показательно, что в те же самые периоды внешнеторговый оборот Тайваня с КНР имел противоположную динамику, что обусловлено постепенной нормализацией отношений «двух берегов» и стремлением Пекина к диалогу. По мнению ряда экспертов, это является свидетельством использования экономических механизмов как средства политического воздействия Пекина на Тайбэй. К 2008 г. рассматриваемый показатель составил 98,273 млн долл. с последующим ростом и в 2014 г. — 130,158 млн долл. (если суммировать с долей внешнеторгового оборота Тайваня с Гонконгом, данный показатель возрастает до 174,375 млн долл.). 2008—2016 гг. — период президентства Ма Инь-цзю, чья политика была направлена на нормализацию отношений с материком.

Приведенный анализ позволяет увидеть политическую обусловленность торгово-экономических отношений Пекина и Тайбэя. Изменение и углубление сотрудничества Тайваня с КНР способствует росту экономических преференций для острова. Пекин стремится к формированию мирного диалога для экономического взаимодействия, превращая деловые отношения в рычаги налаживания политических отношений «двух берегов», т.е. безусловное доминирование экономической составляющей при потенциальном объединении Тайваня и КНР [Салицкий 2003].

Китайская Народная Республика за последние 4 года нахождения у власти на острове Гоминьдана (2012—2016 гг.) осуществила прорыв в отношениях с Тайванем, и прежде всего в торгово-экономической сфере. Огромное количество тайваньских компаний разного масштаба и направленности интегрированы в экономику КНР. Размещенные на материке их производства подпадают под юрисдикцию его гражданского, и не только, права. Разорвать это глобальное слияние, даже

¹ United Nations Conference on Trade and Development. URL: <http://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (accessed: 13.01.2017).

гипотетически, представляется недостижимой задачей в существующих условиях. По крайней мере, без неприемлемого для тайваньской стороны ущерба и с исключением разработки проектов силового присоединения острова [Верченко 2010, 2014; Ларин 2012; Трифонов 2010]. Китайские прямые и косвенные инвестиции уже стали безальтернативным элементом экономики «острова», и масштабные радикальные изменения со знаком минус будут чреваты глобальным экономическим дефолтом для Тайваня.

С другой стороны, с гуманитарной точки зрения, невозможно игнорировать тот факт, что многие интеллектуалы с острова разделяют посыл материка об общем единстве цивилизации ханьцев и наличии у них исключительного права претендовать на безусловное доминирование как минимум в Юго-Восточной Азии, а то и в Азиатско-Тихоокеанском регионе на основании их, ханьских, культурно-нравственных приоритетов, выпестованных ими же самими на протяжении тысячелетий [Балакин 2013: 224—225; Васильев 2012]. И это цивилизационное доминирование должно превалировать над внутрикитайскими (Китайская Народная Республика — Китайская Республика) социально-политическими разногласиями, длящимися всего-то несколько десятков лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Балакин В.И.* Тайвань в системе восточноазиатской интеграции КНР // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. Вып. XVIII. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 223—231.
- Васильев Л.Е.* Юго-Восточная Азия: США и Китай — от соперничества к противостоянию // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. Вып. XVII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 87—99.
- Верченко А.Л.* Возвращение Гоминьдана: некоторые итоги // Современный Тайвань. 2010. Вып. 11 (19). С. 24—37.
- Верченко А.Л.* Четвертое поколение руководства КПК: отношения через Тайваньский пролив и позиция России // Общество и государство в Китае: XLIV науч. конф. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2014. С. 281—291.
- Ларин А.Г.* Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 13—26.
- Малявин В.В., Чэнь Цзявэй.* Демократическая прогрессивная партия и особенности политического строя на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 118—129.
- Салицкий А.И.* КНР — Тайвань: перспективы экономической интеграции // Модернизация Тайваня и перспективы отношений с КНР: Сб. мат. науч. конф. ИМЭМО. М.: ИМЭМО РАН, 2003. С. 49—53.
- Трифонов В.И.* Пекин — Тайбэй: перспективы диалога // Современный Тайвань: Справ.-аналит. мат. 2010. Вып. 11 (19). С. 38—54.
- Bush R.* Taiwan's January 2016 Elections and Their Implications for Relations with China and the United States. The Brookings Institution, Asia Working Group. Paper 1, December 2015. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/taiwan-elections-china-us-implications-bush-FINAL-2.pdf> (accessed: 12.05.2017).
- Chai W.* Taiwan's 2008 Elections and Their Impact on U.S.-China-Taiwan Relations // Asian Affairs. 2008. Vol. 35. No. 2. P. 83—92. DOI: <http://dx.doi.org/10.3200/AAFS.35.2.83-94>.
- Mikheev V.* Mainland China — Taiwan relations in the light of globalization // Проблемы глобализации Тайваня: Мат. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 20—30.

Morrison W.M., Kan S.A. U.S.-Taiwan Relationship: Overview of Policy Issues. Congressional Research Service Report. December 11, 2014. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R41952.pdf> (accessed: 12.05.2017).

Saunders P.C. Long-term Trends in China-Taiwan Relations: Implications for U.S. Taiwan Policy // *Asian Survey*. 2005. Vol. 45. No. 06. P. 970—991. DOI: 10.1525/as.2005.45.6.970.

Wu J.S.-Y. Economics, Lobbying, and U.S. Congressional Support for Taiwan: Buying American Support, 2002—2006 // *Asian Survey*. 2009. Vol. 49. No. 2. P. 380—402. DOI: 10.1525/as.2009.49.2.380.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: *Лычагин А.И., Комаров И.Д.* Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 3. С. 530—538. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538.

Сведения об авторах: *Лычагин Александр Иванович* — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского (e-mail: kaf.vostok@mail.ru).

Комаров Игорь Дмитриевич — соискатель Казанского (Приволжского) федерального университета, инженер-лаборант Центра экспертизы и комплексного анализа Института международных отношений и мировой истории ННГУ, заместитель директора Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского (e-mail: igor.komarof@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538

THE TAIWAN QUESTION: EXTERNAL AND INTERNAL DETERMINANTS

A.I. Lychagin, I.D. Komarov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article is devoted to peculiarities of the Taiwan question, given a special position of the island in the modern system of regional and international relations. The specificity of the relations between the two shores of the Taiwan Strait, the domestic political struggle, a unique position in the regional system of Southeast Asia, regional and transregional integration processes provide a model for well-balanced interaction.

Constant vector of the PRC's policy towards the island, the formation of a new paradigm of Taiwan's "viable diplomacy", the change of investment flows of USA to Taiwan in periods of ruling of Kuomintang and DPP — distance the prospect of a military solution to the issue of the two shores.

The difficulty faced by one or the other leading party of Taiwan is determined by the structural differences in their programs relative (a key parameter) to mainland China. In the twenty-first century PRC demonstrates the high efficiency of economic instruments for reintegration. In addition to the restrictions, from the point of view of convergence of opposite sides, and, given the long-term prospects, most acceptable is the creation of preferential terms of trade and economic cooperation. This model is applicable by Beijing at the regional and transregional levels.

The authors conclude that Taiwan's economy closely connected with mainland China complements the civilizational message of the unity of the Han and their right to civilizational dominance in Southeast Asia and the Asia-Pacific region.

Key words: the Republic of China, Taiwan, China, the United States, trade and economic cooperation, foreign investment, the KMT, the Democratic Progressive Party

REFERENCES

- Balakin, V.I. (2013). Taiwan in the system of East Asian integration China. In: *China in world and regional politics. History and the present. Vol. XVIII*. Moscow: IFES RAS, p. 223—231. (in Russ.).
- Bush, R. (2015). *Taiwan's January 2016 Elections and Their Implications for Relations with China and the United States*. The Brookings Institution, Asia Working Group. Paper 1. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/taiwan-elections-china-us-implications-bush-FINAL-2.pdf> (accessed: 12.05.2017).
- Chai, W. (2008). Taiwan's 2008 Elections and Their Impact on U.S.-China-Taiwan Relations. *Asian Affairs*, 35 (02), 83—92. DOI: <http://dx.doi.org/10.3200/AAFS.35.2.83-94>.
- Larin, A.G. (2012). Cooperation of the Taiwan Straits: progress, problems, prospects. *The Far Eastern Affairs*, 4, 13—26. (in Russ.).
- Malyavin, V.V. & Chen, Jiawei (2012). The democratic progressive party and the political system in Taiwan. *The Far Eastern Affairs*, 6, 118—129. (in Russ.).
- Mikheev, V. (2001). *Mainland China — Taiwan relations in the light of globalization*. The Challenges of globalization in Taiwan: Scientific. Conf. December 8, 2000; Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, p. 20—30.
- Morrison, W.M. & Kan, S.A. (2014). *U.S.-Taiwan Relationship: Overview of Policy Issues*. Congressional Research Service Report. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R41952.pdf> (accessed: 12.05.2017).
- Salitskii, A.I. (2003). China — Taiwan: prospects for economic integration. Modernization of Taiwan and the prospects of relations with PRC: Materials of Scientific Conf. IMEMO; Moscow: IMEMO of RAS, p. 49—53. (in Russ.).
- Saunders, P.C. (2005). Long-term Trends in China-Taiwan Relations: Implications for U.S. Taiwan Policy. *Asian Survey*, 45 (06), 970—991. DOI: 10.1525/as.2005.45.6.970.
- Trifonov, V.I. (2010). Beijing to Taipei: prospects for dialogue. *Modern Taiwan: the informational-analytical materials*, 11 (19), 38—54. (in Russ.).
- Vasil'ev, L.E. (2012). Southeast Asia: the United States and China — from rivalry to confrontation. In: *China in world and regional politics. History and the present. Vol. XVII*. Moscow: Institute of far Eastern studies RAS, p. 87—99. (in Russ.).
- Verchenko, A.L. (2010). The return of the Kuomintang: some results. *Contemporary Taiwan*, 11 (19), 24—37. (in Russ.).
- Verchenko, A.L. (2014). *The Fourth generation of the CPC leadership: relations across the Taiwan Straits and the position of Russia. Society and state in China: XLIV Scientific. Conf. Part 1*; Moscow: IOS of RAS, p. 281—291. (in Russ.).
- Wu, J. S.-Y. (2009). Economics, Lobbying, and U.S. Congressional Support for Taiwan: Buying American Support, 2002—2006. *Asian Survey*, 49 (02), 380—402. DOI: 10.1525/as.2009.49.2.380.

Received: 14.06.2017

For citations: Lychagin, A.I., Komarov, I.D. (2017). The Taiwan Question: External and Internal Determinants. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 530—538. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538.

About the authors: *Lychagin Aleksandr Ivanovich* — Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Linguoculturology of Institute of International Relations and World History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (e-mail: kaf.vostok@mail.ru).

Komarov Igor' Dmitrievich — applicant of the Kazan (Privolzhsky) Federal University, engineer-laboratory assistant of the Center for Expertise and Comprehensive Analysis of the Institute of International Relations and World History of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, deputy director of the Institute of International Relations and World History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (e-mail: igor.komarof@gmail.com).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-539-554

ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ: ОПЫТ СТРАН АСЕАН И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Т.Ю. Шалденкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Обращение к опыту догоняющего развития стран АСЕАН становится актуальным в условиях проведения Россией импортозамещения и «разворота на Восток» в геополитике. Цель данной работы — выявление перспектив отечественного догоняющего развития на основе анализа теоретических аспектов модели «летающих гусей» и их практического применения в странах АСЕАН и России.

В работе приведены теоретические основы догоняющего развития в рамках модели «летающих гусей» (МЛГ) в трудах К. Акамацу, Р. Вернона, К. Коджимы, описаны ее основные стадии. Рассмотрены меры промышленной, торговой, инвестиционной политики стран АСЕАН, применявшиеся на начальных ступенях реализации МЛГ и современные аспекты их экономического развития. На основе изучения опыта стран АСЕАН показана необходимость обширного государственного вмешательства в экономику, прежде всего в начале догоняющего развития. Использовались материалы МВФ, ЮНКТАД, АСЕАН, данные Федеральной службы государственной статистики России, Федеральной таможенной службы России, программы Правительства России в области импортозамещения.

Проанализированы достижения и проблемы российской политики импортозамещения в сфере сельского хозяйства, промышленности, IT-технологий. Сформулированы факторы, затрудняющие отечественное развитие в рамках МЛГ: низкая норма валового накопления, большой износ основных фондов, отток капитала из страны, недостаточная монетизация экономики, высокие ставки по кредитам, девальвация национальной валюты, изъяны в товарной и географической структуре внешней торговли.

Даны рекомендации по решению сложившихся проблем путем стимулирования совокупного спроса и развития высокотехнологичного экспорта. Привлечено внимание к возможностям применения отдельных элементов модели в условиях пространственной неоднородности и крупных масштабов экономики России. Затронуты возможности переноса экономической деятельности предыдущего цикла на менее развитые территориальные единицы, а также создания специальных экономических зон как территорий «локальной открытости» экономики на основе опыта стран АСЕАН.

Ключевые слова: догоняющее развитие, модель «летающих гусей», АСЕАН, импортозамещение, экономика России

Впечатляющие успехи догоняющего развития, достигнутые рядом участниц АСЕАН (Ассоциации стран Юго-Восточной Азии) за полвека ее существования послужили предметом многочисленных научных исследований [Terry 1996; Burkett, Hart-Landsberg 2000; Kojima 2000; Ozawa 2009; Kasahara 2013]. Модель «летающих гусей», разработанная японским экономистом Канаме Акамацу

в 30-е гг. XX в. и показывающая феномен «подхвата» индустриализации развивающимися странами, комплексно характеризует догоняющее развитие. Первоначально иллюстрировавшая взаимодействие развивающейся Японии с развитыми странами Запада, она оказалась весьма продуктивной для объяснения механизма экономического роста азиатских новых индустриальных стран (НИС) первой и второй волны во взаимодействии с более развитыми партнерами. Модель применяется и для анализа интеграционных процессов в других регионах, в том числе в Европе применительно к отношениям «центр — периферия» в рамках расширенного ЕС [Шалденкова 2007].

Точное следование азиатской модели представляется маловероятным для России. Различаются хронологические рамки и стартовые условия догоняющего развития [Троекурова 2004], масштабы экономик стран АСЕАН и России [Воронцовский, Ефимова 2016], накладывают отпечаток и современные геополитические условия.

С другой стороны, курс на импортозамещение, а также «разворот на Восток», заставляют по-новому взглянуть на современное экономическое развитие России. Поскольку политика импортозамещения является разновидностью догоняющего развития, обращение к опыту стран АСЕАН в рамках МЛГ представляется оправданным с целью выявления параметров, обеспечивающих переход к более развитым моделям внешнеэкономического взаимодействия и повышению уровня экономического развития. В то же время усиление азиатского вектора в геополитике, в том числе в рамках евразийского партнерства¹, которое подразумевает сотрудничество между ЕАЭС, Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), также является основанием для поиска общих направлений развития.

Цель работы — выявление перспектив отечественного догоняющего развития на основе анализа теоретических аспектов модели «летающих гусей» и их практического применения в странах АСЕАН и России.

В основе проведения исследования лежат методы анализа и синтеза, дедукции, моделирования, построения аналогий. В качестве материалов были использованы статистические отчеты международных экономических организаций — World Economic Outlook, World Investment Report, а также региональные отчеты АСЕАН — ASEAN Community in Figures, ASEAN Yearbook on International Merchandise Trade in Goods, статистические данные Федеральной службы государственной статистики России, программы Правительства России в области импортозамещения.

Структурно статья поделена на 3 блока: в первом приведены теоретические основы догоняющего развития в рамках модели «летающих гусей»; во втором показано применение модели «летающих гусей» в экономической политике стран АСЕАН; в третьем сформулированы достижения и проблемы российской политики импортозамещения.

¹ Заявление президента Российской Федерации от 15.05.2017 г. // Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент). Режим доступа: http://www.rupto.ru/press/news_archive/inform2017/PutinIP (дата обращения: 10.06.2017).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ В РАМКАХ МОДЕЛИ «ЛЕТЯЩИХ ГУСЕЙ»

Догоняющее развитие можно определить как стратегию, призванную преодолеть отставание страны по уровню развития. Как правило, в литературе выделяют импортозамещающую и экспортоориентированную модели догоняющего развития [Мировая экономика 2007: 109—111]. Импортозамещающая модель сложилась в послереволюционной России, позже — в других социалистических государствах, в крупных странах Латинской Америки и Азии (Аргентине, Бразилии, Мексике, Индии, Пакистане). Частично модель применялась многими развитыми странами в период после Великой депрессии. В основе модели лежит протекционизм, часто подкрепленный государственной монополией внешней торговли.

Экспортоориентированная модель предполагает ориентацию создаваемых отраслей преимущественно на внешний рынок, что могло сочетаться с активным привлечением к экспортному производству иностранного капитала. В ряде случаев экспортная ориентация совмещалась с элементами импортозамещающей модели с ограничением доступа конкурирующих товаров и капиталов на внутренний рынок. Подобная модификация модели была применена Японией, затем Южной Кореей, а далее — КНР. В наиболее чистом виде модель использовали те новые индустриальные страны, которые не могли создать многоотраслевой уклад в силу малого масштаба экономики (Сингапур, Гонконг).

Пространственно-временное взаимодействие импортозамещающей и экспортоориентированной стратегий нашло отражение в модели «летающих гусей» (МЛГ). Своим названием модель обязана графическому изображению последовательно формирующихся стадий импорта, внутреннего производства, экспорта некоторого продукта (или шире — продукции некоторого промышленного сектора) в виде U-образных кривых, удаленных друг от друга на определенный временной интервал (см. рис. 1).

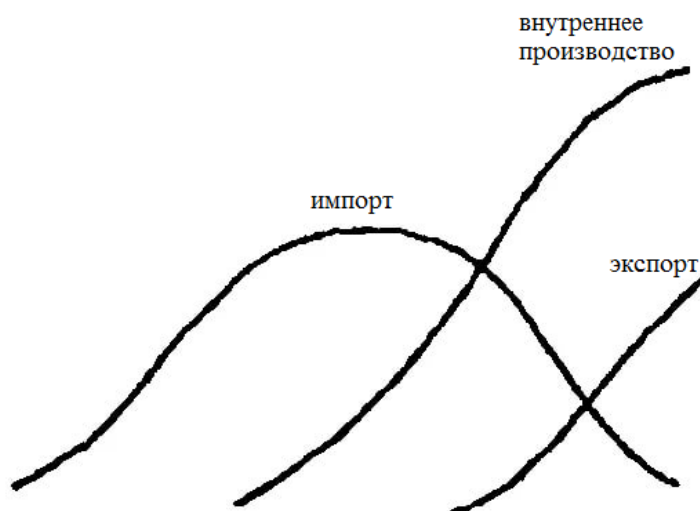

Рис. 1. Модель «летающих гусей» /
Figure 1. Flying geese paradigm

Акамацу разработал стилизованную четырехстадийную модель, показывающую развитие торгового взаимодействия типичной развивающейся страны в ходе «подхвата» индустриализации для товарных групп — «потребительские товары», «инвестиционные товары», «сырье» [Akamatsu 1962: 14—15].

На первом этапе экспорт в основном носит сырьевой характер, импорт представлен товарами потребительского назначения. Этот этап характеризуется необходимостью ввоза потребительских товаров для удовлетворения внутреннего спроса, производство которых внутри страны не ведется. В то же время, поддержание платежного баланса требует осуществления экспорта сырья, как правило, в страны дальнего зарубежья с более высоким уровнем развития для покрытия импортных издержек.

Второй этап характеризуется преобладанием импорта в большей степени инвестиционных и сырьевых, нежели потребительских товаров, а также сырьевого экспорта с некоторым присутствием потребительских товаров. На данном этапе начинает развиваться импортозамещающее производство потребительских товаров, нуждающееся в импортном оборудовании и сырье.

На третьем этапе в экспорте преобладают потребительские товары с некоторым присутствием инвестиционных, а в импорте — инвестиционные товары и сырье. Эта стадия характеризуется возможностью экспорта излишков потребительской продукции, как правило, в соседние страны. Начинается производство инвестиционных товаров.

На четвертом этапе расширяется экспорт инвестиционных товаров, в основном, в развивающиеся страны, а в импорте присутствуют потребительские, инвестиционные и сырьевые товары. Импортозамещающая модель развития трансформируется в экспортно-ориентированную.

Модель иллюстрирует историческое явление «диалектического динамизма», включающего периоды конвергенции сравнительных издержек, обуславливающих торговлю (на стадии «подхвата» индустриализации развивающимися странами), и периоды их дивергенции (по мере разработки развитыми странами инноваций для сохранения лидерских позиций). В 1940-е гг. Акамацу разработал концепцию перемещения промышленных производств в развивающиеся страны в процессе их «подтягивания» к уровню развитых. В целом модель показывает обоюдные преимущества от торгового взаимодействия в ходе промышленного развития. Непотъемлемым условием догоняющего развития становится активная регулирующая роль государства.

Последующее развитие модели связано с теорией жизненного цикла продукта Р. Вернона [Vernon 1966: 190—207], разработанной применительно к условиям функционирования отдельной фирмы, а также рассматривающей прямые зарубежные инвестиции, следующие за стадией экспортной ориентации. В дальнейшем, Коджима [Kojima 2000: 375—401] расширяет предмет теории, объясняя национальное развитие и сопутствующие ему изменения в торговле пропорциями факторов производства в соответствии с теоремой Хекшера-Олина. Центральное место в аргументации Коджимы занимает феномен динамического накопления

капитала, возможного благодаря высокой норме валового сбережения. По мере импорта инвестиционных товаров возрастает капиталовооруженность труда и акцент в производственной системе смещается на производство капиталоемкой продукции.

ОПЫТ СТРАН АСЕАН В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Важнейшим фактором структурной перестройки и индустриализации НИС второй волны (Индонезия, Малайзия, Таиланд) на первых стадиях МЛГ стало проведение активной государственной политики, несмотря на более мягкое регулирование по сравнению с Японией и Южной Кореей.

Промышленная политика включала административное управление и регулирование стратегических отраслей и фирм (*selective industrial policy*). Данные меры были призваны ограничить доступ иностранной конкуренции в отдельные отрасли и включали кредитные, производственные, налоговые, экспортные субсидии, преференциальное лицензирование, международное техническое содействие, обучение персонала [UNCTAD 2009: 151]. Отметим, что защита зарождающихся отраслей сочеталась с жесткими условиями по достижению намеченных параметров по экспорту в течение ограниченного временного интервала.

Торговая политика опиралась на применение импортного тарифа и нетарифных методов регулирования торговли, равно как и на стимулирование экспорта. Тарифные меры были призваны уменьшить давление внешней конкуренции и облегчить импорт инвестиционных товаров. Типичными мерами нетарифного регулирования были запреты на импорт, импортные квоты, лицензирование. В более широком понимании, к нетарифным мерам можно также отнести государственные закупки отечественных товаров и политику установления конкурентоспособных, зачастую заниженных обменных курсов. Предполагалось, что отечественные производители смогут устанавливать более высокие цены на их импортозамещающую продукцию и обеспечить более высокие зарплаты, стимулирующие перемещение рабочей силы в приоритетные отрасли. Стимулирование экспорта подразумевало проведение мероприятий международного маркетинга агентствами по поощрению экспорта (*export promotion agencies*), гарантирование экспорта, менеджмент контроля качества, создание экспортных производственных зон [UNCTAD 2009: 151].

Меры по торговому регулированию, помимо обеспечения индустриализации, преследовали две другие цели: корректировку платежного баланса и увеличение национального дохода. Первая цель достигалась путем сокращения импорта, наращиванием экспорта, либо двумя методами сразу. Реализация второй цели происходила через формирование бюджетных поступлений от импортных, а иногда и экспортных пошлин, что играло существенную роль в условиях ограниченных внутренних источников налоговых поступлений.

Инвестиционная политика включала управление внутренними и иностранными инвестициями с оказанием целевой финансовой помощи определенным отрас-

лям и фирмам. С конца 1980-х происходит создание экспортно-производственных зон (ЭПЗ) с целью интеграции в региональную и глобальную торговые системы. В ЭПЗ иностранным фирмам предоставлялись преференции, например, частичное или полное освобождение от уплаты налога на прибыль корпораций.

Примером обозначенных направлений регулирования может послужить принятие Генерального промышленного плана (The Industrial Master Plan) Малайзии в середине 1980-х, закрепившего инициативы по технологическому усовершенствованию и отечественному происхождению материальных ресурсов стратегических фирм. В Таиланде успешно применялись тарифные методы регулирования торговли для развития определенных секторов. В Индонезии происходило активное государственное регулирование в авиации, автомобильной промышленности, судостроении и сталелитейной промышленности. Широкое распространение в НИС второй волны экспортно-производственных зон не исключало ограничений иностранной конкуренции в приоритетных отраслях. Сингапур, принадлежащий к первой волне НИС, целиком придерживался государственно-управляемой экспортоориентированной экономики.

Обращаясь к современным характеристикам экономического развития стран АСЕАН, отметим, сегодня ПИИ (прямые иностранные инвестиции) в регион Юго-Восточной Азии в среднем увеличиваются незначительно (1% в 2015 г.), при этом низкие объемы ПИИ в более развитые страны региона уравниваются взлетом инвестиций в страны с низким уровнем дохода. Последнее свидетельствует об очередном динамическом сдвиге в рамках МЛГ, когда, по мере роста доходов, получатели инвестиций в более развитых странах теряют свои конкурентные преимущества в издержках производства, особенно в трудоемких отраслях промышленности. Инвестиции в Сингапур, основную страну — реципиент зарубежных инвестиций, экономические успехи которой напрямую были связаны с политикой привлечения инвестиций, сократились на 5%, общий объем инвестиций в новое производство сократился на 4 млрд долл.¹ ПИИ в Индонезию сократились на 29%. В то же время инвестиции в Таиланд возросли в 3 раза, а приток ПИИ в Мьянму увеличился на 200%. Во многом этот скачок связан с подписанием соглашения правительствами Мьянмы и Таиланда о развитии свободной экономической зоны (СЭЗ) Давэй. Создание подобных промышленных зон способствует притоку ПИИ как в инфраструктуру, так и в промышленность [UNCTAD 2016: 46—47].

Сокращение ПИИ в промышленность КНР, несмотря на их общий рост (6%) в 2015 г., связанное с повышением производственных издержек, обусловленных ростом уровня заработной платы, особенно в прибрежных районах, несомненно, открывает новые перспективы для перемещения инвестиций в развивающиеся страны Юго-Восточной Азии с более дешевыми факторами производства. Наблюдаемый сегодня рост ПИИ во Вьетнам обусловлен стремлением ведущих ТНК в сфере электроники расширять производственные мощности в данной стране. Самсунг, крупнейший инвестор во Вьетнам, осуществивший инвестиции в произ-

¹ Сингапур является безусловным лидером стран АСЕАН по объему накопленных прямых инвестиций, выросших с 135 млрд долл. до 257 млрд долл. в 2009—2014 гг.

водственные мощности технопарка Сайгона в размере 1,4 млрд долл. США, объявил о дальнейшем расширении инвестиций. В результате, Самсунг производит во Вьетнаме больше мобильных телефонов, чем в КНР [UNCTAD 2016: 45—47].

Структура внешней торговли АСЕАН в последние десятилетия претерпела изменения, описанные в МЛГ и связанные с ростом экспорта, а также импорта капиталоемкой продукции, а также с усилением внутрирегиональных связей. Сегодня в товарообороте АСЕАН преобладает внутрирегиональная торговля (около 24%), на КНР приходится 15,2%, Японию — 10,5%, ЕС — 10%, США — 9,4%. Товарная структура экспорта и импорта схожи с преобладающим значением позиций «машины и оборудование» (23,6% экспорта, 20,3% импорта), «ядерные реакторы, котлы, механические устройства» (11% экспорта, 11,9% импорта), «минеральные продукты» (10,9% экспорта, 13,1% импорта), «транспортные средства» (3,4% и 3,2% соответственно)¹.

В целом, временные рамки, скорость, последовательность стратегической интеграции в мировую экономику, обеспечивающей продвижение в рамках МЛГ, рассматривались азиатскими государствами с позиций поддержки национальных интересов по обеспечению экономического роста и структурной перестройки. Несмотря на то что многие из перечисленных мер проводились на ранних стадиях «подхвата индустриализации» и со временем были модифицированы или отменены, государство по-прежнему играет существенную роль в экономическом развитии. С исчезновением «преимущества отсталости»² перед государствами встают новые задачи по удержанию достигнутых позиций.

ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Активная фаза политики импортозамещения в России начинается в 2014 г. в ответ на западные санкции, хотя отдельные ее элементы рассматривались и ранее в стратегии перехода к «экономике предложения», ориентированной на внутренний рынок [Акаев 2012: 97—116]. В 2014 г. был разработан ряд законодательных актов, в том числе государственная программа № 328 «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности от 15.04.2014», направленная на развитие процесса локализации и регламентирующая распределение финансовых ресурсов для ускоренного развития промышленности, и «Программа поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования» от 11 октября 2014 г. № 1044, создающая условия для расширения применения компаниями и коммерческими банками механизма проектного финансирования (финансирования инвестиционных проектов, при котором источником обслуживания долговых обязательств являются денежные по-

¹ ASEAN Community in Figures // The ASEAN Secretariat, Jakarta, 2016; ASEAN Yearbook on International Merchandise Trade in Goods // The ASEAN Secretariat, Jakarta, 2016.

² Под «преимуществом отсталости» (the advantage of backwardness) в данном случае понимаются возможности использования уже готовых ноу-хау развитых стран без осуществления затрат на исследования и разработки новых технологий.

токи, генерируемые проектом). Помимо программы импортозамещения в сельском хозяйстве были сформулированы программы импортозамещения в сфере информационных технологий и машиностроения¹.

Рассматриваемые меры привели к определенным результатам. В 2015 г. объем отечественной сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке составил около 88,7%, что стало выше порогового значения (80%), установленного Доктриной продовольственной безопасности, принятой в 2010 г. В январе—апреле 2016 г. экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) в страны дальнего зарубежья составил 3 947 785 тыс. долл., в страны СНГ — 1 162 047 тыс. долл. За тот же период 2017 г. эти цифры возросли до 4 345 066 тыс. долл. и 1 460 013 тыс. долл. соответственно. Импорт продукции рассматриваемой товарной группы также увеличился с 6 544 002 тыс. долл. до 7 251 943 тыс. долл. из стран дальнего зарубежья и с 1 128 643 тыс. долл. до 1 554 849 тыс. долл. из стран СНГ². В то же время следует обратить внимание на отрицательное сальдо как со странами дальнего, так и ближнего зарубежья.

Серьезными проблемами развития аграрно-промышленного комплекса являются следующие: перспектива снижения глобального спроса на сельскохозяйственную продукцию в условиях низких темпов роста мировой экономики; рост оптовых и розничных цен на продукцию пищевой промышленности, связанный с ростом тарифов естественных монополий, ценовой политикой торговых сетей, высокими ставками обслуживания банковских кредитов, таможенными пошлинами на импортируемое оборудование; снижение потребительского спроса, связанное с ухудшением платежеспособности населения; повышение цен российскими сельхозпроизводителями вследствие частичной монополизации в условиях действующих «санкций» и «контрсанкций»; высокая зависимость многих пищевых производств от импортных поставок сырья, оборудования, технологий, упаковочной и полиграфической продукции; сокращение площадей продуктивных сельскохозяйственных угодий; криминализация сельского хозяйства, обусловленная ростом объемов бюджетного финансирования отрасли; низкая заработная плата работников сферы сельского хозяйства, составившая 16 тыс. руб. в месяц на 2016 г. [Таровик 2016: 131—135].

В сфере машиностроения, на фоне общего спада в отрасли в 2016 г., положительная динамика производства была зафиксирована в подотраслях «производство бытовых приборов, не включенных в другие группировки» и «производство медицинских изделий, средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования; часов». Самый высокий прирост наблюдался в сельскохозяйственном машиностроении за счет господдержки предприятий подотрасли, фактора импортозамещения, а также улучшения финансового

¹ Официальный сайт импортозамещения в России. Режим доступа: <http://zimport.ru/programma-pravitelstva-po-importozameshheniyu-do-2020-goda> (дата обращения: 10.06.2017).

² Таможенная статистика внешней торговли России // Портал Федеральной таможенной службы. Режим доступа: http://customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=52&Itemid=1978&limitstart=50 (дата обращения: 10.06.2017).

состояния сельхозпроизводителей. Доля отечественных комбайнов, тракторов, сеялок и прочих сельхозмашин на внутреннем рынке по итогам 2016 г. превышала половину, тогда как иностранные производители контролировали в 2013 г. три четверти рынка. Значительный рост доли отечественных предприятий на внутреннем рынке наблюдается с 2013 г., когда правительством была запущена программа субсидирования производителей техники, в соответствии с которой государство компенсирует от 25 до 30% ее стоимости¹. Согласно проекту стратегии развития экспорта сельхозтехники, разработанного Минпромторгом, экспорт продукции сельхозмашиностроения к 2025 г. может вырасти с господдержкой вчетверо до 30,2 млрд руб.²

В сфере IT-технологий можно отметить наличие крупных российских игроков IT-рынка (Acronis, Veeam, Parallels, Jetbrains, Nginx, 1С, Kaspersky, Abbyu, CFT, Prognoz, Yandex, Mail.Ru, Ecwid, Acumatica, Drweb, Spirit, MightyCall), осуществляющих широкий спектр IT-решений. Кроме того, нельзя отрицать конкурентные преимущества российского программного обеспечения в оборонной и тяжелой промышленности. К новым достижениям можно отнести запуск предсерийного производства первой массовой модели компьютера Эльбрус 101-PC в 2017 г.; расширение сотрудничества «Мечел» и «1С», призванного содействовать импортозамещению в промышленности. Несмотря на перечисленные успехи, зависимость от импортного программного обеспечения в России крайне высока: операционные системы Windows, IOS, Android лишают российские аналоги возможности занять существенную долю рынка³.

Тем не менее, можно выделить ряд факторов, затрудняющих проведение политики импортозамещения и экономическое развитие страны. Прежде всего, наращивание внутреннего производства в России затруднено высокой степенью износа основных фондов, достигавшей в среднем 47,7% , низким коэффициентом их обновления — около 4,5%, низкими расходами на НИОКР — 1,1% ВВП в 2015 г.⁴ В свою очередь, обновление основных фондов напрямую связано с проблемой трансформации сбережений в инвестиции. При наличии на протяжении прошлого десятилетия высокой нормы валового сбережения (31—37%), обусловленной прежде всего хорошей конъюнктурой на рынке энергоносителей, в стране наблюдалась низкая норма валового накопления — чуть выше 20% [Мировая экономика 2007: 792]. Для сравнения, в развивающихся странах Азии значения нормы вало-

¹ Аналитический бюллетень: Машиностроение: тенденции и прогнозы. Итоги 2016 г. Режим доступа: <http://riarating.ru> (дата обращения: 10.06.2017).

² О проекте стратегии развития экспорта сельхозтехники // Портал Российской ассоциации производителей специализированной техники и оборудования. Режим доступа: <http://rosagromash.ru/rosspetsmash-v-smi/1528-strategiya-razvitiya-dlya-selkhozmasinostroeniya> (дата обращения: 20.06.2017).

³ Официальный сайт импортозамещения в России. Режим доступа: <http://zimport.ru/programma-pravitelstva-po-importozameshheniyu-do-2020-goda> (дата обращения: 10.06.2017).

⁴ Эффективность экономики России // Портал Федеральной службы государственной статистики. Росстат. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency (дата обращения: 10.06.2017).

вого сбережения и накопления достаточно близки и в настоящее время превышают 40% по обоим показателям [World Economic Outlook 2016: 255]. Парадоксально, что при острой нехватке инвестиций в отечественном платежном балансе наблюдается устойчивое отрицательное сальдо по счету операций с капиталом.

Отметим, что не следует переоценивать роль прямых иностранных инвестиций в процессе капиталообразования, так как последние, как правило, составляют малую долю валового накопления в крупных странах. Кроме того, этот источник инвестиций весьма чувствителен к ухудшению экономической и геополитической обстановки, что подтверждается оттоком прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из России в последние годы. По данным отчета «World Investment Report» (2016 г.), в 2015 г. ПИИ в Россию сократились на 66% и в основном были представлены реинвестированием прибыли, тогда как другие их формы фактически не осуществлялись. Крупные ТНК, особенно в промышленности (General Motors) и банковской сфере (Deutsche Bank, Raiffeisen Bank) сократили свое присутствие. В 2015 г. ConocoPhillips, одна из первых начавшая инвестирование в нефтегазовую отрасль России, полностью изъяла свои вложения из страны. Законодательное ограничение присутствия ПИИ во всех СМИ в размере 20% также привело к масштабному изъятию инвестиций. Произошло резкое сокращение инвестиционных потоков, проходящих через оффшорные зоны: накопленные инвестиции из Кипра — основного инвестора в Россию и получателя отечественных инвестиций, сократились на 50%. Намечился перелив оффшорных инвестиций в третьи страны, что можно проследить на примере резкого сокращения инвестиций Британских Виргинских островов [UNCTAD 2016: 59—60].

Следующим фактором, тормозящим инвестиционные процессы в России, является несбалансированность монетарной политики. Низкое значение коэффициента монетизации (отношение агрегата М2 к ВВП), составившее в 2016 г. 44,5%, обусловленное политикой сдерживания инфляции, привело к ограничению кредитных ресурсов экономики и способствовало формированию завышенной ключевой ставки. В настоящее время, несмотря на ее снижение до 9% с 19.06.2017 г.¹, ставка значительно превышает аналогичный показатель ведущих зарубежных стран [Кротов, Мунтиян 2015: 17—26]. На протяжении прошлого десятилетия средняя рентабельность в промышленности (11,8%) была ниже среднего значения ставки рефинансирования (12%), что привело к нецелесообразности привлечения отечественных кредитных средств для инвестирования в основные фонды и обращению фирм к зарубежным кредитным источникам [Мировая экономика 2007: 794]. Наконец, ослабление курса рубля стало еще одной причиной, осложняющей ситуацию с развитием промышленности, поскольку импортные машины и оборудование, необходимые для реновации основных фондов, стали относительно более дорогими. Преимущества для российских экспортеров в связи с девальвацией руб-

¹ Банк России принял решение снизить ключевую ставку до 9,00% годовых // Портал Центрального банка Российской Федерации. Режим доступа: http://cbr.ru/press/pr.aspx?file=16062017_133001keyrate2017-06-16T13_21_27.htm (дата обращения: 20.06.2017).

ля были распределены между узким кругом отраслей (топливно-энергетический комплекс, металлургия), и в значительной мере нивелированы снижением мировых цен на сырье.

Сдерживание роста денежной массы, высокая ставка рефинансирования, слабый рубль, урезание госрасходов и совокупного спроса являются приоритетами неолиберальной доктрины, отвечающей рекомендациям международных финансовых организаций по рыночной трансформации экономики. Отметим, что руководства стран Юго-Восточной Азии отнеслись к подобным инструкциям в 1997 г. достаточно критически. Многие исследователи отметили, что именно этот факт стал причиной достаточно быстрого восстановления экономик стран региона (за исключением Индонезии).

Современная внешняя торговля России характеризуется сырьевой направленностью экспорта и промышленной — импорта, а также перекосом в географии внешней торговли в пользу стран дальнего зарубежья. Анализ статистики внешней торговли России показывает тенденцию сокращения товарооборота с 2013 по 2016 г.¹ В начале 2017 г. наблюдалась положительная динамика: внешнеторговый оборот увеличился на 32% по сравнению с 2016 г.²

В январе—марте 2017 г. 80,9% стоимостного объема российского экспорта приходилось на топливно-энергетические товары, металлы и изделия из них, продукцию химической промышленности и каучук. За рассматриваемый период в структуре экспорта увеличился удельный вес топливно-энергетических товаров, металлов и изделий из них, снизилась доля продукции химической промышленности и каучука, машин, оборудования и транспортных средств, продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, древесины и целлюлозно-бумажных изделий. По сравнению с предыдущим годом, экспорт топливно-энергетических товаров увеличился на 48,2% до 53,4 млрд долл. США, вместе с тем доля данной товарной группы выросла на 5,4 процентных пункта до 64,1%. Положительная динамика обусловлена как увеличением средних контрактных цен, так и физических объемов поставок природного газа и нефтепродуктов. Доля высокотехнологичной продукции в товарной структуре экспорта России сегодня не превышает 3% [Kuhrt, Feklyunina 2017: 21—25].

В товарной структуре российского импорта преобладают машины, оборудование и транспортные средства, продукция химической промышленности и каучук, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (77,8% в январе—марте 2017 г.). В первые месяцы 2017 г. происходило увеличение удельного веса машин, оборудования и транспортных средств, металлов и изделий из них, уменьшение доли продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, древеси-

¹ Таможенная статистика внешней торговли // Портал Федеральной таможенной службы. Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=53&Itemid=1981 (дата обращения: 10.06.2017).

² Статистика внешней торговли России // Портал внешнеэкономической информации. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/monthly_trade_russia (дата обращения: 20.06.2017).

ны и целлюлозно-бумажной продукции, текстиля, изделий из него и обуви; топливно-энергетических товаров по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года.

В географической структуре внешней торговли России особое место занимает Европейский союз (ЕС), доля которого в товарообороте в январе—марте 2017 г. составила 45,3%. На втором месте — страны Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) с удельным весом 29,7%. Товарооборот со странами СНГ составляет 11,8%. Крупнейшим внешнеторговым партнером России является Китай (14,3% торгового оборота). В целом страны дальнего зарубежья являются главными торговыми партнерами России. В январе—марте 2017 г. их доля в товарообороте составила 88,2%, в экспорте — 88,0%, в импорте — 88,5%¹.

Относительно «разворота на Восток» отметим, что в январе—апреле 2017 г. оборот торговли с Китаем вырос на 37% в сравнении с этим же периодом 2016 г., с Кореей — на 36%, с Японией — на 6%, с Монголией — на 31%. Однако объемы торговли не достигают показателей 2014 г. и даже 2013 г. Так, торговый оборот с Китаем в январе—апреле 2017 г. на 14% ниже этого показателя в 2013 г., с Кореей — на 29%, с Японией — на 52%, с Монголией — на 77%. Доля рассматриваемых стран в структуре внешней торговли России за 4 года выросла с 17,8% до 20,9%, что связано с падением объемов торговли с западными странами². Сложности «переориентации на Восток» во многом обусловлены неэффективной товарной структурой российского экспорта.

Анализ теоретических и практических аспектов МЛГ применительно к современным российским условиям позволяет сделать следующие выводы. Осуществление политики импортозамещения, проводимой в последние годы в России, делает возможным построение аналогий со второй ступенью МЛГ. Важнейшим фактором успешного развития стран АСЕАН в рамках МЛГ стало проведение на начальных ступенях догоняющего развития промышленной, торговой, инвестиционной политики, направленной на защиту отечественного производства и развитие экспорта. Несмотря на применение ряда аналогичных мер в ходе реализации российской политики импортозамещения (отметим, в частности, программу субсидирования производителей сельскохозяйственной техники), факторами, сдерживающими экономическое развитие, стали низкая норма валового накопления, большой износ основных фондов, отток капитала из страны, недостаточная монетизация экономики, высокие ставки по кредитам, девальвация национальной валюты, перекосы в товарной и географической структуре внешней торговли. Результаты применения импортозамещения в России пока носят фрагментарный характер.

¹ Статистика внешней торговли России // Портал внешнеэкономической информации. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/monthly_trade_russia (дата обращения: 20.06.2017).

² Россия: экономический разворот на Восток оказался фикцией // geo-politica.info. Режим доступа: <http://geo-politica.info/rossiya-ekonomicheskij-razvorot-na-vostok-okazalsya-fiktsiy.html> (дата обращения: 20.06.2017).

Сложившиеся экономические проблемы, скорее всего, могут быть решены путем следования принципам кейнсианского макрорегулирования со стимулированием совокупного спроса, даже при дефиците бюджета. Особое значение в данных условиях приобретает увеличение агрегата «чистый экспорт» прежде всего за счет развития его наиболее перспективных форм. На состоявшемся в июле 2017 г. бизнес-форуме «Как преодолеть барьеры и реализовать экспортный потенциал импортозамещающей продукции», в котором приняли участие представители федеральных органов исполнительной власти и компаний-экспортеров, заместитель руководителя Федеральной таможенной службы России Т. Голендеева акцентировала внимание на том, что поддержка экспорта — одно из приоритетных направлений деятельности таможенных органов¹.

Существенное значение при проведении аналогий с МЛГ представляет фактор крупного масштаба и пространственной неоднородности экономики России [Межевич, Шалденкова 2016: 216—219]. Сочетая гипериндустриальные, индустриальные и доиндустриальные районы [Артоболевский, Бакланов, Трейвиш 2009: 103—108], территория России представляет потенциальную площадку для реализации отдельных элементов МЛГ внутри одной страны путем переноса экономической деятельности предыдущего цикла на менее развитые территориальные единицы. С другой стороны, невозможные для применения на территории всей страны меры внешнеэкономической политики вполне могут быть реализованы в отдельных регионах. Примером может служить создание специальных экономических зон как территорий «локальной открытости» экономики, широко применяемое в странах АСЕАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акаев А.* О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года // Вопросы экономики. 2012. № 4. С. 97—116.
- Артоболевский С.С., Бакланов П.Я., Трейвиш А.И.* Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 2. С. 101—123.
- Воронцовский А.В., Ефимова Е.Г.* Крупные открытые экономики: типологизация и проблемы анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика. 2016. № 2. С. 27—51.
- Кротов М.И., Мунтиян В.И.* Об антикризисной монетарной стратегии экономического развития России // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 131—144.
- Межевич Н.М., Шалденкова Т.Ю.* Межтерриториальные связи в формировании экономического пространства Европы: вопросы теории и практики. СПб.: Академия исследования культуры. Серия «Университетская наука», 2016.
- Мировая экономика: Учебник / Под ред. А.С. Булатова. М.: Юрист, 2007.
- Таровик Е.В.* Актуальные проблемы развития сельского хозяйства России. Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности: Сб. науч. тр. М.: Научный консультант, 2016. С. 131—135.
- Трокурлова И.С.* Новая стадия в «догоняющем» развитии (на примере стран — членов АТЭС) // Экономический журнал. 2004. № 7. С. 149—172.

¹ О поддержке экспорта. Портал федеральной таможенной службы. Режим доступа: http://customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=25467:2017-07-06-10-05-28&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835администрирования и «Поддержка доступа на рынки» (дата обращения: 10.07.2017).

- Шалденкова Т.Ю. Пространственная организация регионального интеграционного комплекса ЕС. СПб: РГГМУ, 2007.
- Akamatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // Journal of Developing Economies. 1962. Vol. 1. N 1. P. 3—25.
- Assessing Russia's Power: A Report. King's College London and Newcastle University. Ed. by N. Kuhrt, V. Feklyunina, 2017.
- Burkett P., Hart-Landsberg M. Alternative perspectives on late industrialization in East Asia: A critical survey Review of Radical Political Economics. 2000. Vol. 32. № 2. P. 222—264.
- Kasahara S. The Asian developmental state and the Flying Geese paradigm // UNCTAD. 2013. № 3. P. 1—30.
- Kojima K. The Flying Geese Model of Asian Economic Development: Origin, theoretical extensions, and regional policy implications // Journal of Asian Economics. 2000. Vol. 11. № 4. P. 375—401.
- Ozawa T. The Rise of Asia: The flying-geese theory of tandem growth and regional Agglomeration. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2009.
- Terry E. An East Asian Paradigm // Atlantic Economic Journal. 1996. Vol. 24. № 3. P. 183—198.
- UNCTAD. The Least Developed Countries Report 2009: The States and development governance. New York and Geneva: United Nations, 2009.
- UNCTAD. World Investment Report. Investor nationality: the policy challenges. New York and Geneva: United Nations, 2016.
- Vernon R. International Investment and International Trade in the Product Cycles. Quarterly Journal of Economics. 1966. Vol. 80. № 2. P. 190—207.
- World Economic Outlook. Subdued Demand: Symptoms and Remedies. Washington: IMF, 2016.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: Шалденкова Т.Ю. Догоняющее развитие: опыт стран АСЕАН и российская политика импортозамещения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 539—554. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-539-554.

Сведения об авторе: Шалденкова Татьяна Юрьевна — канд. экон. наук, доцент кафедры «Европейские исследования» факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: t_shaldenkova80@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-539-554

THE CATCHING-UP DEVELOPMENT: THE ASEAN EXPERIENCE AND IMPORT SUBSTITUTION POLICY OF RUSSIA

T.Y. Shaldenkova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The experience of catching-up development of ASEAN countries becomes valuable in the conditions of the Russian of import substitution policy and “turn to the East” in geopolitics. The objective of the paper is revealing the prospects of native catching-up development based on the analysis of theoretical aspects of the model of “flying geese” and their practical application in the ASEAN countries and Russia.

The paper presents the theoretical foundations of catching-up development in the framework of the Flying Geese paradigm in the works of K. Akamatsu, R. Vernon, K. Kojima and indicates its main stages.

The author reviews the measures of industrial, trade and investment policy of the ASEAN countries on the initial stages of the model and the modern aspects of their economic development. The materials of statistical reports of IMF, UNCTAD, ASEAN, the statistical data of Federal state statistics department of Russia, Federal customs department of Russia, the programs of the Russian Government in the field of import substitution are studied.

The achievements and problems of implementing the programs of import substitution in agriculture, industry, IT-technologies in Russia were analyzed. The study showed the factors, hindering the domestic development in the framework of the Flying Geese paradigm. The recommendations for solving existing problems include the stimulation of aggregate demand and the development of high-tech exports. Special attention was drawn to the possibilities of applying selected elements of the model in terms of territorial heterogeneity of Russia.

Key words: catching-up development, The Flying Geese paradigm, ASEAN, import substitution, economy of Russia

REFERENCES

- Akaev, A. (2012). About the strategy of integrated modernization of the Russian economy till 2025. *Voprosy ekonomiki*, 4, 97—116. (in Russ.).
- Akamatsu, K. (1962). A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries. *Journal of Developing Economies*, (1), 3—25.
- Artobolevskii, S.S., Baklanov, P.Ya. & Trevish, A.I. (2009). Space and development of Russia: a multiscale analysis. *Vestnik RAN*, 79 (2), 101—123. (in Russ.).
- Bulatov, A.S. (Eds.) (2007). *World economy: textbook*. Moscow: Yurist. (in Russ.).
- Burkett, P. & Hart-Landsberg, M. (2000). Alternative perspectives on late industrialization in East Asia: A critical survey. *Review of Radical Political Economics*, 32 (2), 222—264.
- Kasahara, S. (2013). The Asian developmental state and the Flying Geese paradigm. *UNCTAD*, 3, 1—30.
- Kojima, K. (2000). The Flying Geese Model of Asian Economic Development: Origin, theoretical extensions, and regional policy implications. *Journal of Asian Economics*, 11 (4), 375—401.
- Krotov, M.I. & Muntiyani, V.I. (2015). About the anti-crisis monetary strategy of the economic development of Russia. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 3, 131—144. (in Russ.).
- Kuhrt, N. & Feklyunina, V. (Eds.). (2017). *Assessing Russia's Power: A Report* (King's College London and Newcastle University).
- Mezhevich, N.M. & Shaldenkova, T.Y. (2016). *Interterritorial relations in the formation of the economic space of Europe: issues of theory and practice*. Saint Petersburg: Akademiya issledovaniya kul'tury. Seriya «Universitetskaya nauka». (in Russ.).
- Ozawa, T. (2009). *The Rise of Asia: The flying-geese theory of tandem growth and regional Agglomeration*. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA: Edward Elgar.
- Shaldenkova, T.Y. (2007). *Spatial organization of the EU regional integration complex*. Saint Petersburg: RGGMU. (in Russ.).
- Tarovik, E.V. (2016). Actual problems of the development of agriculture in Russia. *Aktual'nye problemy obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti (sbornik nauchnykh trudov)*. Moscow: Nauchnyj konsul'tant, 131—135. (in Russ.).
- Terry, E. (1996). An East Asian Paradigm. *Atlantic Economic Journal*, 24 (3), 183—198.
- The Least Developed Countries Report 2009: The States and development governance*. UNCTAD. (2009). New York and Geneva: United Nations.
- Troekurova, I.S. (2004). A new stage in the “catch-up” development (on the example of the APEC member countries). *Ekonomicheskii zhurnal*, 7, 149—172. (in Russ.).
- Vernon, R. (1966). International Investment and International Trade in the Product Cycles. *Quarterly Journal of Economics*, 80 (2), 190—207.
- Vorontsovskii, A.V. & Efimova, E.G. (2016). Large open economies: typology and analysis problems. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika*, 2, 27—51. (in Russ.).

World Economic Outlook (2016). *Subdued Demand: Symptoms and Remedies*. Washington D.C.: IMF.

World Investment Report. Investor nationality: the policy challenges. UNCTAD (2016). New York and Geneva: United Nations.

Received: 14.06.2017

For citation: Shaldenkova, T.Y. (2017). The catching-up development: the ASEAN experience and import substitution policy of Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 539—554. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-539-554.

About the author: *Shaldenkova Tatiana Yurievna* — PhD in Economics, Associate Professor of the Department of European Studies of the Faculty of International Relations of Saint-Petersburg State University (e-mail: t_shaldenkova80@mail.ru).

© Шалденкова Т.Ю., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-555-567

КОНВЕРГЕНТНЫЕ (НБИК) ТЕХНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

И.В. Данилин

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

Современная инновационная политика формируется под влиянием концепций, связанных с «прорывными» технологиями. Эти концепции обеспечивают мобилизацию поддержки, структурируют международное научно-технологическое сотрудничество и систему партнерств. Значимы они и для глобальных процессов, обещаая изменение когорты стран-лидеров. По этой причине концепции «прорывных» технологий принципиально актуальны для развивающихся стран, особенно для БРИКС.

Значимым кейсом является концепция конвергентных или, иначе, нано-био-инфо-когнитивных технологий (НБИК). Изначально развиваясь как часть нанотехнологической политики США и трансгуманистических идей, вскоре она получила глобальное звучание, связанное с «большими вызовами». Но, несмотря на успехи конвергенции технологий с 2000-х гг., концепция оказалась слабо опережающей, став скорее метафорой роста междисциплинарности.

Между тем, ее революционный потенциал действительно значим. Однако он был связан не столько с технологическими, сколько с институциональными и социокультурными преобразованиями. В частности, это развитие человеческого капитала, изменение логики организации научно-технологических работ, государственной политики, формирование новой культуры и этики НИОКР, системное совершенствование национальных инновационных систем. Причем эти имплицитно заложенные в концепции идеи наиболее значимы были как раз для развивающихся стран, являясь ключевым условием ускорения их роста и изменения качества их развития.

Однако эти вопросы были слабо артикулированы в концепции. Отчасти, сказывалось наследие трансгуманизма с его попыткой ухода от решения насущных проблем общества за счет технологического усовершенствования человека. Но, главное, что НБИК стали для части элит попыткой обойти глубокие реформы и развитие институтов инноваций. По сути, концепции «прорывных» технологий являют собой психологический субститут истинно интенсивного развития.

Как показывает анализ проблематики НБИК, успех реализации концепции «прорывных» технологий требует выраженного акцента на институциональных и структурных факторах, внимания к «большим вызовам» и т.д. Особенно это значимо для развивающихся стран: только учет сложной природы и внетехнологических аспектов развития «прорывных» технологий может привести к изменению их роли в глобальных процессах.

Ключевые слова: прорывные технологии, конвергентные технологии, НБИКС, быстрорастущие экономики, инновации, институты

Технологические концепции описывают научно-технологические приоритеты, ожидаемые мероприятия и результаты их реализации. За счет этого они структурируют и гармонизируют интересы различных агентов, позволяют мобилизовать поддержку, легитимировать политику в глазах общественности, а также повышают ее предсказуемость для бизнеса, науки и иных интересантов.

В силу задач легитимации и мобилизации поддержки, стратегические цели и нарративы подобных концепций строятся по единому шаблону. Предполагается, что та или иная группа «прорывных» технологий обеспечит качественный прорыв в экономическом и технологическом развитии, решение различных масштабных проблем общества, государства или отдельных отраслей, ответ на гуманитарные, экологические или иные «большие вызовы».

Технологические концепции имеют значимое международное измерение. Все они глобальны: несмотря на страновую специфику, их основные положения принимаются и воспроизводятся большей частью стран, исповедующих проактивный подход к инновационному и экономическому развитию. Соответственно, они прямо влияют на развитие международного научно-технологического сотрудничества и научную дипломатию, в том числе структурируя систему двусторонних и многосторонних научно-технологических партнерств и альянсов. Это тем более верно, что современная научно-технологическая деятельность, особенно в части «прорывных» тематик, подразумевает интенсивную международную кооперацию [OECD 2015: 130, 138—139].

Далее, страны — инициаторы технологических концепций получают дополнительные преимущества и каналы воздействия на международные технологические процессы. В частности, речь идет об определении повестки и направлений дискуссий в сфере научно-технологической политики, стандартизации, росте продаж и привлечении инвестиций (на волне завышенных ожиданий). До определенной степени можно говорить и об усилении их «мягкой силы», тем более, что проектирование технологических концепций является одним из факторов формирования повестки глобального развития.

Имеют технологические концепции и долгосрочные импликации для мировой политики и экономики. Теоретически их реализация обещает лидерство по отдельным направлениям или в мировой системе в целом. В этом контексте проблематика получает особое значение для быстрорастущих экономик (прежде всего, БРИКС), так как полноценная реализация тех или иных концепций и стоящих за ними «прорывных» технологий может радикально изменить роль и место этих стран в глобальной экономике и геополитике. Перефразируя великого авиаконструктора Р. Бартини, можно сказать, что правильная технологическая ставка позволила бы им «бежать наперерез» мировым экономическим лидерам, а не пытаться их догнать¹.

Неудивительно, что быстрорастущие экономики проявляют высокий интерес к подобному рода концептам в своей научно-технологической и инновационной политике. Нередко на их реализацию выделяются очень существенные ресурсы: показательными примерами являются нанотехнологии в России, «зеленая энергетика» и новые производственные технологии в КНР.

Вышеуказанные соображения определяют значимость изучения как самого феномена технологических концепций, так и их теоретических и практических

¹ Емельянов С. «Чтобы красные самолеты летали быстрее черных...» // Российская газета. 17.04.2015. Режим доступа: <https://rg.ru/2015/04/17/rodina-bartini.html> (дата обращения: 03.03.2017).

импликаций для различных категорий стран, международного научно-технологического сотрудничества.

Для изучения в настоящей работе избраны так называемые конвергентные, или, в редуционистской трактовке, нано-био-информационно-когнитивные (в российской версии добавляются также «социальные») технологии — кратко, НБИК(С)¹.

Выбор обусловлен несколькими причинами. Концепция отвечает всем базовым критериям подобного рода конструктов: с ее реализацией связывают по-настоящему революционные изменения [Venkatesan 2010: 120, 128; Ковальчук 2011: 13—15; Фролов 2013: 63—66; Акаев, Рудской 2014: 25, 35—37; Ковальчук, Нарайкин 2016: 103—105]. Целый ряд ее характеристик носит абсолютизированный характер относительно других концепций, что делает возможным более рельефно осветить отдельные важные вопросы. Концепция хорошо известна, отражена в литературе и имеет значимый срок развития. Далее, как ни парадоксально это прозвучит, важно, что проблематика НБИК(С) исторически оказалась сравнительно менее успешной технологической концепцией — по крайней мере, до настоящего времени. При наличии более популярных и масштабных аналогов это позволяет выявить дополнительные факторы, связанные с реализацией «прорывной» технологической повестки.

КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ

Обсуждение тематики НБИК-технологий было инициировано экспертами американского Национального научного фонда (ННФ)² М. Роко и У. Бэйнбриджем. Первоначально целью было формирование устойчивой политической поддержки нанотехнологической политики США [Wolbring 2008: 26—27]³, в том числе за счет изменения негативно-настороженного отношения общества к нанотехнологиям. Важно понимать и исторический фон дискуссии. В 1990-х — начале 2000-х гг. произошли настоящие технологические «прорывы» — от интернет-революции до расшифровки генома человека, формировались новые направления на стыке разных дисциплин, активно обсуждались вопросы роста междисциплинарности научных исследований. А на фоне кризиса доткомов 2001 г. дискуссии о новых «прорывных» направлениях стали более интенсивными. Именно в этой обстановке и было инициировано первое обсуждение тематики НБИК по линии ННФ в 2001 г., а первый экспертный доклад был подготовлен уже в 2002 г. [Roco, Bainbridge 2003]⁴.

¹ В России также часто именуются «природоподобными» [Ковальчук, Нарайкин 2016: 104].

² Независимое агентство — крупнейший спонсор неориентированных естественнонаучных исследований в США.

³ Намек на этот факт можно проследить также в: Кабанов А., Сагдеев Р. Зачем Кремлю конвергентные технологии // Ведомости. 26.1.2016. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/26/625453-kremlyu-konvergentnie-tehnologii> (дата обращения: 18.1.2017).

⁴ Нередко утверждается, что тематику НБИК продвигал ННФ. В реальности он просто спонсировал необходимые научно-аналитические работы — в том числе чтобы оценить потенциал нового направления (т.е. речь не шла об официальной позиции фонда).

Будучи изначально одним из треков легитимации поддержки нанотехнологий, вскоре концепция НБИК переросла в самостоятельное направление дискуссии. В дальнейшем разработка концепции велась при умеренной поддержке ННФ, Министерства торговли США, НАСА и Минобороны США — включая Агентство передовых оборонных исследований (DARPA) [Ito 2007: 84].

Дискуссии в США вызвали рост интереса к вопросам технологической конвергенции и в ЕС. В 2003 г. под эгидой ЕС появилась специальная исследовательская группа высокого уровня для изучения НБИК-технологий, был подготовлен специальный доклад [Nordmann 2004; Ferrari 2008: 9—11]. Впоследствии выработку позиций по проблеме НБИК начали ФРГ, Израиль и иные страны [OECD 2014: 8—9; Roco, Vainbridge 2013: 361; Ito 2007: 88—89; Ferrari 2008: 6].

По мере развития, концепция претерпела существенную трансформацию. Изначально она предполагала акцент на совершенствовании и расширении возможностей человека (human enhancement), т.е. находилась под сильным влиянием идей трансгуманизма [Wolbring 2008: 32—36; Ferrari 2008: 3, 6—9; Schmidt 2007]. Позднее, по этическим и экономическим причинам фокус стал смещаться к формированию ответов на «большие вызовы» [Nordmann 2004; Schmidt 2007: 11—13; Ferrari 2008: 9—11; Giorgi 2009: 433, 436] — что особенно было заметно в ЕС¹. Стал расширяться и перечень технологических доменов, что, в частности, привело к отказу части участников дискуссий от термина НБИК в пользу более рамочного понятия «конвергентные технологии».

Наблюдался рост внимания к концепции со стороны быстрорастущих экономик. Мероприятия по изучению НБИК и практические шаги по реализации НИОКР предприняли Китай² и Индия [Wolbring 2006; Roco et al. 2013: 141—142, 371; OECD 2014: 8—9]. В 2008—2009 гг. интерес к конвергентным технологиям стал значим и в России (использовалась редуционистская трактовка концепции). Усилиями Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» в 2009 г. был создан Курчатовский комплекс НБИКС-технологий, предприняты иные шаги.

Но уже ко второй половине 2000-х гг. интерес к тематике НБИК(С) стал угасать. Термин почти исчез из лексикона научно-технологической политики наиболее развитых стран. По-настоящему масштабные адресные мероприятия или же

¹ В ЕС были даже оформлены в рамках концепции Конвергенции знаний и технологий в интересах общества (СКТС) [Nordmann 2004].

² NBIC — New Opportunity for China. Bureau of International Cooperation. National Natural Science Foundation of China. 2007. Режим доступа: <http://www.nsf.gov.cn/publish/portall/tab158/info39648.htm> (дата обращения: 10.02.2017); Interview with Prof. Chen Yiyu, head of Natural National Science Foundation Committee. The Institute of Tibetan Plateau Research (ITP). 20.10.2004. Режим доступа: http://english.itpcas.cas.cn/ns/ln/200410/t20041020_21364.html (дата обращения: 10.02.2017); Pan Zheng. “Zhinaoquan”: tai “gaodashang”? Zheyang jiedu nijudongle // China Military. 23.02.2017. Режим доступа: http://www.81.cn/jwgz/2017-02/23/content_7498958.htm (дата обращения: 09.03.2017); “Nami, shengwu, xinxi he renzhi xinxinghuijijishu (NBIC)” yantaohui zai Beijing zhaokai // Министерство науки и технологий КНР. 09.11.2012. Режим доступа: http://www.most.gov.cn/kjbgz/201211/t20121109_97755.htm (дата обращения: 09.03.2017).

зонтичные программы не были реализованы ни в наиболее развитых, ни в быстрорастущих экономиках. Влияние концепции можно проследить в некоторых проектах и программах США, стран ЕС и иных государств (например, «COTESN — COncverging TECHnologies» — проект 7-й Рамочной программы ЕС по исследованиям и технологическому развитию, инициатива по исследованию мозга в США и пр.) — но не более того. Рамочное понятие «конвергенция технологий» осталось, но только в качестве характеристики процессов в научно-технологической сфере и обеспечивающих их госмероприятий.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в развивающихся странах. До определенного предела исключением стала Россия, где в 2015 г. была инициирована работа над национальной стратегией развития конвергентных технологий.

Наконец, международное сотрудничество в рамках концепции также развивалось крайне ограничено (исключая мероприятия ЕС). Например, кооперационные проекты по тематике НБИК(С) с развивающимися странами были крайне немногочисленны и носили сугубо локальный и точечный характер. Так, с 2011 г. при поддержке регионального бюро ЮНЕСКО в Каире стали создаваться центры распространения конвергентных технологий в арабских странах (Египет, Ирак, Иордания, Марокко и т.д.). Однако акцент был сделан на преодолении разрыва между наукой и бизнесом и формировании кадрового потенциала [UNESCO 2016: 437]. Формирование же альянсов и партнерств вообще идентифицировать не удалось.

ВЫЗОВЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ

Проблемы реализации концепции технологической конвергенции имеют сложный характер. Крюются они явно не в научно-технологической плоскости. С формальной точки зрения, в 2000—2010-х гг. де-факто конвергенция (в широкой, а не редукционистской трактовке феномена!) отдельных дисциплин и технологических областей дала богатые плоды. Быстро развивались такие направления, как синтетическая биология, биоинформатика и биофотоника, наноэлектроника, нейротехнологии, наномедицина и иные. Процессы «фактической» конвергенции подтверждаются данными библиометрии и комплексного патентного анализа [Fai, von Tunzelmann 2001; Ito 2007: 85—87; Roco et al. 2013: 143; Jeong et al. 2015: 852—863]. Но и простой патентный поиск¹ демонстрирует обширный пласт технологий на стыке нано- и био-, нано-/био- и информационных и иных групп технологий. Более того, по оценкам южнокорейских ученых [Jeong et al. 2015: 862] более 30% технологических инноваций стали возможны благодаря конвергенции технологий на уровне крупных областей технологического развития.

Однако при наличии видимых результатов конвергенции сама концепция оказалась не вполне операбельной. С одной стороны, она имела слишком широкий — а потому расплывчатый характер (фактически, касалась почти всех мыслимых направлений). Что, в свою очередь, оставляло без ответа вопрос о предметных отраслевых и технологических приоритетах и ключевых мероприятиях. Иными сло-

¹ С использованием системы Exactus Patent — на основе баз данных патентных ведомств США, РФ и WIPO.

вами, НБИК(С) оказались скорее метафорой роста междисциплинарности и конвергенции различных технологических доменов¹, нежели практическим инструментом легитимации, мобилизации ресурсов и управления изменениями.

Следует отметить и ряд дополнительных факторов. Во-первых, это сложности с разработкой регулирования, кадровые вызовы и иные аналогичные «технические» причины [OECD 2014: 14—18, 21—22; Giorgi 2009: 434, 436], усиливающие расплывчатостью задач. Во-вторых, снижению популярности конвергентных технологий явно способствовало падение интереса к нанотехнологической тематике — «родительской» области для НБИК(С). В-третьих, свою роль сыграли и этические противоречия — наследие трансгуманизма. В частности, опасения возникновения новых рисков и угроз, что было особенно актуально для ЕС в рамках подходов так называемой *precautionary policy*. Наконец, к концу 2000-х гг. оформились новые перспективные и популярные концепции — от глобального проекта «зеленой энергетики» и заканчивая передовыми производственными технологиями (позднее оформились в концепцию «Индустрии 4.0»).

Для быстрорастущих экономик следование концепции НБИК(С) оказалось наиболее сложным. Даже самые богатые развивающиеся страны априори не могли позволить себе отсутствие предметных приоритетов развития науки и технологий. Свою роль, как можно понять, сыграло и несовпадение заложенных в концепции положений с объективной структурой интересов развивающихся стран. Для наиболее развитых экономик в центре внимания оказались сюжеты, отвечающие их ценностным приоритетам. Прежде всего, это вопросы качества жизни — что в абсолютизированной форме и должен был отражать трансгуманистический акцент концепции, а также «большие вызовы». Для развивающихся стран — включая БРИКС — данная проблематика была на тот момент менее актуальна в силу фокуса на ускорение роста экономики и занятости, развитие промышленного потенциала — особенно сектора «хай-тек»². С учетом всех этих факторов и в отсутствие модельных подходов и политики США, стран Западной Европы, частично Японии, интерес к теме в государствах БРИКС (кроме России) стал угасать.

С учетом описанных проблем концепции, невыраженный характер международного измерения НБИК(С) также объяснялся неопределенностью самой концепции, этическими дилеммами и ее слабой корреляцией с интересами развивающихся стран. То же можно сказать и об оценках потенциала глобальных последствий развития конвергенции. Показательно, что и в нарративах концепции, и в научной литературе данной тематике уделялось крайне ограниченное внимание [Anton et al. 2006; Roco, Bainbridge 2003: 5, 18, 30, 86—87; Canton 2006; OECD 2014: 19—21, etc.] — вплоть до предельно общих соображений [Canton 2006: 44; Bond 2004: 22—23] (частично это можно списать на убеждение западных исследователей в лидерстве наиболее развитых стран).

¹ Именно в этом смысле понимает феномен конвергентных технологий ЮНЕСКО [UNESCO 2016].

² Как ни парадоксально, с этой точки зрения более универалистскую версию концепции конвергенции технологий предложили как раз российские субъекты — учитывая акцент в концепции НБИКС на промышленных, в том числе энергетических, в меньшей мере биологических и иных вопросах.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НБИК(С): ЛОЖНЫЕ НАДЕЖДЫ ИЛИ УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?

Несмотря на более чем ограниченные результаты открытым остается вопрос о реальном трансформационном потенциале концепции конвергентных/НБИК(С)-технологий, включая глобальные процессы.

При всей значимости научно-технологических обещаний конвергенции, на наш взгляд, наиболее важны были ее имплицитные эффекты, связанные с комплексными институциональными и социокультурными преобразованиями.

Это, прежде всего, изменение самой логики организации и развития научно-технологических и инновационных работ, формирование новой культуры и этики НИОКР, развитие человеческого капитала, взаимодействия субъектов и иные вопросы. Аналогичным образом, значимые изменения подразумевались в сфере научно-технологической и инновационной политики¹. В частности, обсуждалось управление на основе ожиданий («anticipatory governance») [Fuller 2009: 24—25; Giorgi 2009: 428—430, 433] и иные вопросы, связанные с новым качеством регулирования научно-технологических процессов.

Трансформационный потенциал этих процессов имел двоякий характер. Прежде всего, только подобные глубокие изменения давали шанс на форсирование конвергенции различных дисциплин и создание новых технологий. А, равно, определяли способность отдельных государств освоить и максимально эффективно использовать результаты НБИК(С) [Anton et al. 2006: 65—134]. Но, что едва ли не более важно, все эти предложения являлись своего рода рамочными рекомендациями по системному совершенствованию национальных инновационных систем и экономических институтов. Показательно, что многие вышеуказанные посылки совпадают с основными трендами дискуссии по развитию мировой науки и инноваций.

Как представляется, особенно значимы эти институциональные аспекты концепции были как раз для развивающихся стран. Вопрос о том, кто стал бы основным бенефициаром развития собственно НБИК(С)-технологий неоднозначен. Ведь у наиболее развитых стран стартовые позиции и возможности качественного развития были и остаются существенно выше, чем у БРИКС и иных развивающихся экономик. Зато даже часть подразумеваемых концепцией институциональных и социально-культурных изменений вполне могли перевести инновационные системы быстрорастущих экономик в новое качество с очень значительными положительными эффектами.

Однако был ли реальный шанс воплотить этот амбициозный институциональный проект в жизнь? И почему — несмотря на исключительное значение институциональных и социально-культурных изменений — в самой концепции и связанных с нею нарративах данные вопросы артикулированы слабо (даже не говоря о мероприятиях по их реализации)?

¹ В данном контексте понятия «governance» понимается как «горизонтальные» координационно-консенсусные и партисипативные методы, противопоставляемые «классическим» командным методам госуправления [Giorgi 2009: 433].

В реальности, ситуация закономерна. Во многом она объясняется трансгуманистическими основами проблематики НБИК(С) и ее связью с нарративами ранних дискуссий о нанотехе. Как тонко подметили отечественные исследователи Д.В. Ефременко, В.Н. Гиряева и Я.В. Евсеева, подход трансгуманистов представляет собой «расписку в нежелании и неспособности решать проблемы цивилизации конвенциональными средствами... иллюзии легкого решения, якобы позволяющего уйти от сложности современного общества» [Ефременко и др. 2012: 115]. Причем для НБИК(С) — как и для их «родительской» концепции нанотехнологий — идея о технологическом прорыве как факторе деактуализации ключевых проблем развития усилена претензией на перестройку самого физического мира [Venkatesan 2010: 124].

Иными словами, при всей значимости институционального и социокультурного потенциала, НБИК(С) для части элит являлись как раз попыткой обойти потребность в структурных и институциональных реформах, а равно и кропотливой работой по выстраиванию национальных инновационных систем.

Заметим, что аналогичные соображения можно высказать и в отношении иных концепций «прорывных» технологий. То есть до определенной степени они представляют собой психологический субститут по-настоящему интенсивного развития. Апеллируя к технологическим революциям, лица, принимающие решения, попросту пытаются избежать дилемм выбора и ответственности, высокой неопределенности, рисков болезненных социальных и экономических последствий, вызовов формирования комплексной социально-экономической политики. И уникальность кейса НБИК(С), на наш взгляд, как раз и состоит в наблюдаемости данного противоречия на самом верхнем, концептуальном уровне.

С психологической точки зрения апелляция к технологическим концепциям наиболее комфортна для развивающихся стран. Помимо частичной деактуализации структурных реформ они обеспечивают видимость обоснованности предпринимаемых мер без трудоемкой работы по определению собственных стратегических приоритетов. Референцией оказывается сам факт происхождения и актуализации таких концепций в наиболее развитых странах. Неудивительно, что большинство стран догоняющего развития постоянно воспроизводят технологические концепции наиболее развитых стран, что особенно заметно в последнее время в дискуссии по «Индустрии 4.0».

Однако проблема подмены болезненных институциональных решений красивыми технологическими рассуждениями, на наш взгляд, характерна и для наиболее развитых экономик. Что частично объясняет регулярные всплески технооптимизма по поводу отдельных прорывных технологий («hypes»).

В своей классической версии конвергентные/НБИК(С)-технологии стали своего рода двойной метафорой: с одной стороны, объективных процессов развития научной сферы, а, с другой — необходимости существенных изменений организации сферы науки и технологий и государственной политики. Но хотя даже в этом виде концепция могла бы стать фактором изменений научно-технологической

и инновационной политики и развития науки, в силу целого ряда содержательных и технических ограничений она не смогла завоевать существенную поддержку среди лиц, принимающих решения, а также иных ключевых заинтересованных сторон.

Кейс конвергентных технологий, однако, остается практически идеальным для изучения феномена технологических концепций, давая в абсолютизированной форме представление как об их возможностях, так и об ограничениях — включая глобальный контекст и дилеммы технологического развития быстрорастущих экономик.

Наиболее ценными являются институциональные и социокультурные аспекты, имплицитно присутствующие, но редко грамотно артикулируемые в подобных концепциях. Именно они определяют возможности появления, развития и экономически эффективной реализации «прорывных» технологий. А равно и их актуализации при решении насущных проблем общества, государства и иных субъектов, поиска ответов на «большие вызовы». Они же остаются гарантом позитивных изменений международных и глобальных процессов за счет качественных изменений экономики и инновационных систем — с учетом новых технологических возможностей. Надежды, что сами по себе конвергентные (или любые иные «прорывные») технологии станут чудом, гарантирующим развитие и изменение роли отдельных субъектов в мировой системе, а также снимающим потребность в сложной работе с институтами, экономикой, культурой и политикой, несбыточны.

Опять же, особенно актуальны эти вопросы для быстрорастущих экономик. Без их учета любые попытки реализации концепций «прорывных» технологий приведут не к изменению, а, в лучшем случае, к коррекции динамики развития, места и роли данных государств в глобальных процессах.

А поскольку дискуссии по проблематике НБИК(С) в России продолжаются — как и по иным «прорывным» тематикам — учет данных соображений значим для рационализации предстоящих мероприятий и достижения максимальных эффектов от их реализации.

Благодарность: Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 14-29-05090 «Разработка методов междисциплинарного анализа развития и оценки востребованности «прорывных» технологий (на примере передовых производственных технологий и «интеллектуальной» электроэнергетики)».

Автор приносит благодарность мл. науч. сотр. ИМЭМО РАН М.П. Глотовой за помощь в поиске и изучении материалов на китайском языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акаев А., Рудской А.* Синергетический эффект NBIC-технологий и мировой экономической рост в первой половине XXI века // Экономическая политика. 2014. № 2. С. 25—46.
- Ефременко Д.В., Гиряева В.Н., Евсеева Я.В.* NBIC-конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIV. № 4. С. 112—128.
- Ковальчук М.В.* Конвергенция наук и технологий — прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6. № 1—2. С. 13—23.

- Ковальчук М., Нарайкин О. Природоподобные технологии — новые возможности и новые угрозы // Индекс безопасности. 2016. Т. 22. № 3—4 (118—119). С. 103—108.
- Фролов А.В. NBIC-технологии и направления их развития в США // Инновации. 2013. № 7 (177). С. 63—73.
- Anton P.S., Silbergliitt R., Howell D.R. et al. The Global Technology Revolution 2020, In-Depth Analyses. Bio/Nano/Materials/Information Trends, Drivers, Barriers, and Social Implications. Document # MR-1307-NIC. RAND Corporation. 2006. Режим доступа: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/technical_reports/2006/RAND_TR303.pdf (дата обращения: 1.02.2017).
- Bond P.J. Vision for Converging Technologies and Future Society // Annals of New York Academy of Sciences. 2004. N 1013. P. 17—24. DOI: 10.1196/annals.1305.002.
- Canton J. NBIC Convergent Technologies and the Innovation Economy: challenges and Opportunities for the 21st Century // Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations: Converging Technologies in Society / Ed. by W.S. Bainbridge, M.C. Roco. Springer: 2006. p. 33—45.
- Fai F., von Tunzelmann N. Industry-specific competencies and converging technological systems: evidence from patents // Structural Change and Economic Dynamics. 2001. Vol. 12. Iss. 2. P. 141—170. DOI: 10.1016/S0954-349X(00)00035-7.
- Ferrari A. Is it all about human nature? Ethical challenges of converging technologies beyond a polarized debate // Innovation: the European journal of social science research. 2008. Vol. 21. Iss. 1. P. 1—24. DOI: 10.1080/13511610802002171.
- Fuller S. Knowledge politics and new converging technologies: a social epistemological perspective // Innovation: the European journal of social science research. 2009. Vol. 22. Iss. 1. P. 7—34. DOI: 10.1080/13511610902770552.
- Giorgi L. Converging technologies — what future? The views of the science and policy communities // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2009. Vol. 22. N 4. P. 427—442. DOI: 10.2139/ssrn.1783642.
- Ito Y. Trends in Policies for Promoting Converging Technologies Expected to Bring Innovation. Science & Technology Trends // NISTEP Science and Technology Foresight Center. Quarterly Review. 2007. № 24. P. 81—90.
- Jeong S., Kim J.-C., Choi J.Y. Technology convergence: What developmental stage are we in? // Scientometrics. 2015. Vol. 104 <https://link.springer.com/journal/11192/104/3/page/1>. Issue 3. P. 841—871. DOI: 10.1007/s11192-015-1606-6.
- Nordmann A. Converging Technologies — Shaping the Future of European Societies. Report. High Level Expert Group “Foresighting the New Technology Wave. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2004.
- OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2015. Paris: OECD, 2015.
- OECD. Challenges and Opportunities for Innovation through Technology: The Convergence of Technologies OECD. Directorate for Science, Technology and Innovation. Committee for Scientific and Technological Policy. DSTI/STP(2013)15/FINAL. 2014. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=dsti/stp\(2013\)15/final&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=dsti/stp(2013)15/final&doclanguage=en) (accessed: 12.12.2016).
- Roco M.C., Bainbridge W.S. (Eds.). Converging Technologies for Improving Human Performance. NSF/DOC-sponsored report. National Science Foundation. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.
- Roco M.C., Bainbridge W.S., Tonn B., Whitesiedes G. (Eds.). Convergence of Knowledge, Technology, and Society: Beyond Convergence of Nano- Bio- Info- Cognitive Technologies. World Technology Evaluation Center. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer, 2013. DOI: 10.1007/978-3-319-02204-8.
- Schmidt J.C. NBIC — Interdisciplinarity? A Framework for a Critical Reflection on Inter- and Transdisciplinarity of the NBIC-scenario. Georgia Institute of Technology. Ivan Allen College. School of Public Policy. Working Paper N 26. 2007. Режим доступа: <https://smartech.gatech.edu/bitstream/handle/1853/23497/wp26.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 19.01.2017).

Towards 2030. UNESCO Science Report. Second revised edition. UNESCO Publishing, 2016.
Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235406e.pdf> (дата обращения: 21.01.2017).

Venkatesan P. “Nanoselves”: NBIC and the Culture of Convergence // *Bulletin of Science Technology & Society*. 2010. Vol. 30. Iss. 2. P. 119—129. DOI: 10.1177/0270467610361232.

Wolbring G. Emerging technologies (nano, bio, info, cogno) and the changing concepts of health and disability/impairment // *Health and Development*. 2006. Vol. 2. N 1—2. P. 19—36.

Wolbring G. Why NBIC? Why human performance enhancement? // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2008. Vol. 21. Iss. 1. P. 25—40.

Дата поступления статьи: 13.06.2017

Для цитирования: *Данилин И.В.* Конвергентные (НБИК) технологии: проблемы развития и трансформационный потенциал // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 3. С. 555—567. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-555-567.

Сведения об авторе: *Данилин Иван Владимирович* — канл. полит. наук, заведующий сектором инновационной политики ИМЭМО РАН, доцент МГИМО (У) МИД РФ (e-mail: danilin.iv@imemo.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-555-567

CONVERGENT (NBIC) TECHNOLOGIES: PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND TRANSFORMATIONAL POTENTIAL

I.V. Danilin

National Research Institute of World Economy
and International Relations of RAS, Moscow, Russia

Abstract. Modern innovation policy is formed under strong influence of disruptive technologies concepts, which help mobilize support for Science and Technology (S&T) policy, structure international S&T cooperation and system, etc. They are also important for the global processes, promising changes in leading powers cohort. This is why disruptive technology concepts are accented by the emerging economics, especially by BRIC nations.

A concept of converging (or nano-bio-info-cognitive, also known as NBIC) technologies is very illustrative. Being originally a part of the USA nanotechnology policy and transhumanistic discourse, it gradually evolved globally with focus on “Grand Challenges”.

But, despite successes of technology convergence since 2000s, concept itself proved to be not fully operational, being mostly a metaphor for rising interdisciplinarity and discipline convergence.

Nonetheless its revolutionary potential was meaningful, but linked not to technological, but institutional and socio-cultural dimensions. Among them were human capital development, changing logic of S&T organization, reforming S&T policies, formation of new culture and ethics of research and development, systemic development of national innovation systems. These ideas, implicitly present in the NBIC concept, were of a special importance for the emerging economies as key factors for their enforced growth and rising quality of development processes.

But these issues were surprisingly weak articulated in NBIC concept. Partly that was the influence of transhumanist discourse with its escape from solving societal challenges by technological change of

human self. Not less important was that NBIC were seen by elites as a mean to bypass deep reforms and buildup of innovation institutions. I.e., concepts of disruptive technologies represent a psychological substitute for a really intense development. Uniqueness of NBIC is that it makes this contradiction very visible.

As shown in analyses of NBIC concept, realization of disruptive technologies concepts need stronger accent on the institutional and structural factors, attention to Grand Challenges, etc. Especially this is true for the emerging economies. Only if complex nature and non-technological aspects of disruptive technologies development are taken in consideration, changes of their role in the global processes may occur.

Key words: disruptive technologies; converging technologies; NBIC; emerging economies; innovations; institutions; leadership

Acknowledgements: This article was prepared with financial support of Russian Foundation for Basic Research, grant #14-29-05090 «Elaboration of interdisciplinary methods for analysis of development and assessment of demand for disruptive technologies (on cases of advanced manufacturing technologies and smart grids)».

The author expresses his gratitude to junior research fellow of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Maria Glotova for help in search and analysis of materials in Chinese.

REFERENCES

- Akaev, A. & Rudskoi, A. (2014). Synergetic effect of NBIC-technologies and world's economic growth in first half of XXI century. *Ekonomicheskaya politika*, 2, 25—46. (in Russ.)
- Anton, P.S., Silbergliit R. & Howell D.R. et al. (2006). *The Global Technology Revolution 2020, In-Depth Analyses. Bio/Nano/Materials/Information Trends, Drivers, Barriers, and Social Implications*. RAND Corporation, Document # MR-1307-NIC. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/technical_reports/2006/RAND_TR303.pdf (accessed: 01.02.2017).
- Bond, P.J. (2004). Vision for Converging Technologies and Future Society. *Annals of New York Academy of Sciences*, 1013, 17—24. DOI: 10.1196/annals.1305.002.
- Canton, J. (2006). NBIC Convergent Technologies and the Innovation Economy: challenges and Opportunities for the 21st Century. In: *Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations: Converging Technologies in Society* Ed. by W.S. Bainbridge, M.C. Roco. Springer: 2006. p. 33—45.
- Efremenko, D.V., Giryayeva, V.N. & Evseeva, Ya.V. (2012). NBIC-convergence as socio-humanitarian knowledge problem. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, XXXIV (4), 112—128. (in Russ.)
- Fai, F., von Tunzelmann, N. (2001). Industry-specific competencies and converging technological systems: evidence from patents. *Structural Change and Economic Dynamics*, 12 (2), 141—170. DOI: 10.1016/S0954-349X(00)00035-7.
- Ferrari, A. (2008). Is it all about human nature? Ethical challenges of converging technologies beyond a polarized debate. *Innovation: the European journal of social science research*, 21 (1), 1—24. DOI: 10.1080/13511610802002171.
- Frolov, A.V. (2013). NBIC-technologies and direction of it's development in the USA. *Innovatsii*, 7 (177), 63—73. (in Russ.)
- Fuller, S. (2009). Knowledge politics and new converging technologies: a social epistemological perspective. *Innovation: the European journal of social science research*, 22 (1), 7—34. DOI: 10.1080/13511610902770552.
- Giorgi, L. (2009). Converging technologies — what future? The views of the science and policy communities. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 22 (4), 427—442. DOI: 10.2139/ssrn.1783642.
- Ito, Y. (2007). Trends in Policies for Promoting Converging Technologies Expected to Bring Innovation. *Science & Technology Trends. Quarterly Review*, 24, 81—90.
- Jeong, S., Kim, J.-C. & Choi, J.Y. (2015). Technology convergence: What developmental stage are we in? *Scientometrics*, <https://link.springer.com/journal/11192/104/3/page/1> 104 (3), 841—871. DOI: 10.1007/s11192-015-1606-6.

- Koval'chuk, M.V. (2011). Convergence of science and technologies — breakthrough to the future. *Rossiiskie nanotekhnologii*, 6 (1—2), 13—23. (in Russ.)
- Koval'chuk, M. & Naraikin, O. (2016). Nature-like technologies — new possibilities and new threats. *Indeks bezopasnosti*, 22 (3—4), 103—108. (in Russ.)
- Nordmann, A. (2004). *Converging Technologies — Shaping the Future of European Societies*. Report, High Level Expert Group “Foresighting the New Technology Wave”, Office for Official Publications of the European Communities.
- OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2015* (2015). Paris: OECD Publishing.
- OECD. Challenges and Opportunities for Innovation through Technology: The Convergence of Technologies* (2014). Directorate for Science, Technology and Innovation, Committee for Scientific and Technological Policy, DSTI/STP(2013)15/FINAL. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=dsti/stp\(2013\)15/final&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=dsti/stp(2013)15/final&doclanguage=en) (accessed: 12.12.2016).
- Roco, M.C. & Bainbridge, W.S. (Eds.) (2003). *Converging Technologies for Improving Human Performance*. NSF/DOC-sponsored report. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Roco, M.C., Bainbridge, W.S., Tonn, B. & Whitesiedes, G. (Eds.) (2013). *Convergence of Knowledge, Technology, and Society: Beyond Convergence of Nano- Bio- Info- Cognitive Technologies*. World Technology Evaluation Center. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-02204-8.
- Schmidt, J.C. (2007). *NBIC — Interdisciplinarity? A Framework for a Critical Reflection on Inter- and Transdisciplinarity of the NBIC-scenario*. Georgia Institute of Technology, Ivan Allen College, School of Public Policy. Working Paper N 26. Available at: <https://smartech.gatech.edu/bitstream/handle/1853/23497/wp26.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 19.01.2017).
- Towards 2030. UNESCO Science Report*. Second revised edition (2016). Available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235406e.pdf> (accessed: 21.01.2017).
- Venkatesan, P. (2010). “Nanoselves”: NBIC and the Culture of Convergence. *Bulletin of Science Technology & Society*, 30 (2), 119—129. DOI: 10.1177/0270467610361232.
- Wolbring, G. (2006). Emerging technologies (nano, bio, info, cogno) and the changing concepts of health and disability/impairment. *Health and Development*, 2 (1—2), 1936.
- Wolbring, G. (2008). Why NBIC? Why human performance enhancement? *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 21 (1), 25—40.

Received: 13.06.2017

For citations: Danilin, I.V. (2017). Convergent (NBIC) Technologies: Problems of Development and Transformational Potential. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 555—567. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-555-567.

About the author: *Danilin Ivan Vladimirovich* — PhD, Head of the Innovation Policy Section of National Research Institute of World Economy and International Relations, Associate Professor of MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: danilin.iv@imemo.ru).

© Данилин И.В., 2017

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-568-574

US-CUBA RELATIONS: A NEW WAVE OF CONFRONTATION?

S. Pérez Benitez

Center for International Political Studies, Havana, Cuba

A.A. Eremin

RUDN-University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, Russia

Abstract. The article seeks to analyze the role of the changes introduced by the administration of the former president Barack Obama in 2014—2016 into the bilateral US-Cuba relations; and the way in which the new presidential team are to reorganize this direction. The question on the attitude of Donald Trump towards currently existing policies aimed at solving the long-lasting problem with Cuban socialism is especially interesting since new US president has multiple times condemned the old ways practiced by the former establishment, but at the same time has shown readiness to act in a straight-forward and confrontational manner. One of contributors of the paper, Santiago Perez Benitez, deputy director of the Center for International Political Studies in Havana, is attempting to provide his professional expertise in granting an insider view from the Cuban side, evaluating the progress made since the 2014 and interpret the notion of the upcoming policy changes in Washington.

The importance of the Cuban issue in the framework of US. policy in the Western hemisphere is explained by the fact that a solution in this sphere could help remake a negative image of Pan-American policies that haunts Washington. Cuban issue has also been long considered a possible key for reestablishment of trust between the United States and Latin American countries. For president Trump, quite unpopular judging by the polls, Cuban issue also has a potential to earn support of his own constituents, who strongly support lifting the embargo from Cuba. However now after certain decisions of Donald Trump the future of US-Cuban relations seems to get gloomier by the day.

Key words: Cuba, embargo, sanctions, blockade, Donald Trump

The recent change in US-Cuba relations that happened due to the initiative of the Obama administration in 2014 has occupied the minds of many researchers in the field. Among the most prominent scientific aimed at getting a better look at the US-Cuba Thaw are Eric Hershberg, Alessandro Badella, Carlos C. Campos, Andres Serbin, William M. Leogrande, Michael Shifter and a vast number of researchers both of Latin-American, U.S. and even European origin [Badella 2015; Campos & Prevost 2016; Hershberg 2016; Serbin 2016; Shifter 2016]. In Russia, traditionally, the Cuban issue is researched by Boris F. Martynov and Vladimir A. Borodaev [Borodaev 1998].

ОБАМА'S APPROACH

With the arrival of Trump it would be worthwhile to comment some relevant Obama's strategic initiatives, which inevitably will serve as a comparison basis for

the future course of US-Cuba relations. Former president's approach to the Cuban issue can be characterized by the following traits.

1. Rapid growth of priority regarding US-Cuba relations. It is now evident that after 17 of December 2014 the topic of Cuba started gaining significant importance since it was one of the few indisputably positive moments in the political course of the former president. Not only was the initiative to soften the tensions supported by the US population, but also by Cubans, Latin-American countries and practically the rest of the world.

2. Exceptionality of the United States. President Obama was the first president of the United States to visit Cuba for almost a century. At the same time, he felt the right to publicly criticize and pressure the Cuban leaders to introduce societal changes. This type of behavior in the international relations is called «arrogance of power» and could be perceived as an attempt to meddle in the internal affairs of a sovereign state [Leogrande 2015]. This is generally part of the notion that exceptional strategic and political position of the United States gives them right to perceive states like Cuba as a part of their sphere of influence. At the same time, former president was subjected to a certain amount of pressure from the US establishment, which demanded specific progress on US agenda given the perception that Cuba did not make any expected concessions.

3. Dismantling anti-imperialism. All of Obama's symbolic oratory display and his performance in Cuba was intended, among other objectives, to dismantle the negative historical image that the US had had in the Cuban people with its deep roots and motives¹.

4. Reaching out to Latin America. With the new policy towards Cuba, Obama wanted to show that the US no longer pursued an imperialist vision regarding Cuba. The United States sought to redress its lacerated ideological, social and political hegemony on the continent, which it sees as its own, in the face of the advance of other international actors, especially China, Russia and the EU [Leger, Tzili 2016].

5. Amplified policy of change. Although the strategy of legitimizing the internal counterrevolution and attributing international projection to it to some extent remained with Obama; the new approach of Obama sought to extend the American influence to all the Cuban society, especially to the sectors identified in this visit. Among those: religious people, self-employed population, youth, civil society, state and partisan officials. By doing so former president directly included Cuban community in US to the equation of the «changing the system» in a form of reconciliation of the nation. The novelty of this was in the attempt to minimize the visibility of the US agencies, embassies and other governmental actors in relation to promotion of changes in Cuba, substituting it with the «change by the hands of others» [Lancinski 2015]. The media presented such policies of the last two years of Barack Obama's administration as a direct concern for the well-being of ordinary Cuban population. This perfectly falls in order with the 2015 US National Security Strategy which promoted the principle of «strategic patience», meaning that changes in Cuba should happen naturally and gradually alongside with the disappearance of antagonism tendencies in the relations and self-defense reactions².

¹ World News tonight with David Muir, March 21, 2016. URL: <http://abcnews.go.com/US/president-obama-family-arrive-cuba-historic-visit/story?id=37791583> (accessed: 13.04.2017).

² National Security Strategy 2015. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (accessed: 13.04.2017).

6. Gradually lifting the blockade. Barack Obama subtracted political legitimacy from the scaffolding of the blockade which was undoubtedly positive. However, it is not done rapidly, but in a gradual, tailor-made manner with the emphasis of calibrating its consequences in accordance with the readiness of Cuban establishment to cooperate [Isacson, Kinosain 2016].

7. Making the course irreversible. With the adoption of a number of positive measures in the economic field, including the use of US currency, greater travel possibilities, joint ventures in the hotel area, agreement for flights and maritime travel; Obama administration sought to unleash dynamics in bilateral and cooperation ties that would be difficult to reverse in the future by the next administrations that turn out to be less committed to the relationship with Cuba. The support of business sector and general US population played here an important role. The emergence of specific interests alongside with the solution of common problems with Cuba, was also another strategic goal of US policy [Whitefield 2016; Lopez-Levi 2016]. The level of activism in the US-Cuban during the last two years was truly impressive. This includes 20 work groups on various topics and a special bilateral commission. There were 20 mutual visits on the ministry levels (7 from Cuban side and 13 from US) alongside with the 12 treaties in different spheres [Leiva 2015; Morris 2016].

And on the contrary, Trump is trying to enforce a practice when nothing that a previous administration has implemented can be tagged as irreversible and therefore the whole process could be compromised and undermined; especially since it was executed as a political directive and not in a form of law.

LOGICS OF TRUMP ADMINISTRATION

The other direction is represented by the new general course that president Trump is attempting to implement — a more belligerent and nativist capitalism, which does not necessarily drift away from elements of Obama's previous strategy. It is seeking the same objectives, but in a more «impatient» way, favoring a more confrontational course of greater pressures, hostility, interference. All that is expected to stop the pace of progress in bilateral relations, produce a phase of instability and amplify criticism of Cuba at the international level, triggering campaigns of defamation and new multilateral pressures.

Donald Trump, although it would not make Cuba a high priority, is expected to intensify blockade, especially in the financial sphere [Mayer 2017]. He would seek to take away from Cuba the alleged benefits that, in the logics of his political and electoral rhetoric, granted Cuba the thaw with Obama in 2015 and 2016¹. This scenario with the Trump administration does not exclude elements of cooperation with the Cuban government as some of those currently in the area of immigration, security, scientific exchange. At the same time, so-called unconventional wars or plans of subversion cannot be excluded.

¹ Presidential Policy Directive «United States-Cuba Normalization», 14 October 2015. URL: <http://beforeitsnews.com/obama/2016/10/presidential-policy-directive-united-states-cuba-normalization-2477737.html> (accessed: 13.04.2017).

These are the most likely reasons for a raise in hostility from Trump administration in relation to Cuba:

— the groups that support current president do not share his predecessor's explanation that the instruments of the previous hostility policy have failed. They believe that by employing the methods of confrontation, many typical for the Helms Burton act¹, can achieve the system change more expeditiously;

— perception of Cuba's vulnerability due to the economic problems it faces as a result of the Venezuelan crisis;

— relative strategic and military weakness of Cuba, it can be named the weakest «enemy» of the United States in terms of military potential;

— reactions to criticism from the right wing regarding the lack of concessions from Cuba, especially concerning the demands in the fields of changes in political system, freedoms and human rights;

— actions of right-wing Cuban-Americans for having acted in favor of the Republicans in the elections in Florida. It would not be so much because of the electoral potential of Cubans (Democrats won the Dade and Broward County), but because of the role that Cuban-Americans play in the structure of United States Republican party;

— possibility of “making concessions” to the republican establishment, whose candidates to the White House advocated in the primaries for a tightening of relations with Cuba, especially Marco Rubio and Jeb Bush. The Republican Platform, approved by today's White House Chief of Staff, Reince Priebus, is very hostile against Cuba. Trump's comments following the death of Fidel Castro in November 2016 are precisely along those lines²;

— the vision that Latin America does not continue to support Cuba with the same intensity and in the same way that it did in the years 2010—2015, given the changes to the right in the region [Serbin 2016];

— attempts to measure the “resistance” the new country's leadership can offer from 2018 to external actions, including provocations from US-backed counterrevolution movements;

— failure to realize important US business and economic interests in Cuba that theoretically may have the potential to curb eventual hostile government policies of Trump.

On June 17, 2017 Donald Trump publicly denounced the changes implemented during Obama's presidency, naming them inefficient and their terms unfavorable for the United States. During his speech, he had mentioned that it would not necessarily mean a complete shutdown of all the recent initiatives, just a renegotiation that should help to introduce a much better deal for the USA. However, such a blunt position does set resolution of the most crucial issues between Cuba and U.S. even further away and undermines the very foundation for any potential fruitful cooperation.

¹ Cuban Liberty and Democratic Solidarity Act, 1996. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-104publ114/html/PLAW-104publ114.htm> (accessed: 13.04.2017).

² How Donald Trump responded to the death of Fidel Castro, «a brutal dictator». Washington Post, 26 November 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/11/26/here-is-donald-trumps-reaction-to-fidel-castros-death/?utm_term=.406f339dae37.

It would be unreasonable to expect the new administration to impose the former president's Bush previous scenario. The rupture of diplomatic relations, or the sensitive economic interest of the United States in Cuba is most likely to cause more collateral damage, especially when the US general population's attitude is favorable to a more cooperative approach to United States — Cuba relations. Recent years have shown that soft power has proven in many cases to be more effective than the direct confrontation, economic and political sanctions. Such pressure only promotes the self-protection tendencies in the internal politics of that state, fueling the ideological struggle, thus leading to fewer possibilities for improving the situation. Even though republican supporters generally don't see Cuban direction in US foreign policy as economically and politically prominent, the fragile public opinion situation the party has been subjected to after the first contradictory steps of the new administrations concerning the issues of immigration imply the necessity to limit potential radical and intense policy changes [Zanona 2016].

At the same time, Donald Trump has been well-known for his critical position towards Cuba. He has already become famous worldwide for his hasty decisions, so it is hardly a surprise that despite the common sense, massive profits and public opinion he is still determined to enforce his confrontational model of US-Cuba relations. The most crucial questions are still unknown: "To what degree will the set-back occur?", "Which areas of cooperation are to be targeted?". The answers are most likely to determine the fate of the Cuban issue in Latin America and possibly the very future of the Inter-American system itself.

REFERENCES

- Badella, A. (2015). Obama and US Democracy Promotion in Cuba: New Strategies, Old Goals? *Caribbean Journal of International Relations & Diplomacy*, 3 (2), 7—35.
- Borodaev, V.A. (1998). Cuba: Look Before Leaping. *International Affairs*, 44 (5), 66—70.
- Campos, C.O. & Prevost, G. (2016). Cuba in the Western Hemisphere: What Has Changed? *International Journal of Cuban Studies*, 8 (2), 142—163. DOI: 10.13169/intejcubastud.7.2.0142.
- Hershberg, E. (2016). Introduction: US-Cuba Diplomatic Rapprochement and Washington's Relations with Latin America. In: *A New Chapter in US-Cuba Relations*. NY: Palgrave McMillan, p. 1—13.
- Isacson, A. & Kinosain, S. (2016). U.S. Policy Toward Cuba: Is the U.S. Embargo Coming to an End? Washington Office on Latin America. URL: <https://www.wola.org/analysis/u-s-policy-toward-cuba-u-s-embargo-coming-end> (accessed 15.05.2017).
- Lancinski, P. (2015). Normalization of US-Cuban Relations: Obama Doctrine and International Security in the Western Hemisphere. *Securitologia*, 22 (2): 5—16; DOI: 10.5604/18984509.1203722.
- Leger, T. & Tzili, E. (2016). Cuba, la proliferación institucional y el futuro de la política hemisférica. *Anuario de Integración*, edición especial, 367—381.
- Leiva, M.A. (2015). *View from Havana on Cuban-US Relations*. Washington D.C.: Huffington Post.
- Leogrande, W.M. (2015). Normalizing US—Cuba relations: escaping the shackles of the past. *International Affairs*, 91 (3), 473—488.
- Lopez-Levi, A. (2016). Cuba-US: The December 17 Agreement in the Rationale of Asymmetric Relations. In: *A New Chapter in US-Cuba Relations*. Ed. by E. Hershberg, W.M. LeoGrande. New York: Palgrave McMillan, p. 27—40.

- Mayer, M. (2017). Migration and Border Security under the Trump Administration. Washington Office on Latin America. URL: <https://www.wola.org/analysis/migration-border-security-trump-administration> (accessed 11.05.2017).
- Morris, E. (2016). How Will US-Cuban Normalization Affect Economic Policy in Cuba? In: *A New Chapter in US-Cuba Relations*. Ed. by E. Hershberg, W.M. LeoGrande. New York: Palgrave McMillan, p. 115—127.
- Serbin, A. (2016). Onstage or Backstage? Latin America and US-Cuban Relations. In: *A New Chapter in US-Cuba Relations*. NY: Palgrave McMillan, p. 179—189.
- Shifter, M. (2016). The US-Cuba Thaw and Hemispheric Relations. *Current history*, 115 (778), 75—76.
- Whitefield, M. (2016). *Obama moves to make Cuba policies 'irreversible'*. Miami Herald. URL: <http://www.miamiherald.com/news/nation-world/world/americas/cuba/article108195527.html> (accessed 12.05.2017).
- Zanona M. (2016). Trump and Cuba: A murky future. *The Hill*. URL: <http://thehill.com/policy/transportation/308007-trump-and-cuba-a-murky-future> (accessed 03.06.2017).

Received: 14.06.2017

For citations: Pérez Benitez, S., Eremin, A.A. (2017). US-Cuba relations: A new wave of confrontation? *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 568—574. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-568-574.

About the authors: *Pérez Benitez Santiago* — Deputy Director of the Center of International Studies in Havana, Cuba (e-mail: stgo1perezbenitez@gmail.com).

Eremin Arkadiy Alekseevich — assistant at the department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: 79151775018@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-568-574

ОТНОШЕНИЯ США И КУБЫ: НОВЫЙ ВИТОК КОНФРОНТАЦИИ?

С. Перес Бенитес

Центр международных политических исследований, Гавана, Куба

А.А. Еремин

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В рамках данной статьи подробно рассматривается изменение ситуации в американо-кубинских отношениях по вопросу ослабления политических и экономических санкций, инициированного администрацией предыдущего президента США Барака Обамы; а также приводится прогноз развития этого направления внешней политики Соединенных Штатов при администрации Дональда Трампа. Осмысление взглядов нового президента США на кубинскую проблему представляет беспрецедентный интерес в ключе общей стратегии нового истеблишмента относительно Латинской Америки в целом. Кубинский вопрос, являющийся пережитком идеологической борьбы времен холодной войны, не теряет важности по сей день, так как по мнению научного сообщества именно его решение станет своего рода «ключом» к Латинской Америке, а также создаст необходимый базис для преодоления политической, экономической и социальной фрагментации региона.

Для государств ЛКА снятие эмбарго с Кубы означает возможность для построения доверительных отношений с Вашингтоном, что ранее было невозможным благодаря активному и агрессивному политическому курсу последнего в Западном полушарии. С точки зрения Соединенных Штатов грамотное разрешение противоречий с Кубой, которое находит широкую поддержку у граждан обеих стран, может стать уникальной возможностью отойти от негативного имиджа панамериканской политики и придать новый импульс к сотрудничеству в межамериканском формате.

Немаловажно и то, что для стремительно теряющего популярность и поддержку среди собственных граждан Дональда Трампа кубинский вопрос имеет все шансы выступить в качестве политического «спасательного круга». Однако последние события и высказывания 45-го президента США угрожают не только привести в заморозке уже существующих проектов сотрудничества, но и к полномасштабному сворачиванию всех инициатив, начатых его предшественником в данном направлении.

Ключевые слова: Куба, санкции, эмбарго, Дональд Трамп

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: Pérez Benitez S., Eremin A.A. US-Cuba relations: A new wave of confrontation? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 3. С. 568—574. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-568-574.

Сведения об авторе: *Перес Бенитес Сантьяго* — заместитель директора Центра международных политических исследований (Куба) (e-mail: stgo1perezbenitez@gmail.com).

Еремин Аркадий Алексеевич — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 79151775018@yandex.ru).

© Pérez Benitez S., Eremin A.A., 2017

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-575-587

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ФОРМИРУЮЩАЯСЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

**Интервью с ДМИТРИЕМ ВАЛЕНТИНОВИЧЕМ МОСЯКОВЫМ,
доктором исторических наук, профессором,
руководителем Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии
и Океании Института востоковедения РАН, заведующим кафедрой
регионоведения МосГУ, членом редколлегии Вестника РУДН.
Серия: Международные отношения**

Дмитрий Валентинович Мосяков — ведущий российский эксперт по истории и современным проблемам стран Юго-Восточной и Восточной Азии, известный специалист по Камбодже, эксперт в области международных отношений и внешней политики.

Д.В. Мосяков в 1979 г. окончил историко-филологический факультет ИСАА МГУ по специальности «переводчик с кхмерского языка». В 1979—1983 гг. обучался в аспирантуре Института востоковедения АН СССР. В 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию по проблематике режима Пол Пота в Камбодже. Сотрудник Института востоковедения РАН с 1985 г. В 1991 г. проходил стажировку в Йельском университете (США). В 1994 г. защитил докторскую диссертацию по новейшей истории Камбоджи. Является организатором многолетнего проекта «Мониторинг современной истории стран Юго-Восточной Азии», в рамках которого в ИВ РАН ежегодно проходит межинститутская конференция и ее материалы публикуются в журнале из списка ВАК «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития», главным редактором которого является Дмитрий Валентинович.

Д.В. Мосяков — заведующий Центром изучения ЮВА, Австралии и Океании, член ученого совета ИВ РАН, член диссертационного совета по историческим наукам при ИВ РАН и ИСАА МГУ, член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», в 2014—2016 гг. входил в состав экспертного совета ВАК по историческим наукам. С 2001 г. по совместительству — профессор и заведующий кафедрой регионоведения в Московском гуманитарном университете. В 2015 г. Д.В. Мосяков временно исполнял обязанности директора ИВ РАН. С 2013 г. он является членом редколлегии Вестника РУДН. Серия: Международные отношения.

В интервью анализируется состояние развития исследований Юго-Восточной Азии в России и за рубежом, обсуждаются восприятие международных процессов в данном регионе, актуальные проблемы ЮВА, а также сотрудничество России и ЕАЭС со странами и интеграционными объединениями региона. Давая характеристику процессам в ЮВА, Д.В. Мосяков подчеркивает научно-

практическую актуальность исследований региона для отечественной науки, обращает внимание на возможность формирования в странах этой части света новых цивилизационных идентичностей и развития уникальных социокультурных процессов.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, США, КНР, Камбоджа, Индонезия, Вьетнам, исследования Юго-Восточной Азии в России

— Дмитрий Валентинович, в настоящее время вы — один из ведущих российских экспертов по Юго-Восточной Азии. Это ваш осознанный выбор или стечение обстоятельств?

— Вы знаете, ответить на этот вопрос довольно сложно. Иногда стечение обстоятельств — это и есть осознанный выбор! Так получилось, что я, обычный московский школьник, мало знал о Востоке, но у нашей семьи был очень хороший друг, известный востоковед и бирманист Г.П. Попов [Попов 1967]. Его еще знают как человека, который сумел вернуть многие картины Рерихов в Россию, когда он занимал высокие посты в Министерстве культуры. Однажды он пришел к нам домой и стал рассказывать о своей жизни в Бирме — об опасностях и приключениях, о восточных базарах, полных неведомых нам тогда вещей, о религии и традициях бирманцев, их ритуалах и об их истории.

В холодной Москве 1973 г. такой рассказ про настоящую Азию, в котором присутствовали все атрибуты, связываемые нами обычно с этим континентом, вызвали у меня огромный интерес. В дополнение к этому Генрих Павлович подарил замечательную книгу И.В. Можейко «Пять тысяч храмов на берегу Иравади». Интересная книга как с литературной, так и с научной точки зрения. В ней описывалась история Паганской империи, формирование монско-бирманской цивилизации [Можейко 1967]. Я сразу заболел востоком и отправился в Школу юного востоковеда в ИСАА. На момент моего поступления в ИСАА бирманского языка не было среди открытых специализаций. Из языков Юго-Восточной Азии был только кхмерский. И я подал на кхмерский и стал единственным человеком в нашей группе, кто сам пошел на изучение кхмерского языка, поскольку студенты изначально подавали преимущественно на арабский, китайский, японский.

Так что в определенном плане можно считать, что я сделал абсолютно осознанный выбор. Меня действительно заинтересовали Бирма, Камбоджа и Юго-Восточная Азия в целом как совершенно уникальный регион, который лежит между Индией и Китаем, обладает собственной историей, а самое главное — он не настолько изучен, быстро развивается и меняется, и есть масса тем для исследования. По Юго-Восточной Азии научной школы тогда еще не было, и все это открывало возможности для самостоятельной научной работы.

Можно ответить на ваш вопрос и несколько иначе: с одной стороны, выбор был осознанный, а с другой — сама судьба как бы направила меня по этому пути. В тот период шла бесконечная Вторая индокитайская война, сменившаяся противостоянием Вьетнама и полпотовской Камбоджи, и трудно было предположить, что кхмерский язык может понадобиться. Когда мы заканчивали ИСАА, никаких вакансий для работы с этим языком не предоставлялось. Мне помнится, что нас даже готовили работать переводчиками с французского языка и собирались направить в Африку на строительство газопровода.

Все изменилось в лучшую сторону в один момент, сразу после нового 1979 г. Мы только сдали экзамен по кхмерскому языку. И, можете себе представить, 7 января в программе «Время» сообщили: «Красный флаг взвился над Пномпенем». Это было удивительно, поскольку нам ясно представлялось, что красные кхмеры жестко контролируют Камбоджу, любое восстание подавляют самым жестоким образом, и их власть, которая поддерживалась Китаем, может просуществовать еще очень долго. В феврале 1979 г. после сессии на всю нашу группу пришли распределения на работу с кхмерским языком. Для многих ведомств стало очевидным, что они будут работать в Камбодже, помогать этой стране и ее новой власти в различных сферах, восстанавливать ее экономику, ее города, и для этого им были необходимы специалисты с кхмерским языком. Таким образом, изучение этого языка, которое изначально казалось напрасным, оказалось очень востребованным, можно сказать открыло дорогу в научную жизнь.

— Как вы оцениваете современное состояние развития исследований региона Юго-Восточной Азии в России? Какие новые исследовательские центры, издания сформировались? Насколько влияет на это языковой фактор, ведь языки стран региона изучаются в России значительно реже, чем, например, китайский или арабский?

— Уровень понимания в изучении Юго-Восточной Азии в значительной степени связан с первым поколением ученых — с теми, кто формировал эти исследования в нашей стране. Среди них стоит выделить В.А. Тюрина [Мосяков, Тюрин 2004] и Г.И. Чуфрина [Национальная безопасность... 1994], ставшего позже академиком РАН. Он был нашим заведующим отделом и сумел подобрать талантливых и очень интересных людей...

В их исследованиях были свои плюсы, но также существовали и проблемы, в первую очередь связанные с принятой у нас тогда идеологией, с тем, что следовало объяснить, как страны региона в условиях империалистического господства смогли набрать такие высокие темпы роста. Кроме того, коммунистические партии в этих странах были либо почти полностью уничтожены, либо вели партизанскую войну против правящих режимов. В таких условиях было сложно писать объективно, раскрывая характер региональной политики, всегда следовало подчеркивать, что в этих странах убивают коммунистов, а их элиты действуют в интересах американцев и империалистов.

В любом случае эти люди проложили дорогу к изучению и пониманию ЮВА, заложили фундамент изучения этого региона. В постсоветский период наши ученые добились очень многого в развитии связей и контактов с учеными и научными центрами стран ЮВА, с их правящими элитами. Никаких предубеждений или идеологических препятствий между нами не осталось. Мы имеем возможность объективно и сбалансированно, абсолютно свободно изучать политику и экономику всех стран ЮВА. Они готовы с нами сотрудничать, но сейчас дело упирается в два аспекта: финансовый и профессиональный.

Проблема в том, что специалистов как с языком, так и со знанием страны, которые действительно могли бы сделать многое на серьезном уровне, просто не хватало.

тает. И это затрагивает не только наш центр или институт, это проблема всего востоковедного, а шире — гуманитарного направления. Видимо, это общий процесс. Причем в академической среде он идет более быстро, в образовательной сфере он не так сильно выявлен. Это фактическое старение, уход кадров. Какое-то время в нашем отделе все страны были «закрыты» специалистами со знанием языка: от Лаоса до Индонезии, Таиланда, Сингапура и т.д. А сейчас по некоторым странам просто уже нет специалистов, и это негативно отражается на состоянии исследований региона.

Спасает только тот факт, что наш центр — это фактически центр большинства исследований, проводимых в нашей стране по ЮВА, т.е. мы привлекаем исследователей из РУДН, МГИМО, из Института Дальнего Востока и РИСИ. Если взглянуть на наши ежегодные конференции, то это не совсем конференции нашего центра, а мероприятия всего российского научного сообщества, которое изучает ЮВА. Это позволяет работать над очень широким спектром вопросов экономики, политики, истории и культуры. Но как долго будет это продолжаться — неизвестно, поскольку какого-то нового поколения, которое продолжило бы традиции изучения ЮВА, я пока, к сожалению, не вижу. Это вызывает некоторое чувство тревоги и сожаления, потому что сейчас есть масса открытых архивов, масса различного документального и мемуарного материала, и, казалось бы, можно выполнять фундаментальные работы по всем аспектам жизни стран ЮВА.

Более того, без притока молодых специалистов такая интереснейшая и актуальная проблематика, как, например, ответ на вопрос: формируется ли в рамках стран ЮВА, объединенных в АСЕАН, новая цивилизационная общность, сравнимая по своей целостности с китайской или индийской, — остается открытым. Это глобальная тема, фундаментально важная для понимания процессов, происходящих в ЮВА, требует определенного финансирования, специальных, в том числе полевых, исследований, которые мы на данный момент выполнить не в состоянии. Мы можем только предполагать, что сегодня в рамках АСЕАН, в рамках политики создания общего экономического, политического, культурного, социокультурного пространства, формирования общих региональных интересов проявляется новая самоидентификация людей.

В различных государствах ЮВА задумываются над тем, что они не просто тайцы, вьетнамцы, индонезийцы, но они из Юго-Восточной Азии! И эта надстраиваемая «сверху» идентичность их объединяет. Моментами мне кажется, что такая тенденция усиливается, моментами — что нет. Дело в том, что текущая ситуация в регионе крайне сложна. Фактически ЮВА разрывается китайско-американскими противоречиями, когда одни страны тяготеют больше к Вашингтону, другие — к Пекину, третьи же выступают за АСЕАН как самостоятельный центр мировой политики. Растущие в связи с этим противоречия сильно осложняют этот процесс.

— В целом по миру, в каких странах сложились наиболее сильные центры по исследованию ЮВА?

— Самые сильные центры по исследованию ЮВА, я бы сказал, находятся в самой ЮВА. Стоит, прежде всего, отметить высокое качество исследований таких центров, как, например, Институт стратегических и международных иссле-

дований Малайзии, Чулалонгкорнский университет и Тхаммасатский университет в Таиланде, исследовательские центры в Сингапуре, в том числе на базе Национального университета. В них работают как местные, так и ведущие западные специалисты, и они, находясь как бы внутри региона, «на почве» довольно подробно и объективно рассматривают различные аспекты складывающейся в разных странах ЮВА ситуации.

Очень интересны исследования, выполняемые в Сингапуре. Сингапурцы как бы зажаты огромным малайским миром и им крайне важно знать, что там происходит, какие тенденции развиваются в близлежащих странах. Из государств, расположенных вне ЮВА, я бы выделил 2 основных центра: Соединенные Штаты и Австралия. В Йельском и Корнельском университетах существуют прекрасные школы по изучению ЮВА, тем более что там обучается очень много студентов из этих стран.

Особо мне хотелось бы сказать о школе ЮВА в Йельском университете¹, где мне довелось читать лекции. Высокий уровень анализа и преподавания, наличие там ученых первой величины вроде Бена Кьернана [Chandler, Kiernan 1983] или Дэвида Чандлера [Chandler 2008] — они мне были наиболее близки как раз в связи с тем, что очень много студентов в Йеле — выходцы из Азии, тайванцы, китайцы, индонезийцы, тайцы, сингапурцы. И поэтому лекции, которые я там читал по красным кхмерам, по их истории, вызывали осязаемый интерес. Сегодня для США ЮВА — вновь один из приоритетов внешней политики, в 2011 г. они заявили о своем «возвращении на Восток» и довольно активно действуют в этом направлении. Для центра ЮВА в Йеле — это новые гранты, новые курсы и больше студентов.

В Австралии, где есть четкое понимание того, что в ближайшей перспективе ей предстоит «жить и работать» со странами ЮВА, научные центры по изучению этого региона — вроде наиболее известного среди них в Университете Монах² — всячески поддерживаются. По финансированию они, конечно, не сравнимы с американскими, поэтому многие австралийские ученые, как только становятся известными специалистами, стараются уехать в США. Но им на смену все время приходят новые исследователи.

В Китае также существуют крупные научные центры по изучению ЮВА. Однако их позиция часто довольно субъективна, они всячески выделяют ведущую роль Китая в историческом генезисе в ЮВА или оправдывают его нынешнюю политику в Южно-Китайском море. Но там есть и масса интересных исследований, и можно сказать, что уровень изучения региона и его проблем высок в тех странах, которые наиболее заинтересованы в понимании того, что происходит в ЮВА.

Что касается отечественных центров, в том числе и нашего, то с точки зрения их международного влияния существует очень серьезная проблема, связанная с общим состоянием нашей востоковедной науки. К сожалению, сегодня любые

¹ Council on South-East Asia Studies at Yale University. URL: <http://cseas.yale.edu> (accessed: 17.06.2017).

² Centre of Southeast Asian Studies at Monash University. URL: <http://artsonline.monash.edu.au/mai/cseas-about/> (accessed: 17.06.2017).

работы обретают какую-то известность именно при переводе на английский и распространении их в международной экспертной среде. Мы же в основном пишем и публикуемся по-русски. Недавно, например, вышла одна из моих книг «Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему» [Мосяков 2012]. С русского ее перевели и издали во Вьетнаме. Но на английском ее нет, а значит это исследование практически неизвестно в глобальном научном мире.

К сожалению, после распада СССР огромное научное пространство, где господствовал русский язык, ушло в прошлое, а наше — я имею в виду свою сферу исследований — неучастие в англоязычном научном обмене осталось. Среди работ современных ученых по ЮВА, обсуждаемых глобальным экспертным и интеллектуальным сообществом, практически не найти отечественных исследований. Но это несправедливо, ведь мы пишем книги не менее, а может и более интересные, чем издаваемые на английском. Нужны авторитетные издательства, связанные с глобальным академическим сообществом.

Проблема перевода и распространения наших исследований — это сегодня серьезная проблема российского востоковедения. При всех трудностях я думаю, что мы можем из всего потока книг на базе экспертного отбора найти те, которые следовало бы перевести, издать и распространять в международной экспертной среде. Уровень наших специалистов вполне достойный, и решение этой проблемы может позволить нам вновь стать одним из мировых центров изучения региона. Мы выдвигаем множество идей, у нас достаточно интересных размышлений, но они по большей части остаются внутри нашего научного сообщества.

В качестве примера мне не хотелось бы про себя, конечно, говорить, но, например, такое уникальное исследование как «История Камбоджи. XX век» (750 с.) [Мосяков 2010], не только не вышло за рамки нашего научного сообщества, более того, мне пришлось издавать его наполовину за собственные деньги. А все это исследование написано на архивах. Это архив ЦК КПСС и архив МИДа, записи бесед, дневники послов. Это наша версия истории Камбоджи и многих событий, в которых мы участвовали и которые подчас совершенно неверно трактуются на Западе. На английский язык, естественно, у меня не было возможностей ее перевести и, тем более, как-то издать и прорекламирровать. Эта книга стала важным фактором в нашем внутреннем понимании произошедших событий, но говорить, что кто-то ссылался на нее за границей или она была использована изучающими Индокитай, Камбоджу или историю агрессии США в Индокитае — нельзя. Явлением в международном научном сообществе она не стала, а в другой ситуации вполне могла бы. Выживание отечественного востоковедения напрямую, как мне представляется, зависит сегодня от решения этой проблемы.

— Можно ли назвать Юго-Восточную Азию отдельной подсистемой международных отношений? Кто из глобальных акторов (США, КНР) доминирует в данном регионе? Потеряли ли США с выходом из Транстихоокеанского партнерства свои позиции? Существует ли на современном этапе азиатский нейтраллизм?

— По поводу подсистемы международных отношений ответ будет, конечно же, положительным. Этот регион следует воспринимать даже не как подсистему,

тему международных отношений, а, как я уже отмечал, — формирующуюся на наших глазах цивилизационную общность. Другой вопрос — проблема регионального единства. Кроме существующих противоречий, которые, как показывает практика, страны АСЕАН вполне успешно преодолевают, большую роль играет все более жесткое соперничество США и Китая за преобладание в Юго-Восточной Азии. Проблема состоит в том, что Китай воспринимает страны ЮВА как регион, который в значительной степени был потерян в эпоху «исторической слабости», и поэтому растущий Китай считает своим долгом проводить политику восстановления того, чем Китай когда-то обладал в эпоху своего могущества.

Но парадокс в том, что страны ЮВА никогда не считали себя «утерянной» территорией Китая. Отношения с Китаем в доколониальный период были достаточно сложными, но эти страны никогда не были под китайским контролем, они — например, вьетнамцы и бирманцы — не раз успешно отражали китайские вторжения. Поэтому для них политика Китая — это политика экспансии, которая может создать угрозу их суверенитету. Здесь мы наблюдаем очень серьезную проблему и противоречие в понимании Китаем своей политики в регионе и того, как эти страны рассматривают политику Китая. Китайский подход вполне понятен: расширение торгово-экономических связей и инвестиций с ростом зависимости стран АСЕАН от Пекина и его политики. Этот процесс как раз и происходит в рамках зоны свободной торговли Китай — АСЕАН. Проблема для Китая в том, чтобы определить, где экономическая взаимозависимость может перейти в политическую сферу, когда можно будет начать выстраивать с этими странами «особые» отношения. Пока их нет, несмотря даже на то, что товарооборот между Китаем и АСЕАН составляет практически полтриллиона долларов — у Китая товарооборот больше только с США.

В таких обстоятельствах у стран ЮВА появляется необходимость найти контрбаланс экспансии Китая, и в этой роли сегодня выступают США. Я полагаю, что поворот Америки обратно на Восток, как в свое время заявила Х. Клинтон в своей знаменитой статье в *Foreign Policy* [Clinton 2011], был связан во многом с тем, что страны ЮВА обращались к США с «просьбой» вернуться, поскольку ситуация с продвижением Китая становилась с их точки зрения опасной.

Но было бы неверно говорить о том, что существуют только 2 полюса в регионе: Китай и США. Ничего подобного! Страны ЮВА, пригласив США, не стали целиком и полностью полагаться на них, указав границы американского влияния. Благодаря этому американская концепция создания вокруг Китая чего-то вроде «санитарной зоны» в составе Филиппин, Вьетнама, Таиланда и Бирмы, которые были бы в конфликтных отношениях с Китаем, а за их спиной стояли бы США и манипулировали бы этим конфликтом, не реализовалась.

Второй важный аспект — это то, что страны ЮВА — не объекты влияния современных сверхдержав, а самостоятельные субъекты международных отношений. Они ведут свою контригру и проводят очень интересную политику по привлечению в регион других стран. Огромное значение поэтому для них приобретают отношения с Индией в рамках ее поворота на Восток, с Австралией, с Японией, которая экономически активнейшим образом в регионе присутствует, и, конечно, отношения с Россией. Страны ЮВА заинтересованы в том, чтобы как можно боль-

ше было участников этого политического оркестра, чтобы у них сохранялась постоянная свобода в обращении к любому государству, так или иначе присутствующему в регионе. И все вместе они проводят взвешенную и сбалансированную политику, получая выгоды от всех и в то же время сохраняя свободу выбора.

— Ряд стран ЮВА (например, Индонезия) планирует войти в число ведущих мировых держав. Что можно сказать о внешнеполитической мысли данных стран в этой связи? Появляются ли новые школы и концепции, призванные обосновать достижение и удержание глобального лидерства странами региона?

— Говорить о глобальном лидерстве Индонезии сегодня было бы преждевременно. Главная проблема Индонезии состоит, как мне представляется, в следующем. Что более важно — оставаться лидером АСЕАН и главным ядром АСЕАН, либо выйти из АСЕАН и реализовывать себя как Республика Индонезия (не член АСЕАН, а именно как Республика Индонезия, обладающая всеми данными), чтобы войти в число мировых держав? Здесь существуют очень серьезные разногласия, индонезийская элита в последнее время занимает двойственную позицию. С одной стороны, всем понятна роль и значение АСЕАН и Индонезии для АСЕАН, но, в то же время, всем понятны и некоторые ограничения, которые накладывает на Индонезию ее участие в АСЕАН, когда чисто индонезийскую позицию приходится подстраивать под асеановские интересы.

В сложившейся ситуации для достижения значимых позиций в мировом обществе у Индонезии есть 2 пути. Один путь через АСЕАН, возрастание роли АСЕАН и вместе с этим возрастание роли Индонезии в рамках строительства так называемого сообщества АСЕАН. Мне представляется, что со многих точек зрения это более выгодный для этой страны курс, чем переход к самостоятельному, отдельному от стран АСЕАН развитию. Выход из АСЕАН может подорвать достигнутую стабильность и предсказуемость политического процесса в ЮВА, породить новые конфликты и разрушить все, что с таким трудом было наработано с 1967 г.

— Каковы перспективы развития АСЕАН? Может ли альянс быть поглощен крупными интеграционными инициативами и способен ли самостоятельно генерировать новые глобальные форматы, привлекательные для других стран вне региона?

— АСЕАН, несомненно, определенная самостоятельная единица международных отношений, и какие бы противоречия внутри этого блока ни были, они не мешают ему выступать в качестве влиятельного актора в мировой политике. Именно страны АСЕАН являются инициаторами целого ряда очень важных международных инициатив. Первая такая инициатива касалась создания безъядерной зоны в ЮВА. Позже они выступили с идеей создания асеановского регионального форума по безопасности (АРФ), а вслед за этим и с предложением организовать восточноазиатские саммиты, которые сегодня превратились в одну из наиболее важных структур сотрудничества и безопасности в АТР. Кстати, организация восточноазиатских саммитов свидетельствует об определенной гибкости политики АСЕАН. Ведь в начале асеановской истории страны блока считали своей задачей

вытеснение из региона всех внешних сил, чтобы, как они говорили, «самостоятельно решать свою судьбу». Сегодня, понимая, что это неосуществимо, они выступают за привлечение в регион других стран, чтобы сохранять существующий баланс сил.

Мне представляется, что АСЕАН сейчас видит цель и смысл своей политики в сохранении позиции самостоятельного игрока, хочет быть не объектом в политике других государств, а субъектом мировой политики. Вот эта субъектность АСЕАН и ее сохранение является приоритетной целью, ради которой действуют лидеры и государства. В столицах стран ЮВА прекрасно понимают, что если АСЕАН начнет разрушаться и если структура превратится в объект внешних усилий, то все вернется на круги своя. Это будут страны, роль которых в мире будет крайне невелика.

В таких условиях огромную роль играют принципы единства АСЕАН и невмешательства во внутренние дела соседей. Они разделяются всеми, может быть, в меньшей степени индокитайскими странами, Камбоджей и Лаосом, которые менее интегрированы в региональный блок. Ключевые страны АСЕАН рассматривают эти принципы как главную ценность, так как понимают, что, если они их нарушат, то неизбежно «треснет» фундамент всего этого регионального блока, а ситуация станет непредсказуемой. Более того, исчезнет атмосфера доверия между странами АСЕАН, которая, с моей точки зрения, является одним из их главных завоеваний.

— В последние годы наблюдается рост террористической угрозы по всему миру, в том числе и в регионе Юго-Восточной Азии, чему свидетельством, например, недавние события на о. Минданао (Филиппины). На ваш взгляд, насколько вероятна хаотизация региона при такой угрозе, и возможен ли захват группировками каких-либо крупных территорий, как это имело место в Сирии и Ираке?

— Я не думаю, что эта угроза в регионе ЮВА реальна. Да, здесь есть радикалы и радикальные исламистские организации, которые требуют введения шариата и строительства исламского государства. Но в целом в Юго-Восточной Азии и, в частности в Индонезии, ислам несколько иной, чем, например, на арабском Востоке. Там ислам — основная часть культуры, жизни, быта, мыслей и всего остального. В Юго-Восточной Азии — за исключением провинции Ачех в Индонезии и нескольких провинций в Малайзии — ислам как-бы надстраивается над традиционными верованиями, которые составляют значительную часть духовной культуры населения стран региона.

В Индонезии, исламской стране, действуют исламские партии, которые больше 15% голосов вообще не получают, хотя апеллируют к исламским ценностям. Недавно меня поразила очень интересный случай из индонезийской жизни. На Яве было извержение вулкана, и оно стало угрожать одной из мусульманских общин. Приехали спасатели и предложили населению уезжать в срочном порядке из-за угрозы жизни. Но глава этой деревни вдруг сказал: «Мы пока не уедем, дух — хранитель нашей общины знака еще не подал; подаст знак — мы поедем».

Это еще одно доказательство того, насколько важным для индонезийцев является дух — хранитель общины. У меня такое впечатление, что семейный культ,

дух — хранитель семьи и культ предков плюс дух — хранитель общины намного важнее для большинства индонезийцев, чем нормы шариата. Поэтому говорить о том, что террористы могут рассчитывать на поддержку большинства населения страны — это неправильно. На Минданао, что на Филиппинах, или в прошлом в Ачехе радикалы могут какой-то район захватить, но, как показывает жизнь, шансов расширить свои зоны контроля и поддержки со стороны населения они не имеют.

При этом надо учитывать то, что большинство режимов стран ЮВА прошли через годы партизанских войн, как, например, в Бирме, Таиланде и Малайзии. Они имеют опыт военной борьбы, более того, в Малайзии, например, действуют еще законы о безопасности 1950-х гг., которые позволяют властям жестко пресекать любые антиправительственные действия.

В то же время есть и одно «но» — это финансы. Если террористическое движение имеет возможность получать солидную материальную подпитку из-за рубежа, то покончить с ним очень сложно. Массы безработных пойдут в террористы, чтобы выжить и получать деньги за террористические операции. Пример этого — Филиппины, где террористическая активность — и это очевидно — существует на деньги ряда стран Персидского залива. Кто-то в странах Залива решил, что мусульманско-христианский фронт должен проходить по Минданао, что Минданао должен сохранить исламский характер, и сколько бы соглашений ни заключалось с радикальными группировками, как, например, с группировкой «Абу-Сайяф», а до этого с Фронтом национального освобождения Моро, тут же появляется новый радикальный фронт, поскольку под эти цели направляются немалые финансовые средства.

Поэтому нельзя исключать, что финансовые потоки могут направить и на дестабилизацию Индонезии, Малайзии или Таиланда, где террористы действуют на населенном мусульманами юге этой страны. Но сломить местные правительства и посеять хаос будет намного сложнее, чем в Сирии. Там, да и в других арабских странах, кроме внешнего воздействия были свои серьезные внутренние причины, раскол элит. Здесь же мы видим вполне устойчивые правительства. В Индонезии президент Джоко Видодо опирается на значительный консенсус общества и элит. Филиппинский лидер Родриго Дутерте опирается на мощную народную поддержку. Тайские военные, которые контролируют положение в Таиланде, также пользуются поддержкой большинства населения.

— В последние годы эксперты все чаще говорят о выгодах сотрудничества России и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как с отдельными странами Юго-Восточной Азии, так и с АСЕАН в целом. В мае 2015 г. было подписано соглашение о создании зоны свободной торговли ЕАЭС с Вьетнамом. Каковы, на ваш взгляд, перспективы и оптимальные форматы такого сотрудничества?

— Оптимальный формат сотрудничества — это, конечно, постепенная торговая либерализация, как это было сделано при создании зоны свободной торговли с Вьетнамом. Это был первый опыт, сейчас готовится зона свободной торговли с Сингапуром. Может быть, имело смысл подумать о создании зоны

свободной торговли со всем блоком АСЕАН. Для нас в сотрудничестве с ЮВА важен поиск доверия, которое очень ценится на Востоке. Доверие и интерес к России могут быть существенными факторами, которые будут способствовать нашему продвижению в регион. В случае успеха Россия сможет добиться инвестиций, серьезных контрактов, участвовать в больших инфраструктурных проектах.

В странах ЮВА несомненно существует определенный интерес к России, хотя экономически мы не можем сравниться по объему торговли с АСЕАН с той же Японией — 230 млрд долл. США. У нас — 20 млрд долл. США. Но у нас есть другой важный товар, который в этом регионе очень ценится, и он называется безопасность. Этот «товар» вызывает не меньший интерес к нам, чем общий объем торговли. Мы формируем вместе с другими странами (Япония, Австралия, Индия) тот самый политический оркестр, который позволяет странам АСЕАН сохранять свою субъектность в условиях растущих американо-китайских споров. Плюс растущее доверие, уважение к нашему принципиальному подходу, направленному на поиск только мирных путей урегулирования существующих конфликтов.

В начале интервью я упоминал про недоверие к нам в советский период, когда такие известнейшие специалисты, как, например, Ю.О. Левтонова [Левтонова 1979] и В.Ф. Васильев [Васильев 2009] имели минимум общения с представителями Филиппин, Бирмы. Считалось, что мы как бы против этих правительств. Сегодня этого нет, наоборот, многие ученые из стран ЮВА стремятся установить с нами научные контакты и связи.

Я полагаю, что мы имеем все шансы продолжить освоение этого региона. Причем участие России возможно не только в рамках сотрудничества по государственной линии или в рамках поставок вооружений. По сравнению с СССР у нас есть и еще один козырь — частный бизнес. В последний раз, когда я был в Сингапуре, то познакомился с нашими соотечественниками, которые ведут там бизнес в сфере высоких технологий. Выяснилось, что в одном только Сингапуре работает около 4 тыс. российских фирм. Чем больше их там будет, тем больше мы будем присутствовать в этом регионе и развивать сотрудничество на основе так популярной в ЮВА формулы — *people to people*, которая, как там верят, рождает *win-win cooperation*.

Интервью провел Н.С. Куклин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильев В.Ф. История Мьянмы/Бирмы. XX век. М.: Крафт, 2009.
 Левтонова Ю.О. История Филиппин: Краткий очерк. М.: Наука, 1979.
 Можейко И.В. 5000 храмов на берегу Иравади. М.: Наука, 1967.
 Мосяков Д.В. История Камбоджи. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010.
 Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: Институт востоковедения РАН, 2012.
 Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М.: Восточный университет, 2004.
 Национальная безопасность России на Востоке: вызовы и ответы / Под ред. Г.И. Чуфрина. М.: ИВ РАН, 1994.
 Попов Г.П. Бирманская литература: Краткий очерк. М.: Наука, 1967.
 Chandler D.P. A History of Cambodia. NY: Westview press, 2008.

Chandler D.P., Kiernan B. *Revolution and Its Aftermath in Kampuchea: Eight Essays*, New Haven, CT: Yale University Southeast Asia Studies Monograph No. 25, 1983.

Clinton H. *America's Pacific Century* // *Foreign Policy*. N 189. 2011. P. 56—63. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed: 14.06.2017).

Gaiduk I.V. *The Soviet Union and the Vietnam War*. Chicago: I.R. Dee, 1996.

Дата поступления статьи: 13.06.2017

Для цитирования: Юго-Восточная Азия: формирующаяся региональная идентичность. Интервью с проф. Д.В. Мосяковым (Институт востоковедения РАН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 575—587. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-575-587.

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-575-587

SOUTH-EAST ASIA: EMERGING REGIONAL IDENTITY

Interview with DMITRY MOSYAKOV, Doctor of History, Professor, Member of the Academic Council and Head of the Center for the Study of Southeast Asia, Australia and Oceania of Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Regional Studies of Moscow University for the Humanities, Member of Editorial Board of Vestnik RUDN. International Relations

Abstract. Dmitry Mosyakov, leading Russian expert on South-East Asia, graduated from the History and Philology Department of Institute of Asian and African Countries at Lomonosov Moscow State University, majoring as an interpreter of the Khmer language in 1979. In 1979-1983 he studied in the post-graduate school of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR. In 1983 he defended his thesis on the problems of the Pol Pot regime in Cambodia. He works for the Institute of Oriental Studies (IOS) since 1985. In 1991, he was trained at the Yale University (USA). In 1994 he defended his doctoral dissertation on the modern history of Cambodia.

He is the organizer of the multi-year project “Monitoring of the Modern History of Southeast Asian Countries”, within which the IOS hosts the annual inter-institute conference and, according to the results of the conferences, its materials are published in the peer-reviewed academic journal “Southeast Asia: Topical Problems of Development”. Dmitry Mosyakov is an editor-in-chief of this journal. He is also the head of the center of South-Eastern Asia, Australia and Oceania of IOS, a member of the Academic Council of the IOS. He is a member of the dissertation council for historical sciences at the IOS, Moscow State University, and of the editorial board of the journal “Asia and Africa Today”. Since 2001 he is a Professor and the head of the department of regional studies at the Moscow Humanitarian University (part-time). In 2015, Dmitry Mosyakov was the provisional director of the IOS. Since 2013 he is a member of Editorial Board of Vestnik RUDN. International Relations.

The interview includes following topics: the state of development of the South-East Asian studies in Russia and abroad, the perception of international processes in the region, the contemporary problems of the South-East Asia, and the cooperation of Russia and the Eurasian Economic Union countries and integration associations of the South-East Asia region. Describing the processes in the Southeast Asia, Dmitry Mosyakov emphasizes the scientific and practical relevance of the region's research for Russian science, he also draws attention to the possibility of the formation of the new civilizational identities and unique sociocultural processes in the countries of this part of the world.

Key words: South-East Asia, ASEAN, USA, China, Cambodia, Indonesia, Vietnam, South-East Asian Studies in Russia

REFERENCES

- Chandler, D.P. (2008). *A History of Cambodia. Fourth edition*. Boulder.: Westview press.
- Chandler, D.P. & Kiernan, B. (1983). *Revolution and Its Aftermath in Kampuchea: Eight Essays*. New Haven.: CT: Yale University Southeast Asia Studies Monograph N. 25.
- Chufrin, G. (Eds.). (1994). *Russian National Security in the East: Challenges and Responses*. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (in Russ.).
- Clinton, H. (2011). *America's Pacific Century*. Foreign Policy. 189, 56—63. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century> (accessed: 14.06.2017).
- Gaïduk, I.V. (1996). *The Soviet Union and the Vietnam War*. Chicago: I.R. Dee.
- Levtonova, Yu.O. (1979). *History of Philippines. Brief essay*. Moscow: Nauka. (in Russ.).
- Mosyakov, D.V. (2010). *History of Cambodia. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (in Russ.).
- Mosyakov, D.V. (2012). *China's Policy in Southeast Asia in the Past and the Present*. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (in Russ.).
- Mosyakov, D.V. & Tyurin V.A. (2004). *History of South-East Asia*. Moscow: Oriental University. (in Russ.).
- Mozheiko, I.V. (1967). *5000 temples on the shore of Irrawaddy*. Moscow: Nauka. (in Russ.).
- Popov, G.P. (1967). *Burmese literature: a short essay*. Moscow: Nauka. (in Russ.).
- Vasil'ev, V.F. (2009). *History of Myanmar/Burma. XX century*. Moscow: Kraft. (in Russ.).

Received: 13.06.2017

For citations: South-East Asia: Emerging Regional Identity. Interview with prof. *Dmitry Mosyakov* (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences) (2017). *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 575—587. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-575-587.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-588-597

RODRIGO DUTERTE — WHO IS HE?

D.S. Panarina

Institute of Oriental Studies of RAS,
Moscow, Russia

Abstract. This paper touches upon one of the most odious political figures of modern world — Philippine president Rodrigo Roa Duterte who has been at his post for a year so far. The author aims to take a closer look into his personal and political qualities, figure out in which manner they influence and determine his decision-making process. The article analyses the most significant steps taken by Duterte in his presidential career in order to predict further development of his international and domestic policies alongside with the possible changes in the political layout in the Philippines.

Using mostly theoretical methods of analyses and induction the author makes a number of conclusions stating that despite the image of a straight-forwarded brute, Rodrigo Duterte is a much more complex politician, who uses such an image for his own purposes. Being a cunning and wise leader, he knows the boundaries that are not to be crossed — this way even his unprecedented behaviour does not undermine his attempts to maintain balance among the most influential nations in the world.

Massive critique from the outside world does not seem to matter to Duterte since in his politics he firstly relies on the support of his own people, who despite his unconventional methods see him not as a dictator, but as a rather unusual reformist ready to introduce in the Philippines some changes instead of maintaining status-quo. Such policy and determination adds to Duterte's popularity among his people on the background of the former presidents' indecisive political moves.

Key words: Rodrigo Duterte, War on Drugs, rude rhetoric, new political partners, independent policy, two-side negotiations, economic agreements

On May 9, 2016, the Filipinos voted for their new 16-th president, a person who would lead the country for the following 6 years. The pre-election period of almost two years and the official campaign were tense and full of mutual accusations. Among other candidates Rodrigo Duterte appeared to be the last one to join the campaign and yet he won despite his reputation and all kinds of “cases” in his political career as a mayor of Davao City, the post he had held for almost 22 years with minor breaks to bypass the law that prohibits politicians to take the same post more than 3 times in a row.

During the campaign, multiple times Duterte promised to establish the same regime and rules he used in Davao City in order to set “law and order” throughout the Philippines. He truthfully admitted that he was not going to be gentle with “criminality in general and drug lords in particular” and that his presidency can turn violent. Nevertheless, this crude rhetoric hasn't stopped the people from giving Duterte their votes. Even more

so, it surprisingly made the majority of the society see him as the only possible candidate for presidency. But how could such a blunt politician earn public admiration and love to such a wide scale, that rating of trust in him skyrocketed up to 91%¹ straight after the inauguration? The answer lies in many aspects and is well studied in numerous researches [Thompson 2016: 3—14, 39—68; Holmes 2016: 15—38; Teehankee 2016: 69—89; Curato 2016: 91—109; Reyes 2016: 111—137; Castro 2016: 139—159; Batalla 2016: 161—186]² done by scholars from different countries since the time Rodrigo Duterte has been elected president of the Philippines on June 30, 2016.

The goal of the article is neither to evaluate the quality of Duterte's presidential campaign, nor is it to conduct deep historic comparison between Duterte and other notorious leaders of the world. This paper mainly aims at examining most significant deeds of the Philippines' 16-th president so far. The author also is attempting to take a closer look into Duterte's personality and the image he has created for himself among local public and on the global scale. Another, and final question is whether such policy, introduced by the new president is capable to bring the Philippines prosperity and happiness that was promised during the elections.

Current research is partially based on other scholars' papers, social surveys, official polls and partially on mass-media and press-releases. Some of the information was extracted from personal interviews and meetings with the experts both from the Philippines and Russia who either work for the Philippines government-related organizations or have been conducting academic research on the Philippines in Russia. One of such experts is Elba S. Cruz, PhD, MNSA, a president and CEO in the Development Academy of the Philippines and her colleague Merliza M. Makinano, a managing director in the Center for Institutional Marketing at the Development Academy of the Philippines. Among the Russian scholars, it is necessary to outline the significant input of Viktor Vladimirovich Sumsy, PhD in History, head and director of the ASEAN Center in Moscow State Institute of International Relations.

Methods used in the paper are primarily theoretical. Analysis of media and research materials is done to extract and define the main characteristics for Duterte's populist

¹ In July 2—8, 2016, The Pulse Asia statistical agency performed a survey on the level of trust to the three top national officials. The nationwide survey was based on the answers from 1,200 respondents aged 18+. The survey included the president Rodrigo R. Duterte with 91% (out of 100% aware) of public trust, the vice-president Maria Leonor G. Robredo with 62% (out of 100% aware) of public trust and finally the Supreme Court Chief Justice with 35% (out of 79% aware) of public trust. July 2016 Nationwide Survey on the Trust Ratings of the Top 3 Philippine Government Officials and Filipinos' Expectations of the New Administration. Pulse Asia Research Inc. URL: <http://www.pulseasia.ph/july-2016-nationwide-survey-on-the-trust-ratings-of-the-top-3-philippine-government-officials-and-filipinos-expectations-of-the-new-administration> (accessed: 08.06.2017).

² Also see: 'I Will Kill All the Drug Lords' / *The Atlantic*. By Sheila Coronel. September 20, 2016. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/09/rodrigo-duterte-philippines-manila-drugs-davao/500756> (accessed: 08.06.2017); Why Did the Philippines Just Elect a Guy Who Jokes About Rape as Its President? / *Time*. By Nash Jenkins. May 10, 2016. URL: <http://time.com/4324073/rodrigo-duterte-philippines-president-why-elected> (accessed: 08.06.2017).

image. Method of induction helps determine Duterte's general political course and make conclusions on potential consequences of his domestic and international policy for both the Philippines and the region of South-East Asia in the nearest perspective.

PERSONALITY AND POLITICAL CAREER OF RODRIGO DUTERTE

Rodrigo Duterte was born on March 28, 1945, in Maasin, Philippines. His father, Vicente G. Duterte, was a Cebuano lawyer. Later he became the acting mayor of Danao and after that the provincial governor of at the time undivided Davao province. Rodrigo started his education at Laboon Elementary School in Maasin. But within one year, the family moved to Davao City, where he was admitted to Santa Ana Elementary School, graduating from there in 1956.

His high school education was not at all smooth. After being expelled from two schools for unruly behavior, he was finally admitted to the High School Department of the Holy Cross College (now Cor Jesu College) in Digos and continued his education from there.

After successfully completing high school he was sent to Manila, where he was accepted to Lyceum of the Philippines University. He graduated in 1968 with a degree in Political Science. Subsequently, he entered San Beda College of Law and in 1972 passed his bar examination¹.

Rodrigo Duterte was far from an obedient scholar, on the contrary he himself seems not to be a stranger to violence. Speaking of his high-school years he admitted that he shot one of his classmates. As *The Enquirer* explains, the student bullied Duterte² and and got shot for that, luckily not to death. It is worth mentioning other examples of Duterte behavior such as his statements on personally killing three criminals as a mayor of Davao. He said: "I killed about three of them... I don't know how many bullets from my gun went inside their bodies. It happened and I cannot lie about it." And also added: "In Davao I used to do it [kill] personally. Just to show to the guys [police] that if I can do it why can't you"³.

Duterte was elected mayor for the first time in 1988. During the following decade he was reelected twice. Due to the term-limit restrictions he did not run for mayor in 1998, but he successfully earned a seat in the Philippines House of Representatives representing Davao. Upon the completion of that term in 2001, he returned to Davao City and was once more elected mayor. The above-mentioned restrictions were imposed again in 2010, when he occupied the position of vice- mayor, and his daughter Sara served as mayor. In 2013 Duterte returned to the mayor's office, this time alongside with his son Paolo ("Pulong").

¹ The Famous People. Rodrigo Duterte Biography. URL: <http://www.thefamouspeople.com/profiles/rodrigo-duterte-7713.php> (accessed: 08.06.2017).

² Law student Duterte shot frat brod on campus in '72. / *Philippine Daily Enquirer*. By Fe Zamora. April 22, 2016. URL: <http://newsinfo.inquirer.net/780836/law-student-duterte-shot-frat-brod-on-campus-in-72> (accessed: 08.06.2017).

³ Philippines: Duterte confirms he personally killed three men. *BBC News*. December 16, 2016. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-38337746> (accessed: 08.06.2017).

During his more than two decades in the seat of Davao mayor, this controversial politician managed to transform the city into one of the safest areas in Southeast Asia¹. Duterte's radical crime-fighting tactics earned him the nicknames "the Punisher" and "Duterte Harry"², but critics such as Amnesty International and Human Rights Watch claimed that Duterte was responsible for more than 1,000 extrajudicial killings. Rather than denying such allegations, he embraced them. The death squads that had carried out the killings operated with an impunity that implied official sanction, and Duterte openly praised both their methods and their apparent results. In that way, he cultivated the image of a coarse pistol-toting vigilante in the months leading up to the presidential election³. His further speeches full of insults against now former American president Barack Obama, Pope Francis⁴, US Secretary of State John Kerry⁵ and many others comply to his image of a foulmouthed politician incapable of diplomacy.

FROM US-PHILIPPINES PARTNERSHIP TO CHINA-RUSSIA-PHILIPPINES ALLIANCE

Rough, impolite and even offensive speeches aimed at US politicians were not a sign of general hostility towards the Americans, but were mostly an answer to their certain actions. To those who in any way tried to influence or control Duterte, he specifically outlined his determination to stay independent.

¹ Official statistics for that notion can be taken from *CY 2015 Annual Regional Economic Situationer*, presented by the NEDA (National Economic and Development Authority): The Region's crime solution efficiency rate rose significantly from 49.12 percent in 2014 to 64.73 percent in 2015, up by 15.61 percentage points. Decreases were also recorded for total crime volume, with both index and non-index crimes reduced to 50,510 in 2015, which was 22.4 percent lower than what was recorded in 2014. In terms of crime solution efficiency by province, Davao City achieved the highest rate at 78.88 percent, followed by Davao del Norte with 73.93 percent, Compostela Valley with 51.39 percent, Davao del Sur with 42.91 percent and Davao Oriental with 37.73 percent efficiency rate.

The improvement in crime solution efficiency, as well as the relative decrease in crime volume, were attributed to intensified law enforcement operations through increased visibility of mobile patrols in crime-prone and highly-crowded areas / NEDA. Region XI — Davao Region. Reports. URL: <http://nro11.neda.gov.ph/reports/>. (accessed: 08.06.2017). For a media view on the same topic see: Welcome to Davao, the Philippine Leader's Town: 'No Smoking, No Crime' / The New York Times. By Floyd Whaley. June 16, 2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/06/17/world/asia/philippines-davao-duterte.html?_r=1 (accessed: 08.06.2017).

As it is seen, though the criminality rate seems to be going down, it is early to speak about real "freedom from criminals" as far as the means to gain it appear to be rather crucial and tough.

² Reference to the fictional movie character Dirty Harry, the ruthlessly effective police inspector portrayed by Clint Eastwood.

³ Rodrigo Duterte. President of the Philippines / By Michael Ray. Last updated: 5-25-2017. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Rodrigo-Duterte> (accessed: 08.06.2017).

⁴ Duterte diplomacy: Philippine leader's global insults / Agence France-Presse. September 06, 2016. URL: <http://globalnation.inquirer.net/144023/144023> (accessed: 08.06.2017); Rodrigo Duterte: From 'Punisher' to Philippines President / By Georgia McCafferty. September 6, 2016. URL: <http://edition.cnn.com/2016/04/21/asia/philippines-rodrigo-duterte-profile/index.html> (accessed: 08.06.2017).

⁵ Philippines' Rodrigo Duterte insults US envoy with homophobic slur / Agence France-Presse. August 10, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/aug/10/philippines-leader-calls-us-ambassador-gay-son-of-a-whore-prompting-summons> (accessed: 08.06.2017).

Despite his lack of diplomacy, President Duterte clearly comprehends the biggest dangers for his nation (potential or existing) and acts accordingly, trying not to let his inappropriate comments and jokes cause serious trouble for his country.

In order to limit the control of US over the Philippines, thus ensuring his more or less independent political course, Duterte has transferred his political preferences from the Philippines long-standing partner — the USA — to other powerful leaders, who have interests in the region: China and Russia. To gain support for such a drastic change among the population Duterte uses the US former colony rhetoric, outlining multiple injustices that Washington has caused to the Philippines.

During his yet brief presidency, Duterte managed to achieve the following goals:

1) putting on hold traditional relations with the United States at the same time preserving economic ties and financial help;

2) rapid improvement in bilateral relations with China, new trade agreements and about 25 billion dollars in loans¹ aimed at improving local infrastructure;

3) maintaining steady relations with Japan that continues to contribute into the economy of Philippines greatly, hoping by doing so to enhance its influence over South-East Asia;

4) expanding cooperation ties to Russia in relation to mutual trade, energy security and in other various spheres². Most importantly, Russia for Duterte is a potential new supplier of arms to the country since US stopped selling their rifles as a reply to Duterte's War on Drugs policy³.

To sum it up, in terms of foreign affairs President Duterte achieved quite a lot despite his peculiar reputation. It would seem that his quite unpredictable behavior serves one goal — to fulfill the current target and at that point end here justifies the means. Everything else, as he himself once mentioned in the interview to RT journalists, is “collateral damage”⁴.

¹ Duterte brings home \$24 billion worth of deals. The Business Mirror. October 21, 2016. URL: <http://www.businessmirror.com.ph/duterte-brings-home-24-billion-worth-of-deals> (accessed: 08.06.2017).

² PH veggies, fruits eyed for Russian market / By Ellalyn De Vera. January 29, 2017. Manila Bulletin. URL: <http://news.mb.com.ph/2017/01/29/ph-veggies-fruits-eyed-for-russian-market> (accessed: 08.06.2017); More high-value crops lined for export to Russia / By Louise Maureen Simeon. January 28, 2017. Philstar Global. URL: <http://beta.philstar.com/business/2017/01/28/1666083/more-high-value-crops-lined-export-russia> (accessed: 08.06.2017); Joint Statement by the Co-Chairs of the Russia-Philippines Joint Commission on Trade and Economic Cooperation. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/d8289f2d-9b67-4046-bcd4-41206515b9df/260117+JS+final_eng.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=d8289f2d-9b67-4046-bcd4-41206515b9df (accessed: 08.06.2017); Russia firms eye Phl infra projects / By Richmond Mercurio. February 3, 2017. Philstar Global. URL: <http://www.philstar.com/business/2017/02/03/1668401/russia-firms-eye-phl-infra-projects> (accessed: 08.06.2017); Phl eyes GSP with Russia / By Richmond Mercurio. February 13, 2017. Philstar Global. URL: <http://www.philstar.com/business/2017/02/13/1671561/phl-eyes-gsp-russia> (accessed: 08.06.2017).

³ Exclusive: U.S. stopped Philippines rifle sale that senator opposed — sources / Reuters. November 1, 2016. URL: <http://www.reuters.com/article/us-philippines-usa-rifles-idUSKBN12V2AM> (accessed: 08.06.2017).

⁴ See: (WATCH) Russian documentary features Duterte's war on drugs / January 30, 2017. Manila Bulletin. URL: <http://news.mb.com.ph/2017/01/30/watch-russian-documentary-features-dutertes-war-on-drugs> (accessed: 08.06.2017).

DOMESTIC POLICY — THE WAR ON DRUGS

As any other candidate, running for presidential election, Duterte had formed a socio-economic program of future national development. It included 10 main social and economic ideas. If implemented, they were promised to successfully improve general level of life in the country. Among those: maintaining high economic growth rate of the previous administration, lifting business restrictions for international investors and entrepreneurs, implementing a tax reform, funding infrastructure development, executing agricultural reform, promoting science, technology and education and so on¹. It was a well-balanced development program consisting exceptionally of righteous ideas. However, during his inauguration speech Duterte added to the up-given points a necessity to intensify the fight against crime and drugs, labeling those as the gravest dangers for the Filipinos. He recited: “There are many amongst us who advance the assessment that the problems that bedevil our country today which need to be addressed with urgency, are corruption, both in the high and low echelons of government, criminality in the streets, and the rampant sale of illegal drugs in all strata of Philippine society and the breakdown of law and order. True, but not absolutely so. For I see these ills as mere symptoms of a virulent social disease that creeps and cuts into the moral fiber of Philippine society. I sense a problem deeper and more serious than any of those mentioned or all of them put together. But of course, it is not to say that we will ignore them because they have to be stopped by all means that the law allows. Erosion of faith and trust in government — that is the real problem that confronts us. Resulting therefrom, I see the erosion of the people’s trust in our country’s leaders; the erosion of faith in our judicial system; the erosion of confidence in the capacity of our public servants to make the people’s lives better, safer and healthier”².

Presumably, Duterte made a strategic decision to start his domestic policy with reestablishment of “law and order” using rather authoritarian and militaristic methods that are heavily criticized by Western democratic societies, but at the same time rapidly earned him the abovementioned “trust” of ordinary people.

This morally contradictive decision promoted Duterte’s popularity among the nation since most of the population was tired of ineffective liberal reformism. Moreover, not just the poor and the oppressed showed their support for the new president, but rather members of all social strata, including the rich and the middle-class³. Furthermore, Duterte’s call to help with exterminating the drug-dealers and drug-addicts allowed people to personally take part in the “cleanings”, to become a part of the president’s policy,

¹ President Duterte’s 10-point socioeconomic agenda / *Philippine Daily Inquirer*. January 02, 2017. URL: <http://business.inquirer.net/222340/president-dutertes-10-point-socioeconomic-agenda> (accessed: 08.06.2017).

² President Rodrigo Duterte inauguration speech / *INQUIRER.net*. June 30, 2016. URL: <http://newsinfo.inquirer.net/793344/full-text-president-rodrigo-duterte-inauguration-speech> (accessed: 08.06.2017).

³ July 2016 Nationwide Survey on the Trust Ratings of the Top 3 Philippine Government Officials and Filipinos’ Expectations of the New Administration. Table 4. Pulse Asia Research Inc. URL: <http://www.pulseasia.ph/july-2016-nationwide-survey-on-the-trust-ratings-of-the-top-3-philippine-government-officials-and-filipinos-expectations-of-the-new-administration> (accessed: 08.06.2017).

to directly influence the situation and to finally have a real chance to defend themselves from the usual dangers of crime and violence. People's opinions of the president better than anything else show what issues are the most important for the biggest part of the country population. The following citations prove this point quite evidently:

Bong, 31, from Cebu said: "I think it's good that he is addressing issues like crime, drugs and corruption. I used to worry about getting robbed downtown but it's much safer now to walk around".

Ferdinand A. Almoradie, who lives in Cagayan de Oro, says drugs were frequently sold near his home. "You could buy them on the roadside as easily as you would buy rice", he said. "Duterte has accomplished a lot and is the right leader to serve and protect the integrity of all Filipinos. I hope that one day the Philippines will be a drug free country so that my children and grandchildren can feel safe".

Carla from Tacloban, the city largely destroyed by typhoon Haiyan, believes that regardless of what one may think of the president personally, there have been visible changes to the everyday lives of Filipinos. "I have friends and acquaintances who have been using meth for years, their families destroyed by their addiction. But today they are back with their families and trying to make up for their mistakes.

"He is a man of and for the people. Yes, he is vulgar, foul-mouthed, and says what he thinks without a filter. But he is also sincere, honest, and hardworking, and he loves the poor and the weak. And he has a sense of humor to boot. Despite his rough rhetoric and unpolished behavior, he is intelligent and clever and he thinks and plans strategically"¹.

There are many more and not all of them are so positive and optimistic. Critics of Duterte accuse him of ruining democracy, lacking the understanding of political nuances and diplomacy, even almost being crazy and dangerous for the society, unqualified to be a president². However, it seems that the majority³ of the Filipinos will support the president even if they are a afraid of him or do not support some of his actions. He has shown that he is ready for real change, and for the people in most cases "some action is better than no action"⁴.

To gain a better understanding of the results achieved by Duterte via his violent War on Drugs it is needed to consider the following facts: 1) around 7000 extrajudicial killings of drug-users, drug-pushers, drug-lords or just suspects⁵; 2) around 1 million of drug-

¹ 'He's vulgar — but honest': Filipinos on Duterte's first 100 days in office / The Guardian. By Rachel Obordo. October 8, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/08/rodrigo-duterte-first-100-days-philippines-president> (accessed: 08.06.2017).

² Ibid.

³ See for more opinions and more detailed points of view on Duterte: <https://www.quora.com/What-do-Filipinos-think-of-Rodrigo-Duterte> (accessed: 08.06.2017).

⁴ 'He's vulgar — but honest': Filipinos on Duterte's first 100 days in office / The Guardian. By Rachel Obordo. October 8, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/08/rodrigo-duterte-first-100-days-philippines-president> (accessed: 08.06.2017).

⁵ Philippines police paid to kill alleged drug offenders, says Amnesty / The Guardian. By Oliver Holmes. January 31, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jan/31/philippines-police-paid-to-kill-alleged-drug-offenders-says-amnesty-rodrigo-duterte> (accessed: 08.06.2017). A contrary official information as stated by the president's spokesman Ernesto Abella, see: Abella calls 7,000 extrajudicial killings 'fake news' / The Philippine Star. By Audrey Morallo. April 21, 2017. URL: <http://www.philstar.com/headlines/2017/04/21/1692511/abella-calls-7000-extrajudicial-killings-fake-news> (accessed: 08.06.2017).

abusers have willingly surrendered and were sent to clinics for rehabilitation¹; 3) Duterte's image can be easily mistaken with one of a dictator; 4) stable popularity and high trust for the president among the majority of the population, grateful for "some action instead of nothing".

Thus, the opinion that the world might have about the personality or policies of president Duterte does not matter inside the country — his ratings keep growing despite any critique from the outside world. Weather it brings the desired results, in what amount of time and on what price is a question for another research, a question that cannot be answered yet.

To be equitable it is worth saying that Duterte's domestic policy is not all about the War on Drugs. Though the volume of the paper does not allow to separately discuss this question further, it is important to outline at least several of the most significant results of Duterte's social and economic policy in the country:

- 1) launch of 10-point socio-economic agenda and 2040 anti-poverty plan;
- 2) launch of multi-billion infrastructure development projects;
- 3) facilitating business activities and foreign investments;
- 4) organization of peace talks with rebels ongoing in Norway;
- 5) establishment of national emergency hotline;
- 6) suppressing bureaucracy, facilitation of formal procedures;
- 7) rigorous audit of the mining companies that have gained enormous profits by ignoring environmental security norms and well-being of indigenous people;
- 8) widening competitions of services & utilities allowing Filipinos gain wider and cheaper access to stable electricity, faster Internet, better basic services etc.²

Some of these points can cause certain questions — mostly those concerning their implementation. Lack of trustworthy information from Philippines do not allow to properly evaluate the following aspects of Duterte's policy. However, judging by the attributing traits of the new 16-th president of the Philippines, his determination has a good chance of bringing this nation its' dignity back.

To sum it all up and to finish with the major characteristics of his populist image, he represents a kind of leader, who is:

- ◆ decisive, straightforward, foulmouthed;
- ◆ smart and careful enough to lead equibalanced policy among China and US as two strong states present in the region;
- ◆ open-up to those powers which can bring him profit (political, strategic or economical);
- ◆ good at understanding where to draw the line not to start a real military conflict;
- ◆ ready for the change in all aspects;
- ◆ quick to show that he is true to his promises.

¹ See: (WATCH) Russian documentary features Duterte's war on drugs / January 30, 2017. Manila Bulletin. URL: <http://news.mb.com.ph/2017/01/30/watch-russian-documentary-features-dutertes-war-on-drugs> (accessed: 08.06.2017).

² Luzviminda Bayani. December 6, 2016. URL: <https://www.quora.com/What-do-Filipinos-think-of-Rodrigo-Duterte> (accessed: 08.06.2017).

These traits give us a chance to figure out the very utilitarian logics that stand behind Duterte's decision-making. It is best described by the words of Balázs Áron Kovács and Tony Lynch who wrote in their work¹: "Drugs are a problem in the Philippines. What is the most direct way of dealing with it? Kill drug pushers and users. Is it feasible? Yes. Let us do it. China is encroaching on Philippine maritime territory. Is it possible to repel China? No. Let us deal with China, then. The insurgencies are a fundamental challenge to the state and a major loss of treasure and life. Can they be defeated? No. Let us negotiate peace with them. All these are part of what add up to an effective nation-building project, perhaps not planned, but playing out so". And from the outside it looks Duterte does implement the policy most convenient for him at a particular moment.

As for the perspectives lying ahead of the current Philippines president Rodrigo R. Duterte, it seems that as for the international politics he is going to keep fragile equilibrium between most powerful nations getting from each of them what he sees necessary for his country, avoiding crucial conflicts and bringing in investments for utmost projects from abroad. As for his domestic policy, it will most likely go on in the same questionable, but effective manner, preserving the "good leader" status for the new president, marking him rather a long-awaited reformist, than a dictator.

REFERENCES

- Batalla, E.V.C. (2016). Divided Politics and Economic Growth in the Philippines. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 35 (3), 161—186.
- Castro, de R.C. (2016). The Duterte Administration's Foreign Policy: Unravelling the Aquino Administration's Balancing Agenda on an Emergent China. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 35 (3), 139—159.
- Curato, N. (2016). Politics of Anxiety, Politics of Hope: Penal Populism and Duterte's Rise to Power. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 35 (3), 91—109.
- CY 2015 Annual Regional Economic Situationer / NEDA. Region XI — Davao Region. Reports. (2015). URL: <http://nro11.neda.gov.ph/reports> (accessed: 08.06.2017).
- Holmes, R.D. (2016). The Dark Side of Electoralism: Opinion Polls and Voting in the Philippine Presidential Election 2016. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 35 (3), 15—38.
- Nationwide Survey on the Trust Ratings of the Top 3 Philippine Government Officials and Filipinos' Expectations of the New Administration. Pulse Asia Research Inc. (2016). URL: <http://www.pulseasia.ph/july-2016-nationwide-survey-on-the-trust-ratings-of-the-top-3-philippine-government-officials-and-filipinos-expectations-of-the-new-administration> (accessed: 08.06.2017).
- Reyes, D.A. (2016). The Spectacle of Violence in Duterte's "War on Drugs". *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 35 (3), 111—137.
- Teehankee, J.C. (2016). Duterte's Resurgent Nationalism in the Philippines: A Discursive Institutional Analysis. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 35 (3), 69—89.
- Thompson, M.R. (2016a). Introduction. The Early Duterte Presidency in the Philippines. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 35 (3), 3—14.
- Thompson, M.R. (2016b). Bloodied Democracy: Duterte and the Death of Liberal Reformism in the Philippines. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 35 (3), 39—68.

Received: 13.06.2017

¹ Balázs Áron Kovács, Tony Lynch. Is Duterte 'Nation-Building' in the Philippines? / The Diplomat. October 11, 2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/10/is-duterte-nation-building-in-the-philippines> (accessed: 08.06.2017).

For citations: Panarina, D.S. (2017). Rodrigo Duterte — who is he? *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 588—597. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-588-597.

About the author: *Panarina Daria Sergeevna* — PhD in Cultural Studies, Research Fellow at the Centre of South-East Asia, Australia and Oceania of Institute of Oriental Studies of RAS (e-mail: daria2002panarina@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-588-597

РОДРИГО ДУТЕРТЕ — КТО ОН?

Д.С. Панарина

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Статья посвящена личности одной из самых одиозных политических фигур нашего времени — нового филиппинского президента Родриго Роа Дутерте, который занимает означенный пост уже год (с 30.06.2016).

Автор ставит своей целью разобрать основные характеристики Дутерте как личности и как политика, определить, каким образом его карьера повлияла на его политический «стиль», выделить и проанализировать наиболее важные его решения и шаги, предпринятые до недавнего времени с тем, чтобы спрогнозировать как возможное развитие его внешне- и внутривнутриполитического курса, так и изменения атмосферы в стране, в первую очередь среди простого народа Филиппин.

Используя в основном теоретические методы анализа и индукции, автор приходит к выводам, что, во-первых, президента Филиппин Родриго Дутерте нельзя назвать просто недалеким грубияном, так как он представляет собой хитрого и мудрого политика, очень хорошо чувствующего границы, которые нельзя переходить. И во-вторых, вне зависимости от мирового общественного мнения или от того, каким образом страны — лидеры мировой политики (такие, как США или ЕС) и организации (такие, как ООН) могут критиковать Дутерте касательно его внутренней политики или «грязной» риторики, он твердо намерен оставаться «независимым» в своих действиях, если последующие политические и стратегические шаги тех, кто априори сильнее его, не представляют угрозу его стране.

В своей политике он в первую очередь опирается на поддержку народа, а его образ решительного, независимого, жесткого, но искреннего и прямого политика, несмотря на его зачастую противоречивые и неоднозначные решения и не вполне демократические действия (с точки зрения в первую очередь Западного общества), добавляют Дутерте популярности, в особенности на фоне пассивной политики и нерешительных шагов предыдущих филиппинских президентов.

Ключевые слова: Родриго Дутерте, борьба с наркотиками, грубая риторика, новые политические партнеры, независимая политика, двусторонние переговоры, экономические соглашения

Дата поступления статьи: 13.06.2017

Для цитирования: *Panarina D.S. Rodrigo Duterte — who is he? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 588—597. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-588-597.*

Сведения об авторе: *Панарина Дарья Сергеевна* — канд. культурологии, научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН (e-mail: daria2002panarina@gmail.com).

© Panarina D.S., 2017

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-598-611

ПРОБЛЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ ОКИНАВЫ В ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Д.В. Стрельцов

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

В послевоенный период окинавский вопрос на долгие годы стал камнем преткновения в отношениях между США и Японией, рискуя подорвать основы альянса. Фактически Окинава олицетворяла собой глубокие противоречия между дипломатическими и военно-стратегическими интересами США в Восточной Азии и национальными интересами Японии, для которой Окинава представляла собой в первую очередь внутривнутриполитическую проблему.

В середине 1960-х гг., несмотря на повышение роли Окинавы в американской глобальной стратегии после начала вьетнамской войны, США пришли к выводу о необходимости скорейшей передачи Окинавы Японии. Главным препятствием на пути реализации этого решения было складированное на острове ядерное оружие, которое играло важную роль в глобальной стратегии Пентагона. США удалось найти такой вариант передачи Окинавы Японии в 1972 г., при котором они сохранили бы за собой право на хранение здесь ядерного оружия и его транзит через остров в случае чрезвычайных обстоятельств.

Передача Японии административных прав на Окинаву имела символический характер. Данным шагом США продемонстрировали свое стремление к тому, чтобы Токио играло более ответственную роль в альянсе на правах полноценного члена, а не просто «младшего партнера».

Ключевые слова: Япония, возвращение Окинавы, «остаточный суверенитет», ядерное оружие, вьетнамская война, Договор безопасности

Архипелаг Рюкю находился под административным управлением США на протяжении 27 лет — с 1945 г. до мая 1972 г. В этой связи большой интерес вызывает вопрос о том, с чем была связана столь длительная задержка в принятии США решения о возвращении Окинавы Японии и в каких исторических обстоятельствах это решение было принято. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы определить роль Окинавы в глобальной американской стратегии 1950—1960-х гг., показать место проблемы возвращения Японии Окинавы в японо-американских отношениях послевоенного периода, выявить значение специфических факторов, повлиявших на достигнутое союзниками в конце 1960-х гг. соглашение по Окинаве.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ СТАТУС ОКИНАВЫ

Окинава (архипелаг Рюкю) представляет собой группу из более 160 островов общей площадью около 2,3 тыс. км², из которых населенными являются не более четверти. Самый крупный из островов *Окинава хонто* площадью 289 км² опреде-

лил название всей префектуры. С начала XVII в. королевство Рюкю находилось под управлением княжества Сацума и одновременно являлось данником империи Цин. В 1872 г. королевство получило статус княжества в составе Японии, но в 1879 г. оно было ликвидировано, а архипелаг перешел под прямое управление мэйдзийского правительства в качестве префектуры Окинава. Однако и после этого национальная и этническая идентичность окинавцев существенно отличалась от основной территории Японии. Даже в конце прошлого века тот факт, что Окинава является частью Японии, представлялся непреложным только на основной территории Японии, но не на Окинаве [Lie 2001: 96].

В марте 1945 г. Окинава стала одним из театров военных действий Тихоокеанской войны. Именно этот остров был единственной частью территории современной Японии, где между японцами и американцами развернулись боевые действия. Японская императорская армия оказала американским войскам ожесточенное сопротивление, которое продолжалось вплоть до июня 1945 г. Согласно ст. 3 Сан-Францисского мирного договора, подписанного Японией 8 сентября 1951 г., США получили все права административного, законодательного и юридического контроля в отношении территории и населения Рюкю, включая территориальные воды¹. Окинава не была упомянута в ст. 2 в числе тех территорий, от которых Япония отказалась (Курильские острова, Формоза, Пескадорские острова и т.д.).

Мирный договор формально не препятствовал тому, чтобы архипелаг перешел не только к Японии, но и к какому-либо иному государству, например США или Китаю. Тем не менее госсекретарь США Дж.Ф. Даллес заявил на конференции, что Япония сохранила в отношении Окинавы «остаточный суверенитет» [Hara 2007: 175]. Такая формула подразумевала, что Япония сохраняла за собой право на возвращение архипелага, что в какой-то степени предотвращало ее дальнейшее расчленение. Вместе с тем США получили право размещения там своих военных баз.

Для управления архипелагом в декабре 1950 г. была создана Американская гражданская администрация островов Рюкю (USCAR) [Пустовойт 2014: 144], представлявшая собой, по сути, военную администрацию. Жители Окинавы выбирали местное законодательное собрание и имели собственный орган исполнительной власти — Правительство островов Рюкю (Government of the Ryukyu Islands, GRI), полномочия которого определялись американскими властями [Aldous 2003: 488].

Военные власти контролировали местное общественное мнение, осуществляя жесткую цензуру в местных СМИ и даже отказывали в выдаче паспортов тем из окинавцев, кто был замечен в нелояльности. Установленная США система управления Рюкю дала бывшему послу США в Японии Э. Рейшауэру основания охарактеризовать в 1969 г. Окинаву как «колонию с населением в 1 миллион японцев» [Mitchell 2005].

¹ United Nations — Treaty Series. No. 1832. Treaty of Peace with Japan. Signed at San Francisco, on 8 September 1951. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf> (accessed 22.03.2017).

В самой Японии условия мирного договора, касающиеся Окинавы, вызывали сильные протестные настроения. В стране против ст. 3 развернулось петиционное движение. 28 апреля 1952 г., когда по Сан-Францисскому договору Япония официально обрела независимость, был назван «днем национального позора». На следующий день после этого, 29 апреля 1952 г., на сессии законодательного собрания Рюкю подавляющим большинством голосов была принята резолюция за возвращение Окинавы Японии [Eldridge 2001: 372].

Политика США на Окинаве была непоследовательной и противоречивой. Сразу после окончания оккупационного периода американские власти в целом старались не будоражить общественное мнение и не практиковали грубых методов во взаимоотношениях с местным населением. Однако в середине 1950-х гг. ситуация изменилась: базы на Окинаве приобрели огромное значение в качестве стратегических форпостов в деле противостояния СССР, а размещенные на них ядерные ракеты стали важной частью глобальной политики ядерного сдерживания. В этой связи со второй половины 1950-х гг. США стали действовать более жестко, взяв курс на принудительную конфискацию земель с целью расширения площади баз. В свою очередь, это вызывало массовые протесты населения.

В середине 1950-х гг. окинавский вопрос впервые приобрел политико-дипломатическое звучание в связи с так называемым шантажом Даллеса. В августе 1956 г. госсекретарь США Дж.Ф. Даллес в беседе с японским министром иностранных дел М. Сигэмицу пригрозил, что если Япония пойдет на предложения СССР по урегулированию линии границы (т.е. согласится с принадлежностью Курильских островов Советскому Союзу), то США, пользуясь ст. 26 Сан-Францисского мирного договора, навсегда оставят за собой архипелаг Рюкю¹. Этот эпизод показал, насколько большое значение придавали американцы Окинаве.

ОКИНАВСКИЙ ВОПРОС В ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-Х ГГ.

На протяжении 1950-х гг. японское правительство неоднократно ставило перед США вопрос о возвращении Окинавы. Новым поводом для этого стала подготовка в конце 1950-х гг. новой редакции Договора безопасности. Соглашаясь идти на уступки по вопросам, касающимся большего равноправия Японии в рамках альянса, американцы упорно отвергали японские требования возвращения Окинавы, мотивируя это неспособностью Японии защитить себя в одиночку [The Diplomatic History... 2011: 64].

Подписание в январе 1960 г. новой редакции Договора безопасности США позволило существенно ослабить антиамериканские настроения в Японии. В договор были внесены изменения с учетом позиции Токио: ликвидировано право США

¹ Согласно данной статье, если какое-либо из государств подписывает договор о мирном урегулировании с Японией, его условия не должны быть для этого государства более благоприятными, чем для прочих стран, подписавших Сан-Францисский мирный договор. Иными словами, отказ от Окинавы в пользу США рассматривался как «компенсация» за отказ Японии от Курильских островов в пользу СССР.

использовать войска для наведения порядка в Японии, внесено положение о проведении консультаций по ключевым вопросам безопасности и внешней политики, добавлен пункт о сроке действия договора и о механизмах выхода из него. Однако статус Окинавы как территории, находящейся под контролем американских военных властей, остался неизменным.

Помимо наличия на острове военной администрации США, особый статус Окинавы по отношению к основной территории Японии определялся после подписания новой редакции Договора безопасности двумя моментами. Во-первых, Окинава оказалась за пределами американских гарантий безопасности, которые, согласно ст. 5 Договора безопасности, распространялись только на территории, находящиеся под административным контролем Токио. Во-вторых, на Окинаве, в отличие от баз США на территории Японии, складировалось ядерное оружие. Оба этих момента создавали разрыв в статусе между самой Японией и Окинавой, усиливая среди окинавцев ощущение жертвы дискриминации. С одной стороны, это создавало почву для антиамериканских настроений в японском обществе, с другой — лишь усиливало отчужденность между Окинавой и Японией и в этом смысле препятствовало воссоединению архипелага с основной территорией страны.

К тому же с течением времени усиливался разрыв в уровнях экономического развития не в пользу Окинавы. Подобный контраст служил «немым укором» правительству Японии и наглядно демонстрировал, что продолжение фактической оккупации островов чревато колоссальными издержками для альянса. В условиях, когда американцы игнорировали японские требования в отношении Окинавы, а механизмы «выпуска пара» просто отсутствовали, общественное мнение Японии со второй половины 1950-х гг. становилось все более нетерпимым по отношению к США — именно проблема Окинавы стала одной из причин массовых антиамериканских выступлений в период прохождения Договора безопасности через парламент в 1960 г.

Однако после вступления договора в силу в 1960 г. в японо-американских отношениях наступает период относительного спокойствия. Японскому политическому руководству удалось убедить общественность в том, что альтернативы внешнеполитическому курсу ориентации на Вашингтон у Токио просто не существует. Свою роль играла и относительная популярность в Японии нового президента Дж. Кеннеди, а также благоприятное восприятие японцами того факта, что американским послом в Токио стал известный японист, профессор Гарварда Э. Рейшауэр, знающий и любящий Японию и к тому же женатый на японке.

Японское руководство стремилось не создавать лишних поводов для напряженности в отношениях с США. Встречаясь с президентом Дж. Кеннеди в июле 1961 г., премьер-министр Японии Х. Икэда, в противоположность своим предшественникам, не поднимал вопроса о передаче прав административного управления Окинавой. Одновременно кабинет Икэда усиливал финансовую помощь территории. Однако никаких дополнительных перспектив ее возвращения это не создавало.

На этом фоне на Окинаве разворачивалось протестное движение, в основе которого лежала идея освобождения от колониального господства. Это происходило на фоне активного подъема в мире национально-освободительного движения.

В связи с принятием Генеральной ассамблеей ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам законодательное собрание Рюкю направило в феврале 1962 г. в адрес ООН резолюцию, в которой говорилось о том, что Окинава остается американской колонией [Коно, Симотомаи 2015: 614].

Активные протесты не могли не оказывать влияния на позицию США. В марте 1962 г. президент Кеннеди был вынужден публично признать, что Окинава является частью Японии, и выразить надежду на ее возвращение [Того 2005: 65].

НОВЫЕ ФАКТОРЫ ЗА И ПРОТИВ ВОЗВРАЩЕНИЯ ОКИНАВЫ ЯПОНИИ

В середине 1960-х гг. появилось несколько новых факторов в пользу скорейшего решения окинавской проблемы. Прежде всего, США стали по-иному оценивать международно-политическую и экономическую роль Японии в Азии, которая благодаря высоким темпам экономического роста существенно укрепила свои позиции в качестве члена западного капиталистического мира. Она стала рассматриваться Вашингтоном как потенциальный финансовый и экономический донор для стран ЮВА, которые попали в сферу американского влияния и где нельзя было допустить прихода к власти коммунистов. К тому же с повышением роли экономических связей с Японией эта страна становилась для США существенно более важным партнером на мировой арене.

Кроме того, Госдепартамент США опасался, что отказ Вашингтона вернуть Японии Окинаву может вызвать среди японцев негативные чувства по отношению к Америке и ее политике в Азии и отрицательно сказаться на внутривнутриполитических позициях правящей Либерально-демократической партии (ЛДП), поставив под угрозу перспективу ее победы на парламентских выборах. К тому же американцам приходилось учитывать и мнение самих окинавцев, которые в подавляющем большинстве выступали за воссоединение с Японией и которые составляли основу технического персонала военных баз США на острове [Murthy 1970: 18].

Наконец, в середине 1960-х гг. качественно изменилась стратегическая функция военных баз на Окинаве. Если ранее размещенные там ракеты «Масе В» служили важным элементом стратегического сдерживания СССР, то теперь большее значение приобрело ядерное оружие, размещенное на подводных лодках. В результате Окинава стала утрачивать свое значение в качестве площадки для ядерного удара по СССР. Это обстоятельство облегчало американскому руководству принятие решения по возвращению Окинавы.

Вместе с тем в военном истеблишменте США сохранялись влиятельные группировки, настроенные против данного решения. Многие члены Комитета начальников штабов (КНШ) аргументировали невозможность отказа от Окинавы тем, что военные базы нужны Америке для защиты своих союзников в АТР от коммунистической угрозы, и прежде всего в деле сдерживания коммунистического Китая, который в 1964 г. вошел в клуб ядерных держав. Существовал, согласно распространённому в КНШ мнению, и вопрос негативного для США психологического эффекта от вывода американских войск с Окинавы для Тайваня, Филиппин и Южной Кореи, которые могли почувствовать себя «брошенными на произвол судьбы».

Кроме того, Окинава, где американцы понесли большие потери в период Второй мировой войны (на острове погибло 25 тыс. граждан США), в их глазах являлась символом боевой славы американского оружия, и в этом смысле отказ от Окинавы стал бы своего рода предательством памяти ветеранов. Военные говорили и о том, что, если уж возвращать архипелаг, это можно будет сделать только тогда, когда ничто в регионе не будет угрожать американским интересам. Эта точка зрения получила оформление в виде концепции «синего неба»: передать Окинаву нельзя, пока на небе остается хоть одно облачко [Ito 2003: 38].

Подобным «облачком» стала начавшаяся в октябре 1964 г. вьетнамская война, выступившая качественно новым фактором в развитии окинавского вопроса. Окинава обрела особую ценность для Вашингтона как место расположения важнейших баз тыловой поддержки операций США во Вьетнаме. Достаточно сказать, что через портовые сооружения в столице Окинавы Нахе было поставлено 75% военных грузов для вьетнамского фронта, включая топливо, продовольствие и боеприпасы. Начиная с 1965 г. через Окинаву прошли сотни тысяч американских военнослужащих, направленных во Вьетнам, через Окинаву же направлялись на родину гробы с телами погибших во Вьетнаме американцев. Базы США на острове активно использовались как стартовые площадки для бомбардировок Северного Вьетнама, а с 1968 г. и Камбоджи. Например, с авиабазы Кадэна, служившей важнейшим транспортным узлом Пентагона на Тихом океане, в ходе вьетнамской войны было сделано почти 1 млн вылетов военной авиации. Для военных нужд в период войны было нанято около 50 тыс. окинавцев, многие из которых работали с взрывчатыми веществами и химическими боеприпасами, печатали пропагандистские материалы для работы с вьетнамцами, исполняли роль «противника» в симуляционных военных играх для обучения американских военнослужащих, направляемых во Вьетнам. Роль Окинавы была настолько значительной, что командующий Тихоокеанскими силами США в 1965 г. заявил: «Без Окинавы мы вообще не смогли бы вести войну во Вьетнаме» [Mitchell 2015].

На этом фоне американцы искали возможность, передав архипелаг под административное управление Японии, найти для него особый статус, который бы отвечал задачам военной политики Вашингтона в регионе. Совет национальной безопасности США обсудил данную проблему в апреле 1969 г. и пришел к выводу, что поддержание дружественных отношений с Японией важнее для американских национальных интересов, нежели «полная свобода» в использовании военных баз на Окинаве [Murthy 1970: 18].

С учетом «ядерной аллергии» у японского народа большую проблему представляло также складированное на американских военных базах ядерное оружие. США были готовы вывезти оттуда ядерные боезаряды, однако политическая ситуация вокруг окинавских баз, по мнению американских стратегов, могла измениться в любой момент. Поэтому для Вашингтона нужно было найти какое-то паллиативное решение, которое, с одной стороны, учитывало бы внутривнутриполитические реалии самой Японии, с другой — давало военным определенный простор для маневра.

В сложном положении оказался японский премьер-министр Э. Сато, возглавивший правительство летом 1964 г. Еще будучи кандидатом на пост председателя ЛДП, Сато заявил о том, что после вступления в должность премьер-министра потребует восстановления административных прав на Окинаву. В августе 1965 г. Сато совершил на Окинаву визит, ставший первым за послевоенный период визитом действующего премьер-министра Японии в данную административную единицу. В ходе поездки он сделал историческое заявление о том, что «война для Японии никогда не кончится, пока Окинава не вернется обратно в Японию» [Togo 2005: 65]. А во время первого визита в Вашингтон, состоявшегося в январе 1965 г., Сато специально подчеркнул, что восстановление прав на Окинаву отвечает чаяниям японского народа [Коно, Симотомаи 2015: 617].

Вместе с тем с началом вьетнамской войны Сато оказался меж двух огней. С одной стороны, он испытывал на себе мощное давление со стороны США, которые добивались от Токио более активной политической и военной поддержки их курса во Вьетнаме. С другой стороны, в Японии вьетнамская война была крайне непопулярна, а антивоенное общественное движение солидарности с вьетнамским народом носило массовый характер, что заставляло японские власти, по крайней мере на словах, дистанцироваться от чересчур явных форм поддержки США. Лидер Японии опасался, что в силу союзнических отношений с США его страна может оказаться втянутой в войну, что нанесет ущерб внутривнутриполитическим позициям ЛДП. К тому же во внешней политике Сато активно использовал идею «азиатизма», предполагавшую особый статус Японии как азиатской стороны, «страдающей» от диктата великих держав. В этих условиях Сато вплоть до 1967 г. был вынужден воздерживаться от чересчур активного продвижения окинавской темы в политической повестке дня двусторонних отношений с Америкой [Hook et al. 2005: 93].

Свою роль в формировании позиции Токио по окинавскому вопросу сыграл и китайский фактор. Чтобы не ставить под угрозу перспективу возвращения Окинавы и не портить раньше времени отношения с коммунистическим Китаем, контакты с которым рано или поздно придется восстанавливать, японские лидеры предпочитали избегать упоминания Окинавы как стратегически значимого фактора в деле сдерживания Китая и говорили лишь о том, что передача архипелага послужит укреплению японо-американского союза в целом.

В свою очередь, в американском политическом руководстве постепенно приходили к выводу о необходимости скорейшей передачи Окинавы Японии. Вывод этот основывался на базовой посылке о том, что отказ или промедление поставят под удар японо-американский альянс в целом и могут помешать его пролонгированию в 1970 г., когда истекал 10-летний срок его действия. К тому же в США опасались роста антиамериканских настроений в японском обществе, связанных с массовым движением против вьетнамской войны. Еще одним фактором в пользу возвращения Окинавы стало осознание Вашингтоном неопределимой роли Японии в восстановлении и экономическом обеспечении такого послевоенного порядка в Юго-Восточной Азии, который бы отвечал интересам американцев.

ПОДГОТОВКА И ПОДПИСАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ ПО ОКИНАВЕ

Начиная со второй половины 1960-х гг. внешнеполитические ведомства США и Японии начинают вести консультации по вопросу о новом статусе американского военного присутствия на Окинаве после ее передачи под административный контроль Японии. Обсуждается вопрос о том, как изменятся функции американских военных баз и какова будет ответственность Японии за региональную безопасность после возвращения островов. В 1967 г. японское правительство направило для консультаций в Вашингтон специального посланника К. Вакаидзуми. Американская сторона, настроенная в целом позитивно к требованиям Японии, предложила, тем не менее, ряд условий, которые Токио следовало выполнить, чтобы переговоры завершились успехом. В частности, японская сторона должна была оказать официальную поддержку политике США во Вьетнаме; взять на себя обязательства по снижению профицита торгового баланса; оказать помощь странам Юго-Восточной Азии в деле послевоенного восстановления экономики. Эти моменты, по словам американских переговорщиков, нужно было прояснить заранее для того, чтобы удовлетворить «ястребов» в Комитете начальников штабов [Ito 2003: 39].

После того как японская сторона дала соответствующие заверения, Э. Сато нанес в ноябре 1967 г. визит в Вашингтон, где встретился с президентом Л. Джонсоном. Между лидерами двух стран была достигнута договоренность о том, чтобы определить взаимоприемлемые сроки возвращения Окинавы в ближайшие два-три года. Определение временного лимита было связано с тем, что решить данный вопрос следовало до 1970 г., когда требовалось провести пролонгацию срока действия Договора безопасности.

В начале 1969 г. к власти в США приходит администрация Ричарда Никсона. В июле 1969 г. Никсон выступил с так называемой гуамской доктриной, в соответствии с которой США будут лишь «помогать» своим союзникам и друзьям в их обороне, но не станут защищать все «свободные нации» мира. На практике это означало, что союзники США должны будут сами заботиться о своей безопасности, а США при необходимости обеспечат им ядерные гарантии. Вашингтон взял курс на постепенный выход из вьетнамской войны, сокращение своего военного присутствия в Азии, перекладывание на союзников многих обязанностей военного характера.

Еще в период предвыборной кампании Р. Никсон выступал с публичными обещаниями вернуть Японии Окинаву. Однако по сравнению с задачей «ухода с честью» из Вьетнама вопрос о передаче Окинавы был для него не столь значимым. Главным препятствием на пути его решения было складированное на острове ядерное и химическое¹ оружие, которое играло важную роль в глобальной стра-

¹ Проблема химического оружия на американских базах на Окинаве на политический уровень не выходила и в контексте возвращения Окинавы не обсуждалась. В июле 1969 г. произошел инцидент с отравлением зарином, складированным на оружейном складе неподалеку от базы Кадэна, 23 американских военнослужащих. Инцидент получил огласку, в результате чего Пентагоном было принято решение перевезти химические арсеналы с Окинавы на атолл Джонстон в северной части Тихого океана. Операция по их вывозу была завершена к сентябрю 1971 г.

тегии Пентагона. Р. Никсон придавал Окинаве огромное значение в деле противостояния угрозе со стороны коммунистического Китая. Например, на одной из пресс-конференций в 1970 г. американский президент давил на то, что Китай может предпринять ядерный шантаж против США или их союзников в АТР, например Филиппин или Японии [Ito 2003: 35].

Между тем еще в декабре 1967 г. Э. Сато сформулировал так называемые три неядерных принципа, которые легли в основу официальной позиции Японии в отношении ядерного оружия: не иметь, не производить и не ввозить ядерное оружие в страну. Эти принципы были зафиксированы в парламентской резолюции в январе 1968 г. В марте 1969 г. японский премьер заявил в комиссии по бюджету палаты советников японского парламента, что возвращение Окинавы будет проведено на основе принципов, принятых на основной территории Японии, т.е. без ядерного оружия.

Данная позиция была несовместимой с позицией американского правительства, которое стремилось закрепить за собой право на хранение ядерного оружия на Окинаве и его транзит через остров в случае чрезвычайных обстоятельств. В отсутствие какого-либо соглашения на этот счет можно было использовать механизм двусторонних консультаций, предусмотренный Договором безопасности. Японская сторона могла запрашивать американскую сторону по поводу ввоза ядерного оружия каждый раз, когда оно имело на этот счет какие-либо сомнения, тогда как американская сторона — просить при необходимости соответствующего разрешения Токио. Однако проблема заключалась в том, что данный механизм оказывался в данном случае непродуктивным. Если Япония отказывала американцам в их просьбе, это ставило под угрозу американские интересы и, по мнению Вашингтона, делало невозможным реализацию предусмотренных альянсом гарантий безопасности. Если же японская сторона с самого начала безоговорочно соглашалась на требования американцев, это обесмысливало сами консультации, призванные обеспечить учет интересов обеих сторон.

Правительство Японии исходило из того, что в качестве платы за возвращение архипелага ему придется принять условия американской стороны, так или иначе согласившись на ввоз и транзит ядерного оружия на Окинаву в случае чрезвычайных обстоятельств. Тем не менее Сато не хотел, чтобы официально передача Окинавы происходила иначе, чем на условиях соответствия принципам, применимым на основной территории страны (т.е. без ядерного оружия).

В конце мая 1969 г. на заседании Совета национальной безопасности США были сформулированы основные принципы американской политики в отношении Японии. В числе прочего США соглашались на передачу в 1972 г. административных прав на Окинаву Японии; добивались максимальной свободы рук в использовании военных баз на Окинаве после ее передачи Японии с учетом американских интересов в области безопасности на Тайване, в Корее и Вьетнаме; соглашались на вывод ядерного оружия с Окинавы при условии получения прав на хранение на Окинаве и транзит через нее ядерного оружия в случае чрезвычайных обстоятельств [Коно, Симотомаи 2015: 619].

Однако японскую сторону не поставили в известность об этом решении, так как администрация Р. Никсона рассчитывала сперва получить гарантии японской стороны относительно возможности чрезвычайного ввоза ядерного оружия, зафиксировав их специальным секретным соглашением. После нескольких раундов консультаций, проведенных в сентябре 1969 г. между К. Вакаидзуми и представителем министерства обороны США М. Гальпериным, японская сторона предложила, чтобы лидеры обеих стран подписали на этот счет 2 меморандума. В одном из них оговаривалась бы процедура подписания такого соглашения, которое предстояло зафиксировать в форме памятной записки, во втором — само его содержание. Соглашением предусматривалось, что Соединенные Штаты вывезут все ядерное оружие с Окинавы к моменту ее передачи под административный контроль Японии. Однако для выполнения своих обязательств по защите своих союзников на Дальнем Востоке, включая Японию, США получали бы право ввоза ядерного оружия на Окинаву и его транзита через остров при условии проведения предварительных консультаций с правительством восточноазиатского государства [Ito 2003: 41].

В ходе прошедшей 21 ноября 1969 г. встречи президента США Р. Никсона с премьер-министром Японии Э. Сато была достигнута принципиальная договоренность о передаче Окинавы под административный контроль Японии в течение 3 лет. В совместном коммюнике по итогам встречи говорилось о том, что возвращение Окинавы «будет осуществлено способом, соответствующим политике японского правительства». В коммюнике (п. 8) было зафиксировано «понимание» США в отношении общественного мнения Японии, касающегося ядерного оружия¹. И хотя сами «три неядерных принципа» в документе не упоминались, фактически документом закреплялось согласие США вывезти с Окинавы весь ядерный арсенал к моменту передачи острова. Кроме того, была подтверждена действенность консультационных механизмов в рамках Договора безопасности.

В то же время свою цену пришлось заплатить и Японии. Стороны достигли договоренностей относительно прав США на транзит ядерного оружия и его размещение на Окинаве, что в дальнейшем было подтверждено мемуарами участника переговоров К. Вакаидзуми, опубликованными уже после окончания холодной войны [Wakaizumi 2002]. А 9 декабря 1969 г. были опубликованы показания в конгрессе министра обороны США М. Лэрда, который заявил, что США смогут ввезти ядерное оружие на Окинаву и в Японию в случае, если Китай или СССР совершат нападение на Южный Вьетнам [Murthy 1970: 19].

В дальнейшем было опубликовано немало свидетельств того, что США в соответствии с двусторонними договоренностями ввозили ядерное оружие не только на Окинаву, но и на саму территорию Японии, причем делали это без предварительного уведомления Токио. В интервью корреспонденту газеты «Майнити» 9 мая 1981 г. бывший посол США в Японии Э. Рейшауэр признал, что военные корабли США с ядерным оружием на борту заходили в 1960—1970-е гг. в япон-

¹ The American Presidency Project. *Richard Nixon. Joint Statement Following Discussions With Prime Minister Sato of Japan. November 21, 1969.* URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2334> (accessed 22.03.2017).

ские порты и что такие заходы осуществлялись на базе устных договоренностей с местным правительством [Стрельцов 2015: 93—100]. Имеется множество убедительных доказательств того, что даже после принятия «трех неядерных принципов» ядерное вооружение продолжало транспортироваться через японские территориальные воды, ввозиться в японские порты и складироваться на японской территории [DiFilippo 2006: 44].

В ноябрьском коммюнике по итогам встречи Сато — Никсона говорилось также о том, что, если война во Вьетнаме не завершится до конца 1972 г., Япония и США проведут консультации с тем, чтобы передача Окинавы не повлияла на усилия Вашингтона по предоставлению народу Южного Вьетнама права самому определить свое политическое будущее [Varma 1980: 49]. В коммюнике, кроме того, нашли отражение пункты, касающиеся значения Кореи и Тайваня для безопасности Японии¹. Упоминание Южной Кореи и Тайваня в коммюнике было, скорее, сигналом, призванным развеять опасения этих стран относительно китайской военной угрозы, которая бы усилилась на фоне вывода американских войск из Окинавы. Эти опасения были основаны на том, что американские базы на Окинаве в представлении этих стран служили основой всей системы безопасности, построенной США в Восточной Азии.

Принятое в ноябре 1969 г. совместное коммюнике позволило США без дополнительных сложностей пролонгировать в 1970 г. Договор безопасности с Японией. Само соглашение о передаче Окинавы подписано 17 июня 1971 г.², а церемония передачи произошла 15 мая 1972 г. после вывода оттуда ядерного оружия. Передача Японии административных прав на Окинаву имела символический характер. США данным шагом продемонстрировали, что Токио будет играть более «ответственную» роль в АТР, т.е. активнее участвовать в альянсе на правах полноценного члена, а не «младшего партнера».

Длительный период американской оккупации Окинавы, продолжавшийся почти 3 десятилетия, оказал фатальное воздействие на послевоенное развитие острова. Оторванная от основной территории страны, Окинава не получила тех преимуществ в социальном развитии, которые Япония обрела в результате высоких темпов экономического роста 1960-х гг. Опубликованные в начале 1970-х гг. данные свидетельствуют о том, что доход окинавцев составлял к моменту передачи в 1972 г. лишь около 900 долл. США против 1500 долл. США на основной территории Японии [Mendel 1975: 401]. В дальнейшем этот разрыв так и не был преодолен. Даже к началу 2000-х гг. доход на душу населения составлял лишь 75% от уровня Токио, а уровень безработицы — примерно в 2 раза выше, чем в среднем по Японии [Eldridge 2001: 374].

¹ The American Presidency Project. *Richard Nixon. Joint Statement Following Discussions With Prime Minister Sato of Japan. November 21, 1969*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2334> (accessed 22.03.2017).

² Text of the Okinawa reversion pact // *Survival*. 1971. 13 (9). P. 310—313.

Длительная оккупация также привела к появлению разрыва в идентичности и национальном самосознании японцев и окинавцев. Для жителей Окинавы, где было сконцентрировано три четверти военных объектов США в Японии, длительное американское военное присутствие стало фактором отчуждения от основной территории и протестных настроений [Hook 2015: 301]. Антивоенные настроения окинавцев так и не проявили себя в общенациональной повестке дня в период послевоенного восстановления [Вада 2015: 13].

Закрепив за собой остров, США, по сути, проводили крайне эгоистическую политику, абсолютно не задумываясь о долгосрочных последствиях «отделения» Окинавы от Японии. Окинавский вопрос на долгие годы стал камнем преткновения в отношениях между союзниками, рискуя подорвать основы альянса. Фактически Окинава олицетворяла собой глубокие противоречия между военно-стратегическими интересами США в Восточной Азии и интересами Японии, для которой она представляла собой, в первую очередь, внутривосточную проблему.

Благодарность: Настоящая статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-50085 «„Система 1955 года“: политическая власть в Японии в эпоху холодной войны».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вада Х.* «Хэйва кокка»-но тандзё (Рождение «мирного государства»). Токио: Иванами сётэн, 2015. (на яп. языке).
- Коно Я., Симотомаи Н.* Японо-советские отношения в условиях холодной войны (1955—1970 гг.) и территориальный вопрос в рамках треугольника СССР — США — Япония // Российско-японские отношения в формате параллельной истории. М.: МГИМО—Университет, 2015. С. 591—620.
- Пустовойт Е.В.* Законодательные меры по возвращению Окинавы в состав Японии и включение ее в интеграционные процессы в АТР // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С. 142—153.
- Стрельцов Д.В.* Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Восточная литература, 2015.
- Aldous C.* Achieving Reversion: Protest and Authority in Okinawa, 1952—70 // *Modern Asian Studies*. 2003. Vol. 37. N 2. P. 485—508. DOI: 10.1017/S0026749X03002099.
- DiFilippo A.* Japan's nuclear disarmament Policy and the U.S. security umbrella. New York: Palgrave Macmillan, 2006.
- Eldridge R.D.* The Origins of the Bilateral Okinawa Problem: Okinawa in Postwar U.S.-Japan Relations, 1945—1952. New York: Garland Pub., 2001.
- Hara K.* Cold War Frontiers in the Asia-Pacific: Divided Territories in the San Francisco System. London: Routledge, 2007.
- Hook G.D.* The American eagle in Okinawa: the politics of contested memory and the unfinished war // *Japan Forum*. 2015. Vol. 27. Iss. 3. P. 299—320. DOI: 10.1080/09555803.2015.1042011.
- Hook G.D., Gilson J., Hughes C.W., Hugo D.* Japan's international relations. Politics, economics and security. 2nd ed. London and New York: Routledge, 2005.
- Ito G.* Alliance in anxiety: détente and the Sino-American-Japanese triangle. New York: Routledge, 2003.
- Lie J.* Multiethnic Japan. Cambridge: Harvard University Press, 2001.
- Mendel D.H.* Okinawan Reversion in Retrospect // *Pacific Affairs*. 1975. Vol. 48. N 3. P. 398—412.
- Mitchell J.* Battle scars: Okinawa and the Vietnam War. 2015. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/03/07/national/history/forgotten-history-okinawa-vietnam-war/#.WNI2fvmLSU1> (accessed 22.03.2017).

- Murthy P.A.N.* Reversion of Okinawa and Japan's Future Defence Posture // *China Report*. 1970. Vol. 6. Iss. 1. P. 17—22.
- The Diplomatic History of Postwar Japan* / Ed. by Makoto Iokibe. London: Routledge, 2011.
- Togo K.* Japan's Foreign Policy, 1945—2003. The Quest for a Proactive Policy. Leiden: Brill, 2005.
- Varma L.* Okinawa Before and Since Reversion // *International Studies*. 1980. Vol. 19. Iss. 1. P. 43—57. DOI: <https://doi.org/10.1177/002088178001900103>.
- Wakaizumi K.* The Best Course Available: A Personal Account of the Secret US-Japan Okinawa Reversion Negotiations. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002.

Дата поступления статьи: 25.03.2017

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Проблема возвращения Окинавы в японо-американских отношениях послевоенного периода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 598—611. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-598-611.

Сведения об авторе: Стрельцов Дмитрий Викторович — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: dmstrl@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-598-611

THE PROBLEM OF REVERSION OF OKINAWA IN THE US-JAPAN POSTWAR RELATIONS

D.V. Streltsov

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. In the postwar period the Okinawa problem for many years was a stumbling block in the relations between Japan and the United States, creating the risk of undermining the foundations of the alliance. In fact, Okinawa personified a deep contradiction between the diplomatic and military-strategic interests of the United States in East Asia and the national interests of Japan, for which Okinawa was a primarily domestic political problem.

In the mid-1960 's, despite the increasing role of Okinawa in the American global strategy after the start of the Vietnam war, the United States came to the conclusion of the speedy reversion of Okinawa to Japan. The main obstacle for the implementation of this decision was the nuclear weapon stored in Okinawa, which played an important role in the global strategy of Pentagon. The United States managed to find an option of reversion Okinawa to Japan in 1972, under which they retained the right to store nuclear weapons in Okinawa and to transit them through the island in the case of emergency.

The transfer administrative right on Okinawa to Japan was a symbolic act, by which the United States demonstrated their willingness for Japan to play a 'responsible role' in the alliance as an active actor, not just a junior partner.

Key words: Japan, the reversion of Okinawa, 'residual sovereignty', nuclear weapon, Vietnam war, Security Treaty

Acknowledgements: This article was prepared with the financial support of Russian Humanitarian Scientific Fund. Project No. 16-01-50085 "The 1955 System": the political power in Japan during the cold war".

REFERENCES

- Aldous, C. (2003). Achieving Reversion: Protest and Authority in Okinawa, 1952—70. *Modern Asian Studies*, 37 (2), 485—508. DOI: 10.1017/S0026749X03002099.
- DiFilippo, A. (2006). *Japan's nuclear disarmament Policy and the U.S. security umbrella*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Eldridge, R. (2001). *The Origins of the Bilateral Okinawa Problem: Okinawa in Postwar U.S.-Japan Relations, 1945—1952*. N.Y.: Garland Pub.
- Hara, K. (2007). *Cold War Frontiers in the Asia-Pacific: Divided Territories in the San Francisco System*. London: Routledge.
- Hook G.D. (2015). The American eagle in Okinawa: the politics of contested memory and the unfinished war. *Japan Forum*, 27 (3), p. 299—320. DOI: 10.1080/09555803.2015.1042011.
- Hook G.D., Gilson J., Hughes C.W. & Hugo D. (2005). *Japan's international relations. Politics, economics and security*. 2nd ed. London and New York: Routledge.
- Iokibe, M. (Eds.). (2011). *The Diplomatic History of Postwar Japan*. London: Routledge.
- Ito, G. (2003). *Alliance in anxiety: détente and the Sino-American-Japanese triangle*. New York: Routledge.
- Kono, Y. & Simotomai, N. (2015). Japan-Soviet Relations in the Cold War Period (1955—1970) and the Territorial Issue in the Triangle the USSR — The USA — Japan. In: *Russo- Japanese Relations in the Format of Parallel History*. Moscow: MGIMO-University Pb., p. 591—620. (in Russ.).
- Lie, J. (2001). *Multiethnic Japan*. Cambridge: Harvard University Press.
- Mendel, D. H. (1975). Okinawan Reversion in Retrospect. *Pacific Affairs*, 48 (3), 398—412.
- Mitchell J. (2015). Battle scars: Okinawa and the Vietnam War. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/03/07/national/history/forgotten-history-okinawa-vietnam-war/#.WNI2fvmLSU1> (accessed 22.03.2017).
- Murthy, P.A.N. (1970). Reversion of Okinawa and Japan's Future Defence Posture. *China Report*, 6 (1), 17—22.
- Pustovoit, E.V. (2014). The Legal Measures for the Reversion of Okinawa and its Inclusion in the Integration Processes of the Asia Pacific. *Rossiia i ATR*, 4 (86), 142—153. (in Russ.).
- Strel'tsov, D.V. (2015). *The Diplomatic Priorities of Japan in the Asia Pacific Region*. Moscow: Vostochnaya Literatura. (in Russ.).
- Togo, K. (2005). *Japan's Foreign Policy, 1945—2003. The Quest for a Proactive Policy*. Leiden, Boston: Brill.
- Varma, L. (1980). Okinawa Before and Since Reversion. *International Studies*, 19 (1), 43—57. DOI: <https://doi.org/10.1177/002088178001900103>.
- Wada, H. (2015). *The birth of a 'peaceful state'*. Tokyo: Iwanami shoten. (in Japanese).
- Wakaizumi, K. (2002). *The Best Course Available: A Personal Account of the Secret U.S.-Japan Okinawa Reversion Negotiations*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Received: 25.03.2017

For citations: Streltsov, D.V. (2017). The Problem of Reversion of Okinawa in the US-Japan Postwar Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 598—611. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-598-611.

About the author: *Streltsov Dmitrii Viktorovich* — Doctor of History, Professor, Head of the Oriental Studies Department at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation (e-mail: dmstrl@gmail.com).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-612-619

ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Э.Р. Бурангулов

Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Уфа, Россия

В статье выявляются и подвергаются сравнительному анализу особенности и тенденции государственной политики в сфере высшего образования России и Казахстана на материалах программ, концепций, нормативно-правовых актов, выступлений должностных лиц в сфере образовательного сотрудничества. Выделяются общие факторы, определяющие направленность такого взаимодействия (следование Болонскому соглашению и ориентация на воссоздание единого образовательного пространства), а также особые движущие силы (децентрализация и стремление к усилению значения титульного этноса в Казахстане, а также централизация системы образования в России). Акцентируется внимание на такой проблеме, как превращение Болонской системы в канал рекрутинга ведущими странами мира наиболее успешных и перспективных выпускников вузов России и Казахстана. Ситуация осложняется тем, что обученные на средства российского и казахстанского государственных бюджетов студенты по окончании высших учебных заведений уезжают жить и работать за границу.

Также рассматриваются основные двусторонние образовательные проекты: Сетевой университет СНГ и Университет Шанхайской организации сотрудничества. Автор приходит к следующим выводам: во-первых, что ориентация на Болонскую систему стала ответом на изменения социальных установок, экономической ситуации и обстановки в мире. Во-вторых, текущее развитие и актуальные стратегии государственной политики в сфере образовательного сотрудничества требуют корректировки с учетом национальных традиций с целью сохранения и преумножения накопленного интеллектуального, научно-технического, культурного потенциала и устойчивого социально-политического развития России и Казахстана.

Ключевые слова: государственная политика, государственное управление, высшее образование, международное образовательное сотрудничество, СНГ

В условиях сохраняющейся напряженности в отношениях между Россией и странами запада все более актуализируются задачи расширения и укрепления связей Российской Федерации с соседними странами, в первую очередь в рамках СНГ, с целью совместного устойчивого развития. Одним из важнейших направлений такого рода взаимодействия является сотрудничество в сфере высшей школы. Среди стран — членов Содружества России, как представляется, удалось наладить наиболее прочные и тесные связи именно с Казахстаном (РК).

Государственная политика в сфере высшего образования России и РК, с одной стороны, имеет общие черты (например, высокая степень государственного регулирования этой сферы, хотя в Казахстане в последнее время наметилось снижение контроля над деятельностью высшей школы со стороны государства), с другой — существуют и различия (так, Казахстан проводит образовательную политику с акцентом на особенностях истории и культуры казахского этноса) [Lee 2004].

Сравнительное исследование российских и казахстанских нормативно-правовых актов, государственных программ, концепций, доктрин, мероприятий в сфере высшего образования в рамках образовательного сотрудничества направлено на анализ эффективности политико-государственной деятельности в сфере высшей школы, нацеленной на сохранение и преумножение накопленного интеллектуального, научно-технического, культурного потенциала и продвижение России и Казахстана по пути инноваций и прогресса. В качестве основных методов исследования выступают сравнительный, системный и институциональный анализ.

ИМПЕРАТИВЫ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В российской государственной политике в сфере высшего образования можно выделить 3 ключевых обстоятельства, оказывающих наиболее сильное влияние на образовательное сотрудничество с Казахстаном.

Во-первых, это строительство и развитие системы высшей школы России в соответствии с требованиями Болонского соглашения.

Во-вторых, это линия образовательной политики, определяемая двумя программами (Федеральной целевой программой развития образования на 2016—2020 гг. и Государственной программой Российской Федерации «Развитие образования на 2013—2020 гг.»), а также некоторыми другими нормативными правовыми актами. Целью первой программы является «обеспечение условий для эффективного развития российского образования, направленного на формирование конкурентоспособного человеческого потенциала»¹. Целью второй программы было названо «обеспечение высокого качества российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения и перспективными задачами развития российского общества и экономики; повышение эффективности реализации молодежной политики в интересах инновационного социально ориентированного развития страны»².

Стоит отметить, что данные документы являются продолжением тех программ, что берут начало в 2006 г. Именно в их рамках было осуществлено структурирование российской высшей школы (слияние вузов, создание национальных, федеральных и опорных университетов и т.д., выдвижение на первый план МГУ и СПбГУ, усиление контроля со стороны Минобрнауки). Эти мероприятия специалисты охарактеризовали как попытку централизации, создания «вертикали вузов»³,

¹ Федеральная целевая программа развития образования на 2016—2020 гг. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf> (дата обращения: 20.03.2017).

² Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013—2020 гг.» Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/3409> (дата обращения: 21.03.2017).

³ Петрова А. Вертикаль вузов // Взгляд. 2009. 11 ноября. Режим доступа: <https://vz.ru/society/2009/11/11/347441.html> (дата обращения: 21.03.2017).

а в самой трансформации некоторые эксперты усмотрели «оведомствление» государственной образовательной политики [Днепров 2011: 141].

Наконец, в-третьих, на российско-казахстанское образовательное сотрудничество существенное влияние оказывает курс России на воссоздание единого образовательного пространства на территории СНГ, начатый еще в 1997 г. [Модели региональной... 2010: 598], когда правительствами стран Содружества была сформулирована и принята «Концепция формирования единого образовательного пространства СНГ»¹.

ОСОБЕННОСТИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КАЗАХСТАНА

Государственная политика в сфере высшего образования Казахстана имеет свои особенности. С 2004 г. система высшего образования Казахстана функционирует в соответствии с «Концепцией развития системы образования» и «Государственной программой развития образования в Республике Казахстан». Касательно высшей школы предусмотрено решение таких задач, как вхождение в европейскую образовательную сферу, интеграция образования и науки [Schweitzer 2008] и некоторые другие². Легко заметить, что высшая школа Казахстана развивается в том же направлении, что и российская: в соответствии с требованиями Болонской декларации.

Как представляется, одной из наиболее заметных специфик развития высшей школы Казахстана в сравнении с Россией является несколько иной принцип организации сети государственных вузов, который может быть назван децентрализацией. Так, в соответствии с Указом президента Республики Казахстан от 5 июля 2001 г. № 648 8 наиболее крупных университетов получили особый статус и таким образом стали основными элементами казахстанской системы высшего образования; в свою очередь, 16 вузов были определены как региональные центры образования, науки, культуры. Кроме того, постановлением правительства от 17.06.2000 г. № 912 был инициирован процесс акционирования 12 государственных вузов. В российской практике таких примеров мы не встречаем.

Еще одной особенностью казахстанской государственной политики в сфере высшего образования в сравнении с Россией является постоянное расширение конкурсного предоставления государственных грантов (в рамках госзаказа) и кредитов абитуриентам не только для обучения внутри страны, но и за рубежом. Одним из примеров здесь может служить международная стипендия «Болашак». Другими словами, наметился переход к финансированию не объекта образовательного процесса, а его субъекта³.

Справедливости ради необходимо отметить, что в России также проводится подобная инициатива, например, в форме государственной программы «Глобаль-

¹ Концепция формирования единого образовательного пространства СНГ. Режим доступа: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_524/doc524a264x886.htm (дата обращения: 21.03.2017).

² Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011—2020 годы. Режим доступа: https://primeminister.kz/kzpage/article_item-34 (дата обращения: 21.03.2017).

³ Национальный доклад по развитию системы высшего образования Республики Казахстан. Режим доступа: http://old.unesco.kz/education/he/kazakh/kazakh_ru.htm (дата обращения: 21.03.2017).

ное образование». Однако в Казахстане упор делается на то, чтобы изменить саму схему финансирования высшего образования: направлять средства не государственным вузам в соответствии с количеством обучающихся, а непосредственно студентам, чтобы те, в свою очередь, платили по счетам вузов [Адилханулы 2014].

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Рассмотрение общего и особенного в программах государственной политики в сфере высшего образования России и Казахстана позволяет перейти к анализу их образовательного сотрудничества. Официально начало таковому было положено в 1994 г.¹ С тех пор обе страны подписали десятки двусторонних межправительственных и межведомственных договоров, касающихся взаимодействия по линии высшей школы.

Среди наиболее жизнеспособных и перспективных проектов образовательного сотрудничества России и Казахстана (а также других стран СНГ) можно выделить Сетевой университет СНГ и Университет Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Сетевой университет СНГ был создан в 2008 г. во многом благодаря усилиям Российского университета дружбы народов и Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ [Коваленко, Смолик 2014]. Россия и Казахстан являются основными партнерами в осуществлении его работы. Университет ШОС был организован при поддержке В.В. Путина в 2007 г. в рамках межправительственного соглашения стран — членов ШОС о сотрудничестве в области образования². Сегодня этот вуз представляет собой сеть из 82 ведущих университетов государств — членов ШОС [Филиппов, Сунь Юйхуа 2015]. Еще одним важным событием в деле образовательного сотрудничества Москвы и Астаны стало открытие в Казахстане филиалов ведущих российских вузов: МГУ, СПбГУ и др.³

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Рассмотрение особенностей и мероприятий государственной политики в сфере образовательного сотрудничества России и Казахстана позволяет сделать несколько основных выводов. Первое, что следует отметить, это разрыв с наследием прошлого, отход от советской системы [Burkhalter, Shegebayev 2012], адаптация западной модели образования, зафиксированной в Болонском соглашении. По это-

¹ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве в области культуры, науки и образования от 28 марта 1994 г. Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8647 (дата обращения: 21.03.2017).

² Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в области образования от 15 июня 2006 г. Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=14005 (дата обращения: 21.03.2017).

³ Соглашение правительств государств — участников СНГ от 28 сентября 2001 г. «О порядке создания и функционирования филиалов высших учебных заведений в государствах — участниках Содружества Независимых Государств. Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_22190.html (дата обращения: 21.03.2017).

му поводу написано немало, приведено множество аргументов и «за», и «против». Многие эксперты, в частности В.Э. Багдасарян, С.С. Сулакшин и др., приводят внушительное число доказательств (например, результаты подготовки студентов азиатских и европейских стран, достижения экономического и научно-технического развития Сингапура, Южной Кореи, Японии и др.) в пользу того, что заимствованная из европейской практики система вряд ли может считаться образцом для подражания [Проблемы формирования... 2006].

Мы полагаем, что форма и содержание системы образования и высшей школы в особенности, — это уникальная сумма достижений культуры конкретного общества, которая формировалась в течение его долгой истории под влиянием специфических факторов в ответ на социальные запросы. Это результат трудного и долгого поиска, ведущегося умнейшими представителями нации с целью совершенствования общества и государства. В этой связи можно вспомнить слова С.Г. Кара-Мурзы, который называл российскую систему высшего образования (частью которой долгое время была и казахстанская) «одним из самых сложных и дорогих продуктов отечественной культуры», «матрицу самой культуры, на которой она воспроизводится»¹.

Действительно, ведь благодаря именно этой системе высшего образования в России и Казахстане и до революции, и в советское время формировался особый класс людей — интеллигенция, которая всегда была озабочена судьбой отечества, отдавала все силы для его духовного развития и социально-экономического процветания. Речь идет о той самой интеллигенции, размышлениям о которой был посвящен сборник статей «Вехи», изданный в марте 1909 г. в Москве (авторы — Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, С.Л. Франк и др.) [Вехи... 1991]. Кстати, на Западе более распространен термин «интеллектуалы», обозначающий людей, профессионально занимающихся умственным трудом, но при этом не имеющих статуса носителей высших идеалов.

Разумеется, мы осознаем, что сейчас живем в иной реальности, многое изменилось в культуре и обществе, государство стало совсем другим. Поэтому в современных условиях затруднительно рассуждать о целеполагании системы высшего образования минувших эпох, более целесообразно писать о системе высшей школы, которая совместима с актуальным обществом. И здесь Болонская система выглядит уместной. Это второе, что надо отметить в наших выводах. Ведь Болонская система стала ответом на изменения социальных ориентаций, которые в том числе характеризуются усилением установки на узкий прагматизм. Эта система стала также реакцией на запросы работодателей, которым уже не нужны специалисты, способные к творческой профессиональной деятельности (те самые, которых готовила система образования в СССР), но которые все чаще ищут работников — контролируемых исполнителей, обладающих узкой компетенцией, не отсутствующих от строгого, заранее заданного алгоритма.

¹ Кара-Мурза С.Г. РФ и Болонская конвенция. Режим доступа: <http://www.contrtv.ru/common/292> (дата обращения: 21.03.2017).

Наконец, третье, что следует отметить в качестве вывода, — это размывание государственного суверенитета в сфере высшего образования, обусловленное тем, что сама его система и основные правила функционирования во многом заимствованы. Кроме того, нужно указать и такую острую проблему, как «утечка мозгов». Ведь Болонская система стала удобным каналом для того, чтобы промышленно развитые страны мира могли рекрутировать самых успешных и перспективных выпускников. В настоящее время учащаются случаи, когда обученные на средства российского и казахстанского государственных бюджетов студенты по окончании вуза уезжают работать за границу.

В связи с изложенным представляется, что форма Болонской системы в современных условиях России и Казахстана нуждается в наполнении «отечественным содержанием», основанным на сумме блестящих достижений и традиций российской (ныне и казахстанской) высшей школы с целью сохранения и преумножения накопленного интеллектуального, научно-технического, культурного потенциала и устойчивого социально-политического развития двух стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адилханулы Н.А.* Конкуренция ведущих зарубежных школ за будущее Казахстана // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 201—206.
- Байденко В.И.* Болонский процесс: проблемы, опыт, решения. М.: Исслед. центр проблем кач-ва подг. специалистов, 2006.
- Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Волков А.Е., Кузьминов Я.И., Реморенко И.М., Рудник Б.Л., Фрумин И.Д., Якобсон Л.И.* Российское образование 2020: модель образования для инновационной экономики // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 32—64.
- Днепров Э.Д.* Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки. М.: Мариос, 2011.
- Дорожкин Ю.Н.* Актуальные проблемы модернизации политической системы России // Власть. 2012. № 10. С. 10—13.
- Дорожкин Ю.Н., Бикметов Е.Ю.* Организация общественных связей в административно-государственном управлении. Уфа: УГНТУ, 1997.
- Жукова А.* Международные стандарты образовательной политики государства // Власть. 2008. № 1. С. 21—22.
- Коваленко С.А., Смолик Н.Г.* Участие РУДН в деятельности Сетевого университета СНГ // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 207—213.
- Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее* / Под ред. А. Манькина. М.: Олби Принт, 2010.
- Наводнов В.Г., Мотова Г.Н.* Экспертиза качества образования: европейский подход. М.: Национальное аккредитационное агентство в сфере образования, 2008.
- Проблемы формирования государственных политик в России: Материалы Всероссийской научной конференции.* М.: Научный эксперт, 2006.
- Филиппов В.М.* Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 203—211.
- Филиппов В.М., Сунь Ю.* Роль Университета Шанхайской организации сотрудничества в сопряжении образовательных пространств Евразии // Государственная служба. 2015. № 6 (98). С. 15—17.

- Яковлев М.В.* Значение политико-культурного фактора в концепции демократизации Сеймура Липсета // *Наука и образование в XXI в.: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции*. Тамбов: Юком, 2014. С. 162—163.
- Яковлев М.В.* Политический имидж региона в условиях современной России. Москва: МАКС-Пресс, 2011.
- Яцук Т.В.* Государственная политика Российской Федерации и Республики Казахстан в сфере высшего образования: сравнительно-правовой анализ // *Вестник Омского университета*. Серия: Право. 2013. № 2. С. 70—74.
- Burkhalter N., Shegebayev M.R.* Critical thinking as culture: Teaching post-Soviet teachers in Kazakhstan // *International Review of Education*. 2012. Vol. 58. No. 1. P. 55—72.
- Lee C.* Languages and Ethnic Politics in Central Asia: The Case of Kazakhstan // *Journal of International and Area Studies*. 2004. Vol. 11. No. 1. P. 101—116.
- Schweitzer G.E.* Science Policy in Kazakhstan // *Science. New Series*. 2008. Vol. 322. No. 5907. P. 1474—1475.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: Бурангулов Э.Р. Особенности сотрудничества России и Казахстана в сфере высшего образования на современном этапе // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 612—619. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-612-619.

Сведения об авторе: Бурангулов Эмиль Рауфович — аспирант кафедры политологии, социологии и философии Уфимского государственного нефтяного технического университета (e-mail: emilburangulov@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-612-619

CONTEMPORARY FEATURES OF COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN HIGHER EDUCATION

E.R. Burangulov

Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

Abstract. The article reveals and compares the features and trends of the public policy in the sphere of higher education in Russia and Kazakhstan on the materials of programs, concepts, regulations and speeches of officials in the sphere of educational cooperation. The general factors defining orientation of such interaction (following to the Bologna agreement and orientation to reconstruction of uniform educational space) and also particular factors are allocated (decentralization and aspiration to nation-building in Kazakhstan, centralization of an education system in Russia).

Such problem as transformation of the Bologna system into the channel of recruiting by the leading countries of the most successful and perspective university graduates of Russia and Kazakhstan is accented. The main bilateral educational projects are considered: Network University of the CIS and University of the Shanghai Cooperation Organization. Two main conclusions are drawn. First, that orientation to the Bologna system became the response to changes of social installations and economic situation in the world. Second, such development and the actual strategies of public policy in the sphere of educational cooperation need to be adjusted in accordance with national traditions with the aim of preserving and enhancing the accumulated intellectual, scientific and technical, cultural potential and sustainable socio-political development of Russia and Kazakhstan.

Key words: international educational cooperation, public administration, higher education, CIS

REFERENCES

- Adilhanuly, N.A. (2014). Competition between leading international schools for the future of Kazakhstan. *Vestnik RUDN. International Relations*, 4, 201—206. (in Russ.).
- Baidenko, V.I. (2006). *Bologna process: problems, experience, solutions*. Moscow: Issled. tsentr problem kach-va podg. spetsialistov. (in Russ.).
- Burkhalter, N. & Shegebayev, M.R. (2012). Critical thinking as culture: Teaching post-Soviet teachers in Kazakhstan. *International Review of Education*, 58 (1), 55—72.
- Dneprov, E.D. (2011). The newest political history of Russian education: experience and lessons. Moscow: Marios. (in Russ.).
- Dorozhkin, Yu.N. (2012). Actual problems of modernization of the political system of Russia. *Vlast*, 10, 10—13. (in Russ.).
- Dorozhkin, Yu.N. & Bikmetov, E.Y. (1997). *The organization of public relations in the administrative and government*. Ufa: Ufa state petroleum technological university. (in Russ.).
- Filippov, V.M. (2015). Internationalization of Higher Education: the main trends, problems and prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (30), 203—211. (in Russ.).
- Filippov, V.M. & Sun, Y. (2015). The role of the Shanghai Cooperation Organization University in the mate educational spaces of Eurasia. *Public service*, 6 (98), 15—17. (in Russ.).
- Kovalenko, S.A. & Smolik, N.G. (2014). Participation of Peoples' Friendship University of Russia in the activities of CIS Network University. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (30), 207—213. (in Russ.).
- Lee, C. (2004). Languages and Ethnic Politics in Central Asia: The Case of Kazakhstan. *Journal of International and Area Studies*, 11 (1), 101—116.
- Manykin, A. (Eds.). (2010). *Models of regional integration: past and present*. Moscow: Olbi Print. (in Russ.).
- Milestones. The intelligentsia in Russia*. (2001). Moscow: Molodaya gvardiya. (in Russ.).
- Navodnov, V.G. & Motova, G.N. (2008). *Examination of the quality of education: the European approach*. Moscow: Natsionalnoe akkreditatsionnoe agentstvo v sfere obrazovaniya, 2008. (in Russ.).
- Problems of formation of state policies in Russia: materials of the All-Russian Scientific Conference*. (2006). Moscow: Nauchny ekspert. (in Russ.).
- Schweitzer, G.E. (2008). Science Policy in Kazakhstan. *Science. New Series*. 322 (5907), 1474—1475.
- Volkov, A.E., Kuz'minov, Ya.I., Remorenko, I.M., Rudnik, B.L., Frumin, I.D. & Yakobson, L.I. (2008). Russian Education 2020: the Model of Education for the Innovative Economy. *Voprosy obrazovaniya*, 1, 32—64. (in Russ.).
- Yakovlev, M.V. (2011). *The political image of the region in today's Russia*. Moscow: MAKS Press. (in Russ.).
- Yakovlev, M.V. (2014). The Importance of the Political and Cultural Factor in the Concept of Democratization of Seymour Lipset. *Nauka i obrazovanie v XXI v.: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*; Tambov: Yukom, p. 162—163. (in Russ.).
- Yashchuk, T.V. (2013). The state policy of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the field of higher education: a comparative legal analysis. *Vestnik Omsk University. Series: Right*, 2, 70—74. (in Russ.).
- Zhukova, A. (2008). State policy of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the field of higher education: comparative legal analysis. *Vlast*, 1, 21—22. (in Russ.).

Received: 14.06.2017

For citations: Burangulov, E.R. (2017). Contemporary Features of Cooperation between Russia and Kazakhstan in Higher Education. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(3), 612—619. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-612-619.

About the author: *Burangulov Emil Raufovich* — post-graduate student of Department of political science, sociology and philosophy, Ufa State Petroleum Technological University (USPTU) (e-mail: emilburangulov@mail.ru).

© Бурангулов Э.Р., 2017

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-620-622

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
Мосяков Д.В. Новая и новейшая история:
модернизация и глобализация восточных обществ.
М.: НОЧУВПО «Институт стран Востока»,
Институт востоковедения РАН, 2016. — 560 с.**

М.А. Шпаковская

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В 2016 г. вышел в свет учебник, автором которого является известный востоковед, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН Дмитрий Валентинович Мосяков, автор целого ряда трудов по истории стран Юго-Восточной Азии [Мосяков, Тюрин 2004; Мосяков 2010].

В этой работе ученый предпринял успешную попытку обобщить широкий фактический материал в рамках концепции развития исторического процесса, в основе которого лежит признание дихотомии «Запад — Восток». На основе логически построенного исследования он показывает, как Запад придает развитию стран Востока новые смыслы и цели. Причем, как подчеркивает автор, для правящих элит восточных стран достижение этих новых смыслов и новых целей явилось в некотором роде фактором выживания в качестве национальных лидеров в своих странах [Мосяков 2016]. В случае отказа от этого пути их страны теряли независимый статус и превращались либо в колонии, либо в протектораты западных колониальных держав. Такое возможное развитие событий заставило, казалось бы, традиционно консервативные восточные элиты действовать, и действовать активно. Внутри них сформировались мощные импульсы и группы поддержки, ориентированные на коренные перемены. Причем такое настроение охватило весь Восток примерно в одно и то же время во второй половине XIX в. и носило во многом универсальный характер, который проявился во всех значимых странах Востока от Японии до Османской империи.

Данный учебник отличает глубина изучения материала и в то же время цельность взгляда, что помогает автору проследить процессы модернизации и глобализации в ключевых странах Востока — Японии, Корее, Китае, странах Юго-Восточной Азии (ЮВА), Индии, Турции и Иране. Причем несомненной заслугой автора является и то, что автор, специализирующийся больше по странам Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, не побоялся привлечь к своему исследованию Иран

и Турцию. Тем самым была достигнута типологическая близость восточного пространства и в то же время прослежена самобытность развития восточных стран. Необходимо отметить, что вытекающий из работы сравнительный анализ светской модернизации на Дальнем Востоке и религиозных режимов в Иране и Турции — одно из достижений автора.

Не менее существенным является и то, что работа Д.В. Мосякова вполне убедительно объясняет причины политического консерватизма и жесткого противодействия либеральным политическим конструкциям, что мы видим в реальности в современных странах Востока. Этим рецензируемый труд выгодно отличается от многих современных работ по Востоку, написанных на Западе. К сожалению, западные исследователи, как представляется, подчас однобоко подходят к изучению процессов модернизации и глобализации на Востоке. Их взгляд на проблемы этих стран базируется на позициях европоцентризма, что мешает им понять, почему в государствах Востока не происходит переход к модели либеральной демократии [Мосяков 2016: 507]. Работа Д.В. Мосякова ценна также и тем, что на основе анализа в первую очередь исторических, а также социальных, философских, этнополитических аргументов доказывается невозможность перенесения в полной мере либеральной парадигмы на Восток, что явно не принимается большинством западных авторов.

Рассуждая о всеобъемлющих путях глобализации, Д.В. Мосяков справедливо отмечает, что на Востоке именно «авторитарные по своему устройству режимы, с коммунистическими партиями во главе, как, например, в Китае или во Вьетнаме, показывают сегодня наибольшие темпы экономического роста. Их влияние в мире, особенно это касается КНР, растет настолько, что не исключено, что многие страны АТР присоединятся к интеграционному проекту Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП), предложенному КНР, как более реальной альтернативе, чем предлагаемому американцами проекту углубления глобализации в рамках так называемого Транстихоокеанского партнерства (ТТП)» [Мосяков 2016: 507].

Это утверждение оказалось удивительно точным прогнозом автора, так как США уже отказались от своего проекта Транстихоокеанского партнерства. Нельзя также не отметить, что рецензируемая монография и современна, и в то же время она написана на фундаменте блестящей академической российской школы востоковедения, достойным представителем и продолжателем которой Д.В. Мосяков несомненно является.

Еще одним важным достоинством рецензируемой работы является то, что она написана легко и понятно, и с этой точки зрения является прекрасным учебником, который наверняка заинтересует студентов и аспирантов, которые — как показала судьба первого издания — читают книгу Д.В. Мосякова с огромным интересом. Популярность этого труда как раз подтверждает хорошо известный факт: если работа интересная и качественная, она рано или поздно обязательно становится востребованной, ее хотят читать и изучать.

Можно поздравить российское востоковедение с появлением такого издания!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мосяков Д.В. История Камбоджи. XX век. М.: ИВ РАН, 2010.

Мосяков Д.В. Новая и новейшая история: модернизация и глобализация восточных обществ. М.: НОЧУВПО «Институт стран Востока», Институт востоковедения РАН, 2016.

Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М.: Восточный университет, 2004.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: Шпаковская М.А. Рецензия на монографию: Мосяков Д.В. Новая и новейшая история: модернизация и глобализация восточных обществ. М.: НОЧУВПО «Институт стран Востока», Институт востоковедения РАН, 2016. — 560 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 620—622. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-620-622.

Сведения об авторе: Шпаковская Марина Анатольевна — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: shpakovskaya_ma@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-620-622

REVIEW OF THE BOOK:

Mosyakov, D.V. (2016). New and recent history: modernization and globalization of Eastern societies. Moscow: Institut of Oriental Countries, Institut of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (in Russ.)

M.A. Shpakovskaya

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, Russia

REFERENCES

Mosyakov, D.V. (2010). *History of Cambodia. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (in Russ.).

Mosyakov, D.V. (2016). *New and recent history: modernization and globalization of Eastern societies*. Moscow: Institut of Oriental Countries, Institut of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (in Russ.)

Mosyakov, D.V. & Tyurin V.A. (2004). *History of South-East Asia*. Moscow: Oriental University. (in Russ.).

Received: 14.06.2017

For citations: Shpakovskaya, M.A. (2017). Review of the Book: Mosyakov, D.V. New and recent history: modernization and globalization of Eastern societies. Moscow: Institut of Oriental Countries, Institut of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 620—622. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-620-622.

About the author: Shpakovskaya Marina Anatol'evna — Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: shpakovskaya_ma@rudn.university).

© Шпаковская М.А., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-623-630

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective.
Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore:
World Scientific, 2017. — 738 p.**

Кассае Ныгусие В. Микаэль, А.В. Цвык, О.С. Чикризова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Коллективная монография «Возможна ли незападная демократия? Взгляд из России» подготовлена учеными-востоковедами, представляющими школу МГИМО МИД России, и опубликована на английском языке в ведущем издательстве Азии World Scientific (г. Сингапур). Редактором данного научного труда выступил авторитетный российский синолог А.Д. Воскресенский, автор многочисленных трудов, посвященных особенностям политических систем и политических процессов в странах Востока [Восток и политика 2015; Политические системы... 2007; Воскресенский 2007], а также мировому комплексному регионоведению [Мировое комплексное регионоведение 2016]. Примечательно, что для А.Д. Воскресенского это не первая монография, опубликованная в ведущем зарубежном издательстве. Ранее в издательстве Palgrave Macmillan вышла его работа по незападным ТМО [Voskressenski 2017].

Рецензируемая монография представляет интерес для историков, политологов, социологов и философов, занимающихся проблематикой политических процессов, протекающих на Востоке. Монография состоит из 16 глав, объединенных в четыре раздела по «пространственному» принципу.

Первый раздел — «Сравнительный анализ политических систем и политических культур: пояснение понятий» (главы 1 и 2) — представляет собой вводную часть, в которой разъясняется методология исследования, а также приводится понятийный аппарат, используемый авторами в ходе сравнительного анализа политических систем и политических культур стран Востока. В частности, дается глубокий сравнительный анализ политических систем и политических культур Востока с использованием системного подхода к изучению общества и политики. Также предлагаются принципы сопоставления политических систем на Востоке и на Западе, выявляются общие признаки и особенные отличительные черты Востока и Запада, приводится аналитическая классификация политических систем стран Востока и т.д. Хотя вопрос является дискуссионным, значительным теоретическим вкладом авторов рецензируемой монографии можно считать разработку проблемы соотношения уровней экономического развития с политической культурой и демократией.

В разделе также освещен вопрос специфики политических культур Востока и социокультурных особенностей экономических режимов. Авторы (М.В. Стрежнева и Л.М. Ефимова) справедливо отмечают, что «политическая культура Вос-

тока оставалась частью целостной религиозно ориентированной картины мира, в то время как на Западе политика в основном уже удалась от религии, секуляризировалась. Религиозно ориентированная картина мира на Востоке составляла базис политической культуры: определяла представления о государстве, правителе и обществе, их взаимоотношения, права и обязанности» [Is Non-Western Democracy... 2017: 111].

Второй раздел монографии посвящен исследованию политических систем и политических культур государств Африки и Большого Ближнего Востока.

Проблема развития политических систем и культур государств Африки (глава 3) является актуальной для исследователей ввиду сложности политических процессов и отношений внутри африканских обществ. Процесс перехода от территориальных образований к государственности в Африке отличался от европейских, азиатских и американских тем, что он навязывался внешним миром, из метрополий, и не был естественным внутренним процессом, совершался в условиях диффузии самоидентичности населения континента. Государства создавались при отсутствии таких важных составляющих элементов, как общая история, общая культура, общий язык, естественные границы.

Кроме того, сам процесс шел очень быстро, африканская элита в лице колониальных чиновников не была готова управлять многонациональными образованиями. И, наконец, политические деятели Африки не имели опыта разрешения проблем путем достижения компромиссов. В итоге в Африке образовались хрупкие, несовершенные, чуждые местным социумам политические системы, которые оказались не в состоянии справиться с требованиями этнических групп, отстаивающих свои интересы.

Среди достоинств главы можно выделить убедительное обоснование хронологических рамок исследования. Начало XX в. действительно можно назвать важным рубежом в истории современной Африки. Именно в этот период произошли события, внесшие серьезные изменения в политические системы и культуры народов Африки [Is Non-Western Democracy... 2017: 127].

Конечно, некоторые утверждения главы представляются несколько спорными. Так, например, автор (А.Л. Емельянов) пишет: «В результате синтеза традиционного и современного образовался феномен, не имеющий аналогов в истории — „колониальное общество“. Колониальное общество — специфический вариант общественного развития, при котором привносимые (капиталистические) отношения „накладываются“ на отношения, характерные для традиционных обществ. Результатом такого „наложения“ при складывавшемся в этих случаях соотношении сил сторон оказывается в большинстве случаев и всегда объективно неизбежная ломка традиционных отношений и структур (в большинстве случаев насильственная) и их трансформация. Более того, и сами привносимые современные отношения чаще всего приобретают искаженный характер, весьма непохожий на „классические“ формы современного развития. Эти взаимодействия затрагивали все сферы жизни общества и отличались многообразием» [Is Non-Western Democracy... 2017: 127—128].

Далее автор отмечает: «Синтез авторитарного и демократического, традиционного стал одной из характерных черт политической культуры Африки 1960-х — середины 1980-х годов» [Is Non-Western Democracy... 2017: 131]. Отсюда возникают некоторые вопросы. Можно ли считать политические системы и культуры аф-

риканских государств «синтезом традиционного и современного»? На с. 143 [Is Non-Western Democracy... 2017] автор пишет о гибридной политической системе при преобладании традиционных институтов на примере наличия короля во многих странах Африки. Затронула ли все слои общества произошедшая ломка традиционных отношений и структур? Что представляют собой «классические» формы современного развития? Как происходил процесс синтеза авторитарного и демократического, традиционного?

В то же время можно согласиться с заключением автора о том, что процесс подготовки колоний к независимости имел свои специфические черты. Одни метрополии, например Франция и Великобритания, подготовили свои территории к самоуправлению; другие — Бельгия, Испания, Португалия — не уделяли внимания данному процессу [Is Non-Western Democracy... 2017: 129—131]. При этом необходимо уточнить, что причиной «исхода» европейцев (основных носителей экономической и технической культуры) послужила неподготовленность к независимости африканских территорий или страх перед непонятным будущим, возникшим из-за усиления партизанских движений и экономического кризиса 70-х гг. XX в.

В четвертой главе А.Д. Эпштейн предпринял удачную попытку обоснования того факта, что, вопреки расхожему и весьма устойчивому мнению, политическая система Государства Израиль не является стабильной и устойчивой. Напротив, среди факторов, нарушающих эту стабильность, А.Д. Эпштейном выделяются разобщенность израильского общества в вопросах внутренней и внешней политики, постоянные попытки поиска компромисса между правящей партией и другими политическими силами, входящими в правительство, а также слабость законодательной ветви власти и ее зависимость от правительства [Is Non-Western Democracy... 2017: 146—150]. В то же время автор утверждает, что, в отличие от политических режимов арабских стран, в Государстве Израиль наблюдается высокий уровень «защищенности израильской демократической системы от опасности формирования военной олигархии, навязывающей свои методы управления всему обществу» [Is Non-Western Democracy... 2017: 151].

В пятой главе И.В. Кудряшова проводит сравнительный анализ динамики развития политических систем Турции, Египта, Ирана и Ирака. Отмечены основные вехи становления и развития государственности Турецкой Республики, Арабской Республики Египет, а также Исламской Республики Иран. Кроме того, автор исследует изменения, произошедшие в политическом устройстве Ирака после свержения режима С. Хусейна коалицией западных государств во главе с США в 2003 г.

И.В. Кудряшова справедливо отмечает, что разнообразие «политических сущностей» четырех исследуемых в данной главе государств объясняется не только культурно-историческими факторами, но также и тем, «проблематика каких исторических сюжетов модернизации является для них наиболее актуальной» [Is Non-Western Democracy... 2017: 176]. Так, вполне уместно отмечен вклад реформ Мустафы Кемал-паши («Ататюрка»), направленных на секуляризацию Турции, в процесс формирования политической системы государства, а также значение шиизма для политической системы современного Ирана. В то же время автором не раскрыто употребленное им в подзаголовке понятие «нео-шиизм» [Is Non-Western Democracy... 2017: 222].

Глава 6 («Политические системы арабских стран») была написана ученым-востоковедом, специалистом по конституционному устройству государств арабского Востока М.А. Сапроновой. Справедливо отмечая мозаичность арабских обществ, в которых существуют «сложное соотношение и многообразные комбинации различных социально-политических сил» [Is Non-Western Democracy... 2017: 237], автор указывает на многообразие, богатство «оттенков и направлений» политической жизни арабских стран, что делает «политический облик каждой страны уникальным и накладывает специфический отпечаток на формы и способы функционирования государственных институтов власти, политических партий и всех политических систем в целом» [Is Non-Western Democracy... 2017: 238]. Несмотря на небольшой объем главы, посвященной арабским государствам, автору удалось раскрыть основные особенности политических систем и политических культур как монархий, так и республик региона. Возможно, стоило уделить больше внимания влиянию «арабской весны» на политические процессы в странах арабского Востока.

Глава 7, написанная экспертом по Афганистану Ю.П. Лалетиним, посвящена анализу роли племен в политической системе Афганистана. Акцент на племенной структуре афганского общества вполне оправдан, поскольку именно фактическая независимость пуштунских племен как черта традиционной государственности — наряду со слабостью центральной власти, местничеством и патронатно-клиентальными отношениями между различными группами афганского общества — «придают уникальный характер политической системе Афганистана вплоть до самого современного этапа его существования» [Is Non-Western Democracy... 2017: 281].

Автор очень четко расписывает и объясняет племенную и клановую структуру афганского общества, сосредоточивая свое внимание на пуштунской его части, раскрывает особенности влияния политической организации пуштунских племен (локальные сообщества «кау́м» и институт хана, военная организация племен), пуштунского «кодекса чести» (паштунвала) на общество и правительство Афганистана.

В целях дальнейшего углубления анализа влияния «племенного фактора» на политические процессы в Афганистане, как представляется, целесообразно проанализировать структуру таджикской и узбекской частей афганского общества, выявить особенности их организации и факторы, влияющие на отношение «афганских» таджиков и узбеков к центральной власти, а также дать краткий обзор особенностей политической системы современного Афганистана.

Глава 8 рецензируемой монографии посвящена политическим процессам и политическим системам государств Центральной Азии. По структуре и содержанию данная глава, написанная С.И. Луневым, существенно отличается от всех предыдущих тем, что не содержит описания конституционных основ политических систем шесть центральноазиатских республик, правовых основ этих систем и проч. Автор, однако, выделяет общее и особенное в конституциях государств региона [Is Non-Western Democracy... 2017: 329—333]. В то же время С.И. Луневым рассмотрены такие значимые аспекты политического развития государств региона, как фактор лидера, а также роль ислама и его радикализации в политических процессах стран Центральной Азии, что существенно повышает познавательную ценность данного подраздела монографии.

В третьей части рецензируемой работы проводится сравнительный анализ политических систем стран «Большой Восточной Азии», рассматриваются политические процессы, происходившие в этих странах в XX—XXI вв., анализируется влияние политической культуры на политические процессы в государствах Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Глава 9 посвящена анализу политической системы Индии. Ведущие российские индологи С.И. Лунев и Л.Б. Алаев, рассматривая особенности политической системы данного государства, отмечают: несмотря на тот факт, что по Конституции 1950 г. в Индии была введена британская «Вестминстерская система», в стране вплоть до 1990-х гг. фактически существовала система доминантной партии во главе с Индийским национальным конгрессом (ИНК). Однако ситуация стала меняться в пользу формирования двухпартийной системы с выходом на авансцену Бхаратия Джаната парти (БДП). Разбирая особенности политической культуры Индии, авторы справедливо отмечают важность «кастового» (factor of castes) и «конфессионального» (sectarian factor) факторов в политической жизни государства [Is Non-Western Democracy... 2017: 368].

Значительный научный интерес представляет всесторонний анализ политических систем «исламских» стран Южной Азии (Пакистан, Бангладеш и Мальдивы), а также государств Юго-Восточной Азии (Таиланд, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма, Филиппины, Бруней), приведенный в главах 10 и 11.

В главе 12 «Эволюция политической системы Монголии» известный российский востоковед, директор Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянин подробно рассматривает исторические предпосылки формирования и процесс трансформации политической системы Монголии, включая период существования социалистической Монгольской Народной Республики в 1924—1992 гг. и демократические изменения в государстве в 1990-е гг.

Глава 13 «Политические системы государств Корейского полуострова», подготовленная выдающимся российским корееведом В.И. Денисовым, посвящена рассмотрению двух существующих в Республике Корея (РК) и КНДР противоположных политических режимов, которые, по мнению автора, базируются на национальной специфике и общих исторических корнях. В.И. Денисов отмечает, что идеи конфуцианства, приоритет общественного над личным, строгая иерархическая система управления во многом определяют функционирование государственных механизмов и в Южной, и в Северной Корее, а СССР и США оказали решающее воздействие на формирование политических режимов в обоих корейских государствах [Is Non-Western Democracy... 2017: 479]. Автор подробно анализирует политические системы, сложившиеся в РК и КНДР с момента их возникновения, конституционные реформы и реформы политических систем в обеих странах.

Глава 14 «Эволюция политических систем и политических институтов Китая» подготовлена коллективом российских востоковедов-синологов, возглавляемым профессором А.Д. Воскресенским, а также известными учеными Л.М. Гудошниковым и В. Сергеевой.

Первый параграф данной главы посвящен рассмотрению эволюции политических систем и политических институтов Китайской Народной Республики с момента ее провозглашения, а также Китайской Республики на Тайване. Авторы проводят сравнительный анализ действующих в Китае и Тайване политических режимов,

справедливо отмечая их партократический (partocratic) характер вплоть до ликвидации партократического режима на Тайване в конце 1980-х гг. и установления политического плюрализма в его политической системе. Большой научный интерес вызывает обзор эволюции конституций КНР и Тайваня в контексте раздельного исторического развития политических режимов «двух Китаев», а также анализ процесса «реинтеграции» бывших колониальных анклавов Гонконга и Макао в политическую систему континентального Китая.

В параграфе «Механизмы преемственности и ротации в политической верхушке КНР» авторы подробно разбирают механизм смены руководства Китайской Народной Республики, уделяя особое внимание четвертому и пятому поколениям руководителей КНР. Авторы справедливо отмечают, что именно при Ху Цзиньтао сложилась система «политического триумvirата» (political triumvirate) в руководстве КНР [Is Non-Western Democracy... 2017: 550]. Ху Цзиньтао стал первым руководителем КНР, который объединил в своих руках посты председателя КНР, генерального секретаря ЦК КПК и председателя Центрального военного совета КНР, фактически заняв высшие должности в руководстве КПК, государственном аппарате и в вооруженных силах страны. В рамках данного триумvirата премьером Госсовета КНР стал Вэнь Цзябао, а вице-председателем КНР Цзэн Цинхун (с 2008 г. — Си Цзиньпин). При этом сохранилась своеобразная преемственность в передаче власти между поколениями руководителей, когда вице-председатель КНР текущего поколения становился председателем КНР следующего поколения.

Заслуживают особого внимания параграфы «Отношения между центральным и местным уровнями руководства КНР», «Механизм выборов и межпартийная демократизация КНР», а также «Гражданское общество с китайской спецификой», в которых авторы рассматривают особенности центральной административной системы КНР, механизмы внутрипартийных выборов в Коммунистической партии Китая и институты гражданского общества, сложившиеся с момента образования КНР.

В главе 15 известный российский ученый-японист Э.В. Молодякова рассматривает эволюцию политической системы Японии, уделяя особое внимание периоду после Второй мировой войны по настоящее время. Автор справедливо отмечает, что еще с 1920-х гг. японские политики в качестве образца видели британскую двухпартийную «Вестминстерскую» политическую систему, в которой функционируют две массовые партии различной политической ориентации. Несмотря на двухпартийный характер политической системы послевоенной Японии, вплоть до начала 1990-х гг. в политической жизни государства доминировала Либерально-демократическая партия, а оппозиционные партии, среди которых выделялась Социалистическая партия Японии, не имели реальной власти. По мнению Э.В. Молодяковой, «феномен доминантной партии» (phenomenon of the dominant party) не наблюдался ни в одном демократическом государстве, что выделяло Японию среди прочих «развитых демократий». Как отмечает автор, ситуация изменилась лишь в середине 1990-х гг. в связи с созданием в 1996 г. новой политической партии — Демократической партии Японии, которая является в настоящее время основной оппозиционной силой в политической системе государства [Is Non-Western Democracy... 2017: 571].

В четвертом, заключительном разделе монографии «Общие закономерности и региональные особенности» предлагается сравнительный анализ восточных политических систем. Рассматриваются уникальность и многообразие политических систем и режимов стран Востока. Большой интерес представляет трактовка отличий моделей политического процесса на Востоке от западных.

Монография являет собой большой вклад в российскую и мировую научную литературу о политических процессах, политических системах и политических культурах современного Востока. Основная ценность данной коллективной монографии, на наш взгляд, состоит в том, что ее авторы доносят до англоязычного читателя главные достижения российской востоковедной школы (см., напр. [Эволюция восточных обществ... 1984]), которая, в отличие от западных школ, преодолела многие проблемы восприятия Востока как такового. И если на Западе Восток в востоковедных исследованиях ничего общего не имел с Востоком реальным, поскольку изучался сквозь призму западного (иудео-христианского, протестантского, светского и проч.) мировоззрения, то в российском востоковедении Восток рассматривается с учетом всего его историко-культурного, социального, экономического, политического и ценностного многообразия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Воскресенский А.Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2007.
- Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: Учебник для студентов вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2015.
- Мировое комплексное регионоведение: Учебник / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2016.
- Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: АСТ, 2007.
- Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1984.
- Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore: World Scientific, 2017.
- Voskressenski A.D.* Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Palgrave Macmillan, 2017.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: *Кассае Ныгусие В. Микаэль, Цвык А.В., Чикризова О.С.* Рецензия на монографию: *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Singapore: World Scientific, 2017. — 738 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 623—630. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-623-630.*

Сведения об авторах: *Кассае Ныгусие В. Микаэль* — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kassae_nv@rudn.university).

Цвык Анатолий Владимирович — канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvyk_av@rudn.university).

Чикризова Ольга Сергеевна — канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chikrizova_os@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-623-630

REVIEW OF THE BOOK:
Voskressenski, A.D. (Ed.) Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Singapore: World Scientific, 2017. — 738 p.

Nigusie Kassae V. Michael, A.V. Tsvyk, O.S. Chikrizova
RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, Russia

REFERENCES

- Reisner, L.I. & Simonia, N.A. (Eds.) (1984). *Evolution of the Eastern Societies: A Synthesis of Traditional and Modern*. Moscow: Nauka.
- Voskressenski, A.D. (Ed.) (2015). *East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes: Textbook for Students*. Moscow: Aspekt Press. (in Russ.).
- Voskressenski, A.D. (Ed.) (2017). *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective*. Singapore: World Scientific.
- Voskressenski A.D. (2017). *Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies*. Palgrave Macmillan.
- Voskressenski, A.D. (2007). *Political Systems and Democracy Models in the East: Textbook for Students*. Moscow: Aspekt Press. (in Russ.).
- Voskressenski, A.D. (Eds.) (2007). *Political Systems and Political Cultures of the East*. Moscow: AST. (in Russ.).
- Voskressenski, A.D. (Eds.) (2016). *World Complex Regional Studies: Textbook*. Moscow: Magistr: INFRA-M. (in Russ.).

Received: 14.06.2017

For citations: Nigusie Kassae, V.M., Tsvyk, A.V., Chikrizova, O.S. (2017). Review of the book: Voskressenski, A.D. (Ed.) *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective*. Singapore: World Scientific, 2017. — 738 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 623—630. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-623-630.

About the authors: *Nigusie Kassae B. Michael* — Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kassae_nv@rudn.university).

Tsvyk Anatolii Vladimirovich — PhD in History, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: tsvyk_av@rudn.university).

Chikrizova Ol'ga Sergeevna — PhD in History, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: chikrizova_os@rudn.university).

© Кассае Ныгусие В. Микаэль, Цзык А.В., Чикризова О.С., 2017

26 апреля 2017 г. ушел из жизни руководитель Центра проблем военно-промышленной политики Института США и Канады РАН канд. экон. наук Е.А. Роговский.

Свою профессиональную жизнь он посвятил исследовательской деятельности, до последнего дня внося вклад в развитие и укрепление отечественной науки. 6 апреля 2017 г. он прислал нам свою рецензию на материал Вестника — вдумчивую, глубокую, с хорошим чувством юмора, а через три недели его не стало. Основные замечания Евгения Александровича были учтены и отрецензированная им статья напечатана в этом номере.

Редакция «Вестника РУДН. Серия: Международные отношения» искренне соболезнует семье и близким Евгения Александровича.